

ЧЕЧНЯ: ОТ КОНФЛИКТА К СТАБИЛЬНОСТИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ ИМ. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ФОНД ГУМАНИТАРНОГО СОДЕЙСТВИЯ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

ЧЕЧНЯ: ОТ КОНФЛИКТА К СТАБИЛЬНОСТИ

(проблемы реконструкции)

Москва

2001

203

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук, профессор Д.Д.Гакаев,

доктор философских наук, профессор А.Д.Яндаров

Сборник подготовлен и вышел в свет при финансовом

содействии «Концерн Милан»

Книга издана в авторской редакции

© Российская Академия наук, 2001

© Фонд гуманитарного содействия Чеченской республике, 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	207
-------------	-----

I. Общие проблемы теории и практики конфликта

Экономические и социальные последствия чеченского конфликта: пути выхода из кризиса. <i>М.Сайдуллаев</i>	211
Причины возникновения и тенденции распространения вооруженных конфликтов. <i>Д.Смит</i>	224
Слова и образы в постконфликтной реконструкции. <i>В.Тишков</i>	251
Постконфликтная Чечня: анализ ситуации, проблемы реконструкции (политический аспект). <i>Д.Гакаев</i>	275

II. Важнейшие проблемы конфликта и поствоенной реконструкции

О концепции управляемых конфликтов. <i>Г.Заурбекова</i>	291
Проблема когерентности в общественно-политических ситуациях Чечни начала и конца XX века. <i>М.Магомадов</i>	303
Сползание Российской Федерации и Чеченской республики Ичкерия к конфликту. <i>Я.Ахмадов</i>	313
Ислам и политика на примере Чечни. <i>В.Акаев</i>	328
О некоторых парадоксалистских тенденциях в сепаратистском конфликте. <i>Г.Заурбекова, А.Яндаров</i>	352

III. Экономические и социальные проблемы

Федеральный центр и Чечня: о новой системе отношений в сфере госуправления и экономики (формирование госаппарата). <i>И.Косиков</i>	376
Итоги политики советского периода и проблемы образования современной Чечни. <i>М.Овхадов</i>	408
Современное состояние образования Чеченской республики. <i>В.Мижеригов</i>	438
Социальные проблемы Чеченской республики. <i>Х.Мусалатов</i>	448

Сообщения

Деятельность структур исполнительной власти в Чеченской республике в период активной фазы контртеррористической операции. <i>Г.Хасханов</i>	457
Проблемы российского федерализма в общественном сознании. <i>Ш.Бено</i>	464

Некоторые проблемы духовного возрождения в послевоенной Чечне. <i>Р.Нашхоев</i>	477
О некоторых причинах возникновения чеченского конфликта. <i>Б.Умалатов</i>	481
Обеспечение безопасности, прав и свобод граждан – основа жизнедеятельности общества. <i>М.Хрипков</i>	485
Рекомендации	489

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема постконфликтной реконструкции — одна из наиболее трудно разрешимых в современной общественной практике и одна из фундаментальных в системе обществоведческих исследований. Казалось бы, все конфликты, в том числе и войны, рано или поздно заканчиваются миром, тем не менее международный опыт свидетельствует, что начать конфликт, включая и его вооруженную форму, легче, чем его закончить. Происходящее на территории бывшего СССР в последние годы только подтверждает это положение. Около десятка насильственных конфликтов, некоторые из которых начались еще в конце 1980-х гг., в настоящий момент не носят характер масштабных войн. Но ни один из этих конфликтов, даже те, которые казалось бы закончились убедительной военной победой одной из сторон, не получил своего разрешения как в плане ликвидации наиболее тяжелых негативных последствий (беженцы и разрушения), так и плане политического урегулирования.

Гибель людей, материальные утраты и нарушение привычного порядка жизни питают ненависть и отчуждение конфликтующих сторон. Те, кто когда-то взял в руки оружие, возможно, под благородными лозунгами, превратили террор и насилие в единственное занятие или в доходный бизнес, забыв о первоначальных целях. Невоюющие граждане под дулами автоматов и под воздействием пропаганды морально и политически дезориентированы, социально унижены и не способны оказывать воздействие на ход событий. Территория конфликта и проживающее на ней население вместе с беженцами становятся ареной амбиций и фанатизма воюющих лидеров, политических противоборств и геополитических соперничеств. Во внешнем мире у каждого конфликта с обеих сторон появляется армия политических сторонников, морально сочувствующих, спонсоров и откровенных провокаторов, которые хотя ценою чужих жизней весты войну до конца. В

итоге конфликт «приватизируют» в свою собственность внешние силы, и от этого, как правило, разрешить его становится еще труднее. Ученые и публицисты, написавшие книги и статьи в пользу «национальной независимости», «борцов за свободу» или «гордых дикарей», уже не хотят восстановления статус-кво, означающее и их собственное поражение.

Травма конфликта бывает столь глубока и психологически ощутима, что мысли рядовых людей, политиков и ученых чаще обращены к прошлому, к поиску ответов и объяснений, как и почему все произошло и кто виноват? В этой ситуации еще более трудно сосредоточиться на проблеме реконструкции мирной жизни и разрешении конфликта. Тем более что чудес в данном деле не бывает, выход из конфликта не менее долг и столь же дорог стоит, что и сам конфликт. Разница только в том, что затевать конфликт и исполнять насилие легче, чем собирать разрушенное общество и восстанавливать мирную жизнь. Но самой неприемлемой является позиция беспомощного выжидания, что рано или поздно конфликт должен закончиться, что необходимо время для его должного анализа и что нет возможностей найти примирение и согласие, если так много потеряно человеческих жизней и так много всего разрушено. Люди, прежде всего те, кто «ведает обществом», т.е. ученые-обществоведы, могут и должны вместе с политиками и управленцами предложить планы мирной реконструкции обществ, переживших или переживающих глубокий конфликт.

Все вышесказанное имеет самое прямое отношение к самому тяжелому и разрушительному конфликту на территории бывшего СССР — конфликту в Чечне или, как его еще называют, чеченской войной. Помимо большого числа жертв (не менее 50 тыс. погибших, если считать всех российских граждан, а не только военнослужащих) и разрушений, а также вынужденного исхода половины населения в территории Чеченской республики, одна из серьезных утрат — это разрушение культурно-

образовательного и научного потенциала республики и прежде всего потенциала ее основного населения в лице чеченского народа. Без восстановления интеллектуального слоя и без усилий собственных специалистов эффективная реконструкция невозможна, какие бы совершенные планы не разрабатывались внешними экспертами и какие бы средства не отпускались на их осуществление. Дело восстановления Чечни — это общероссийская проблема, но без самого активного участия самих чеченцев эта проблема не может быть разрешена.

Исходя из этих принципов, Российская академия наук, прежде всего в лице Института этнологии и антропологии РАН предприняла некоторые усилия по оказанию научного и более широко — гуманитарного содействия делу восстановления Чеченской республики. С 1999 г. при институте начала работать временная исследовательская группа, состоящая из ученых-гуманитариев — бывших сотрудников Института гуманитарных исследований и вузов г. Грозного. Большинство этих специалистов ныне проживает вне Чечни и многие обосновались в Москве. Однако их знания, равнодушное отношение к происходящему, готовность оказать содействие в разрешении конфликта и в установлении мира являются важным экспертным и политическим ресурсом.

Основной темой своей исследовательской работы группа выбрала проблему чеченского конфликта и его разрешения. Помимо исследовательской работы Институт этнологии и антропологии РАН при поддержке действовавшего Государственного совета Чеченской республики во главе с Маликом Сайдуллаевым провел 28-29 ноября 2000 г. в г. Москве международную научно-практическую конференцию «Чечня: от конфликта к согласию», которая завершилась выработкой рекомендаций по постконфликтному урегулированию. Конференция и ее рекомендации получили известность и оказали пользу в выработке государственной программы восстановления Чеченской республики и в работе органов власти, в том числе в самой Чечне.

Данная книга содержит некоторые разработки участников выше названной исследовательской группы, а также тексты докладов и сообщений конференции, включая итоговые рекомендации. Основные авторы книги — это известные чеченские ученые-обществоведы, практические работники, занятые проблемами восстановления в Чечне, сотрудники Института этнологии и антропологии РАН, занимающиеся данной тематикой.

Книга выходит не только под грифом академического института, но и общественной организации «Фонд гуманитарного содействия Чеченской республике», который был учрежден в июне 2000 г. Институтом этнологии и антропологии РАН. Этот фонд только начинает свою деятельность, но уже осуществлены некоторые важные гуманитарные акции (семинары для школьных учителей из Чечни по постконфликтной травме и школьной психологии, сбор и отправка школьных библиотек для педагогов). Фонд координирует свою работу с благотворительной деятельностью «Концерта Милан», осуществляя совместные акции, как, например, восстановление книжного фонда Чеченской республики и другие.

Книга «Чечня: от конфликта к стабильности» — это первая из запланированных работ по данной теме. Тем более что Президиум РАН поддержал деятельность временной исследовательской группы в 2001 г. вместе с решением создать в г. Грозном комплексный научно-исследовательский институт. К печати сейчас готовятся материалы по проблемам состояния и сохранения культуры Чечни.

В. А. Тишков, директор Института этнологии и антропологии
РАН, президент Фонда гуманитарного содействия
Чеченской республике.

Малик Сайдуллаев

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЧЕЧЕНСКОГО КОНФЛИКТА: ПУТИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

Существуют различные взгляды на проблему, которая последние десять лет стала трагедией и болью не только чеченского народа, но и всей России. Уже не единожды на самом высоком уровне собирались различные форумы и конференции, где представители самых разных политических течений и групп пытались решить важнейшие проблемы Чечни. Но за редким исключением такие встречи выливались в очередную словесную перепалку, конфликт амбиций и взглядов. Уверен, я выражу общее мнение, если скажу, что сегодня наступил предел терпения народа, назрела та критическая масса, взрыв, который может вызвать цепную реакцию необратимых разрушительных процессов не только на Северном Кавказе, но и по всей Российской Федерации. Ждать больше нельзя. Именно поэтому я призываю всех оставить в стороне межличностные противоречия и споры, чтобы найти общие взаимоприемлемые позиции и сообща решить проблему возрождения Чеченской республики. От кровавого конфликта к стабильности и благосостоянию лежит долгий и тернистый путь. Но мы должны пройти его наперекор всем невзгодам и трудностям. Да, это тяжелая, ответственная и важная работа. Но кто сможет выполнить ее кроме нас? В связи с этим хочу напомнить одну древнюю притчу.

Сооружая в Мекке главную мусульманскую святыню Каабу, пророк Ибрагим и сын его Исмаил выкладывали в день всего лишь по одному ряду кирпичей. Так появился храм — величайший символ ислама. Так и всем нам предстоит день за днем буквально по кирпичику возводить в Чечне здание мира, благополучия и согласия. Мы должны выполнить эту сложную и кропотливую работу, чтобы, вспоминая конец XX века, и второго тысячелетия, наши потомки говорили не только о том, что в Чечне лилась кровь, и гибли люди, чтобы наши дети, внуки и правнуки с благодарной гордостью вспоминали нас. Чтобы в

народной памяти мы остались теми людьми, которые смогли подняться выше личных амбиций, противоречий и обид во имя решения важнейшего вопроса выживания и расцвета чеченского народа, духовного и экономического возрождения нашей Родины. В первую очередь я обращаюсь к чеченцам: хватит делиться на противодействующие стороны и враждующие тейпы. У нас должен быть один тейп — нохчо — единый чеченский народ.

Не помня прошлого, нельзя построить будущего.

В нашей памяти навсегда останется трагедия февраля 1944 года, когда в ходе сталинской депортации **493 тысячи 269 человек** — все население Чечено-Ингушетии — в одночасье было сорвано с обжитых мест и переброшено за тысячи километров в Казахстан и Киргизию. И все-таки, через 13 лет наш народ вернулся на свою малую Родину численно возросшим, сохранив свой язык, культуру и национальные традиции. За годы упорного труда наша республика превратилась в цветущий край — жемчужину Северного Кавказа. Развитая экономика, в основе которой лежал мощный нефтехимический комплекс, многоотраслевое сельское хозяйство с лучшей в стране ирригационной системой, самый низкий на всем Кавказе уровень преступности — вот характерные черты нашего недавнего прошлого.

Но последнее десятилетие современной истории стало еще более тяжким испытанием для всех чеченцев, чем годы депортации. Мы знаем, во что превратили республику дудаевско-масхадовский режим и не всегда продуманная политика российского руководства. Сегодня Чечня лежит в руинах. От былого благополучия не осталось ничего. По официальным данным 7 населенных пунктов, в том числе столица — город Грозный — уничтожены практически полностью. На 70 процентов разрушены 18 аулов и сел. В кучи строительного мусора превращены более 21 тысячи домов. Еще 80 тысяч жилых строений повреждены едва ли не на половину. Но самое страшное — это гибель мирных граждан. В отличие от военных потерь статистика жертв среди гражданского населения республики не ведется, и мы обладаем лишь оценочными сведениями, которые за две военных кампании колеблются от 22 до 60 тысяч человек. Только детей за время первой чеченской войны погибло около 5 тысяч. Прибавив не родившихся за

последнее десятилетие младенцев, мы поймем, что за это время чеченский этнос сократился едва ли не на 200 тысяч человек.

Сейчас в Чечне 5 тысяч инвалидов всех возрастов и 6 тысяч беспризорников. Показатели страдающих открытой формой туберкулеза превысили все допустимые пределы — 40-45 больных на каждую тысячу. И это на полмиллиона населения, проживающего сейчас в республике. Но было бы несправедливо списывать бедственное положение республики только на войну. Трагедия нашего народа началась гораздо раньше — с приходом к власти сепаратистов типа Дудаева, Масхадова и им подобных.

Криминальный беспредел нанес непоправимый урон экономике и социальной сфере Чечни. Разворовано и разрушено все, что представляет хоть какую-то ценность. В республике перестала существовать промышленность, и ее сердцевина — нефтяная отрасль, до основания уничтожены система медицинского обеспечения, среднего и высшего образования. Агропромышленный комплекс одной из самых благоприятных в климатическом отношении республик не обеспечивал и 15-20 процентов потребностей собственного населения. Энергетика, газо- и водоснабжение, транспорт, связь, городское хозяйство, объекты культуры не просто пришли в упадок, а почти полностью перестали существовать. В период с 1997 по 1999 годы 600 тысяч людей потеряли работу, от 30 до 50 процентов молодежи стали употреблять наркотики, а зарплата и посещение лечебных учреждений стали несбыточной мечтой всего населения Чечни. В эти же годы в республике появились едва ли не 15 тысяч кустарных мини-заводов, производящих самопальный низкосортный бензин и отравляющих окружающую среду. При самых минимальных подсчетах ущерб только в основных отраслях экономики Чечни составил примерно 40-45 млрд. рублей. И это без учета нефтяной индустрии, где общий ущерб, включая потери сырья и загрязнение экологии, равен 60 млрд. рублей.

Население Чечни на себе чувствовало, как из состояния бедности в середине девяностых годов, республика скатилась в беспросветную нищету к концу десятилетия. При этом рушились такие извечные законы гор, как почитание и авторитет старейшин, уважение женщины-матери, гостеприимство, помощь попавшим в беду. В связи с этим более 500 тысяч человек покинули родные места, уехав в регионы центральной России

или за границу. Из-за правового беспредела были вынуждены оставить Родину в два раза больше чеченцев, чем 55 лет назад в ходе сталинской депортации. Уезжали лучшие люди, цвет и гордость чеченского народа. В Грозном до 1991 года проживало 425 тысяч, в том числе 200 тысяч русских. К зиме 1999 года в столице осталось около 20 тысяч человек, а русское население Чечни уже не превышает и 5 процентов.

Подавляющее большинство людей, оставшихся в республике, было раздавлено нищенским существованием и страхом. Горы оружия, оставленного в Чечне, бандитская власть, ужасающая бедность и отсутствие элементарных прав и свобод обусловили новую форму взаимоотношений — прав тот, у кого в руках автомат. Власть уголовников спровоцировала в республике рост преступности. В одночасье расцвел букет наитягчайших преступлений, связанных с посягательством на свободу и жизнь граждан. Произошло самое ужасное — люди стали приспосабливаться жить в условиях всеобщего беззакония, бандитского произвола и страха. Едва ли не каждый житель Чечни, в той или иной мере пострадал в это тяжелое для республики время. У кого-то погибли ближайшие родственники и друзья. Кто-то был ранен, потерял дом и все нажитое за долгие годы упорного труда хозяйство. Многие пережили страх за жизнь своих детей, жен, братьев и сестер, захваченных бандитами в качестве заложников и превращенных в живой товар.

За три года криминального режима в качестве заложников было захвачено более 700 человек из числа русскоязычного населения и посетивших Чечню иностранцев. Количество похищенных чеченцев вообще не поддается учету. По прогнозным оценкам их более 3 тысяч человек. Взвинчивая запредельные цены за выкуп и требуя деньги, заложников пытали, а зачастую просто убивали. Так кощунственно и цинично было уничтожено важнейшее и неотъемлемое право каждого человека — право на жизнь и свободу. Именно это я и называю геноцидом чеченского народа. Именно это и нужно поставить в вину Дудаеву, Масхадову, Басаеву, Удугову и другим бандитам.

Осенью 1999 года в судьбе чеченского народа наметился крутой перелом. В ответ на провокационное нападение боевиков-ваххабитов на Республику Дагестан политическое руководство России осуществило широкомасштабную антитеррористическую

операцию. Параллельно с боевыми действиями возрождалась экономика и социальная сфера республики. Учитывая опыт 1995-1997 года Президент и Правительство России приняли решение на первом этапе финансировать восстановление только важнейших объектов жизнедеятельности — электро- газо- и водоснабжение, систему здравоохранения и образования. Первостепенное внимание уделялось обеспечению населения, и, прежде всего вынужденных переселенцев, продуктами питания и одеждой, а также местами временного проживания. Параллельно с этим осуществлялось восстановление тех сфер экономики, которые могут обеспечить быструю отдачу и создать большое количество рабочих мест — нефтедобыча, сельское хозяйство, ремонт и возведение жилья, а также объекты ЖКХ. При этом в восстановительных работах планировалось задействовать, прежде всего, местную рабочую силу.

Казалось, что население республики наконец-то увидело свет в конце туннеля. Но в июне нынешнего года Представительство правительства России было ликвидировано и с того времени республика впала в кому. В связи с отсутствием финансирования остановились работы практически во всех отраслях экономики. В Грозном до сих пор не восстановлен ни один дом, там нет света и большие проблемы с водой. Всего в республике насчитывается 150 тысяч жителей, которые не имеют крыши над головой. Из-за дефицита медикаментов в Грозном и Гудермесе реально обозначилась угроза эпидемии гепатита. Вновь обострились проблемы в агропромышленном комплексе. Из-за плохой организации уборочной кампании, урожай собран гораздо меньше запланированного. При этом львиная доля зерна была разворована, поскольку люди до сих пор не получают зарплату, это значит, что Чечня вновь обречена на полуголодное существование и снова будет перебиваться гуманитарной помощью. Многие квалифицированные специалисты всех отраслей хозяйства уже в который раз за эти годы остались не у дел. Зато во власть опять приходят те, кто запятнал себя кровью, сотрудничая с бандитами. С глубоким сожалением и горечью мы должны констатировать факт, что чеченский народ вновь брошен на произвол судьбы.

Теперь перед нами встает главный вопрос. Что и как нужно делать, чтобы возродить нашу республику?

Часто бывая в Чечне и зная реальное положение дел, позволю себе высказать личное мнение по наиболее важным проблемам мирного урегулирования кризисной ситуации и путях их решения. Не претендуя на абсолютную истину считаю, что только в ходе заинтересованного и ответственного обсуждения различных позиций мы сможем найти реальные и эффективные способы восстановления экономики и социальной сферы Чеченской республики.

Исходным пунктом данной концепции является тот факт, что Чечня, сохраняя за собой гарантии полного самоопределения, должна быть полноправным субъектом Российской Федерации.

Нормализацию жизни в этом регионе целесообразно осуществлять по двум главным направлениям: уничтожение террористов и наемников, восстановление экономики. Но для этого **нужно менять нынешнюю систему управления республикой и временно вернуться к жесткой вертикали государственной власти.** Для этого в Чечне необходимо ввести на 2-3 года прямое президентское правление с руководителем в ранге вице-премьера, который бы сосредоточил в своих руках главные направления восстановления объектов жизнедеятельности, работу политических и экономических структур, территориальных органов федеральных министерств и ведомств. Через своего заместителя, который должен координировать усилия армии, силовых структур и правоохранительных органов, первый руководитель будет контролировать и круг вопросов, связанных с ликвидацией диверсионно-террористической деятельности. Также должна осуществляться комплексная правительственная программа восстановления Чечни с жестким графиком финансирования и предельно сжатыми сроками выполнения конкретных работ. Глава республики обязан не реже двух раз в месяц отчитываться перед Председателем Правительства России о проделанной работе и ежемесячно перед Президентом страны.

Важной задачей является организация широкого внутричеченского диалога с привлечением общественно-политических объединений, партий и движений, муфтията, старейшин, интеллигенции, женщин и молодежи, а также находящихся за пределами республики чеченских общин.

Основное направление их работ — поддержка мероприятий федерального центра и чеченской администрации по возрождению республики. Невозможно переоценить их роль в гражданском и национальном примирении всех слоев чеченского общества. В целях разработки и законодательных актов, необходимых для строительства Чеченской республики, следует избрать общественный Совет из наиболее авторитетных ученых и общественных деятелей Чечни. Через два-три года, когда обстановка будет урегулирована и созданы нормальные условия для формирования всех ветвей власти, наступит время для реализации чеченским народом всего спектра демократических прав и свобод. Будут проведены абсолютно легитимные выборы руководящих органов республики. Позитивный опыт в Чечне уже есть. Выборы Президента России и депутата в Госдуму со всей очевидностью доказали это. Полагаю, что нам не следует бояться кардинальных мер в этом направлении.

Неоднократно обсуждается тезис о политическом решении конфликтной ситуации в Чечне. Но до сих пор никто не может толком объяснить, что это значит. Вести переговоры с террористами, пусть даже в ранге законно избранного президента Ичкерии, мы не можем по определению, тем более что 26 января 2001 года уже закончится президентский срок Масхадова. Лучшее, что он еще может успеть сделать и для себя, и для чеченского народа, это публично отказаться от своего поста, покаяться в грехах и сложить оружие. Этим он спасет многие жизни и приблизит окончание трагедии. Но вряд ли на это готов Аслан Масхадов. Став политическим заложником ситуации, он лишен иного выбора. Учитывая сложившуюся ситуацию, полагаю, что перечисленный комплекс мероприятий и будет тем политическим решением проблемы, которое от нас ждут народы Чечни и России, мировая общественность.

Теперь о частных, но не менее важных вопросах. Активная фаза контртеррористической операции в основном завершена. Армия в общих чертах выполнила свою задачу по уничтожению крупных бандформирований и теперь должна постепенно выводиться за пределы республики. В местах постоянной дислокации на территории Чечни останутся 30 тысяч военнослужащих 42-ой дивизии. Они будут осуществлять стабилизирующую функцию, адекватно реагируя с помощью боевых маневренных групп, поддерживаемых авиацией, на

экстремистские действия отрядов вооруженных сепаратистов. Основную роль в борьбе с терроризмом должны выполнять спецслужбы и правоохранные структуры. Сейчас в республике 40 тысяч сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск. Тем не менее, необходимо наращивать потенциал МВД и ФСБ не только прикомандированными сотрудниками, но и за счет местных жителей, прошедших строгую и объективную проверку. Тогда на смену ковровому бомбометанию и стрельбе по площадям из всех видов оружия придут оперативно-розыскные мероприятия по предотвращению и пресечению бандитско-террористической деятельности конкретных преступников.

Также необходимо укреплять суд и прокуратуру, в том числе военную. Каждый житель Чечни должен быть уверен в том, что эти структуры защитят его от любой напасти, будь то бандитский беспредел, или пьяный контрактник. Кстати, о контрактниках. Думаю, что из республики их пора выводить — уж слишком дурную славу они завоевали, проводя свои малоэффективные «зачистки» и терроризируя мирных жителей. Это же можно сказать и о значительной части блокпостов, охрана которых больше всего занимается поборам населения. А для бандитов у них всегда «зеленый свет», проплаченный долларовыми купюрами.

Новый подход необходим и в вопросе о прохождении армейской службы призывниками из Чечни. Они должны пополнять строительные и железнодорожные войска и служить на территории республики. За два года молодые ребята приобретут профессию, будут зарабатывать хоть какие-то деньги, а самое главное поднимать из руин свое отечество. Именно возрождение экономики и создание новых рабочих мест являются приоритетными направлениями. Почему подросток, рискуя жизнью, идет и за 100 долларов устанавливает на дороге фугас? Просто ему нечего есть. Вспомните события в Прибалтике и на Украине в первые послевоенные годы. Бандитское подполье окончательно уничтожили лишь после того, как возобновили работу предприятия. То же и в Чечне. Если 70-80 процентов трудоспособного населения будут иметь оплачиваемую работу, с бандитами в основном можно будет покончить за 3-4 года, а то и раньше. Но сегодня позитивных сдвигов в этом направлении нет. Ежедневно гибнет 25-30 человек, восстановительный процесс

заморожен и в глазах простых чеченцев полностью дискредитирована президентская программа борьбы с бандитизмом, восстановления экономики и возрождения нормальной жизни. Среди населения республики зреет недовольство политикой федерального центра, его обвиняют во всех грехах.

Конечно, без помощи России нам не обойтись. Но и мы сами должны зарабатывать деньги. Чеченская Республика — это регион, который должен не бедствовать, а процветать. Все мы знаем, что Чечня богата ресурсами. В ее недрах едва ли не вся таблица Менделеева, в предгорьях великолепные леса, на равнине благоприятные условия для развития сельского хозяйства. Конечно же, главным богатством является нефть. В прошлые годы общий фонд нефтяных скважин ЧИАССР составлял 1107 единиц, из них в эксплуатации находилось 772 установки. В отрасли работали до 7 тыс. человек и добывалось 12 тыс. тонн нефти в сутки. За последние годы нефтедобыча и нефтепереработка пришли в упадок. В начале 90-х годов ежедневно добывалось только 6 тыс. тонн, в 1998 году — 600-700 тонн, а к середине 1999 года — 400 тонн. За годы дудаевско-масхадовского режима практически полностью уничтожено или пришло в негодность заводское нефтеперерабатывающее оборудование, разграблен резервуарный парк, разрушено почти 200 км. нефтепроводов, только за 3 последних года похищено свыше 180 тыс. тонн сырой нефти. Но по этому поводу не было возбуждено ни одного уголовного дела. Вместе с тем, в Чечне были сооружены 15 тысяч кустарных минизаводов по перегонке нефти и получению низкосортного бензина (10 процентов от исходного сырья) и дизельного топлива (25-30 процентов). Оставшийся мазут практически повсеместно сливался на землю, нанося огромный ущерб экологической обстановке. В итоге 30 процентов территории Чечни относится к зоне экологического бедствия. Загрязнение рек Терек и Аргун в некоторых местах достигают 700-1000 ПДК. Однако восстановительные работы тормозились в связи с недостатком средств, а к осени и вовсе ост.

Сегодня на фонтанирующих скважинах ежедневно сгорает нефти примерно на один миллион долларов. После некоторого перерыва вновь набирает силу подпольный нефтяной бизнес. Бывшие хозяева стали негласно, в том числе и с помощью силы, заявлять свои права на действующие скважины. Возросло

воровство сырой нефти, причем в операции по незаконной перевозке цистерн втягиваются путем подкупа и получения взяток отдельные представители федеральных вооруженных сил и МВД, обеспечивающие преступникам безопасность перемещения по территории республики, проезд через блокпосты и административные границы. Концентрация усилий на восстановлении нефтедобычи поможет при минимальных затратах в кратчайшие сроки получить немалые финансовые средства для восстановления Чеченской Республики. Нам нужно не опоздать и эффективно использовать удачно сложившуюся конъюнктуру на мировом рынке сырья, когда цены на нефть стали просто космическими. Но мы сидим на бочке с черным золотом и кланчим бюджетные средства. А всего-то и нужно — не полениться и нагнуться, чтобы поднять миллионы рублей, которые в прямом смысле лежат под ногами. Для этого, прежде всего, необходимо потушить почти три десятка горящих скважин, вновь обучиться цивилизованному способу добычи, транспортировки и продажи углеводородного сырья. Большая половина вырученных средств должна пойти на возрождение нормальной жизни в республике, другая — на восстановление прежде всего добычи, а в дальнейшем и на реанимацию нефтеперерабатывающего комплекса, поскольку ГСМ стоят гораздо дороже, чем сырая нефть. Уже состоялось решение правительства, и хозяином чеченских недр стала компания «Роснефть». Но было бы целесообразно, если бы в течение 2-3 лет основная часть прибыли, получаемая от продажи добываемого сырья, оставалась в Чечне. Вполне реальны и зарубежные инвестиции. Крупная английская фирма «Марк Рич», вторая после «Шелл», за 10-15 процентов готовой продукции уже предложила свои услуги по восстановлению нефтеперерабатывающего компл.

Как и любого чеченца, меня крайне волнует судьба вынужденных переселенцев. Недавно министр по делам федерации, национальной и миграционной политики РФ Александр Блохин заявил, что к зиме 2001-2002 года будут ликвидированы палаточные городки в Ингушетии и таким образом решится эта актуальная проблема. Сказать легче, чем сделать. А пока что неделю назад в Ингушетии открылся палаточный лагерь. Сейчас в центрах временного размещения на территории Чечни и Ингушетии проживает почти 40 тысяч человек. Существует мнение, что если каждому из них

ежедневно, выдавать по 30 рублей, как это определено законом, то переселенцы будут снимать жилье и вопрос размещения решится сам собой. Конечно, деньги людям отдавать надо. Но, во-первых, таких средств в федеральном бюджете просто нет — долг только перед миграционной службой Ингушетии составляет 400 млн. рублей. Во вторых, данный вариант является полумерой, поскольку обрекает людей ютиться по чужим углам на неопределенно долгий срок. В той же Ингушетии основная часть из 175 тысяч официально зарегистрированных переселенцев уже второй год скитается по квартирам своих знакомых и родственников, не испытывая по этому поводу большого восторга. Ну, а вопрос о связанных с этим финансовых злоупотреблениях я вообще оставляю за скобками.

На мой взгляд, эта тяжелейшая проблема требует кардинального решения. Необходимо создать благоприятные условия для самостоятельного ремонта и строительства частного жилья, взамен утраченного в ходе военных действий. При этом нужно отказаться от компенсационных выплат, поскольку они, как и в прошлые годы, не дойдут до людей. Целесообразно обеспечить каждого хозяина стройматериалами и поэтапно выплачивать ему, как строителю, достойную зарплату за восстановление собственного дома. Условия для этого есть. В республике море уже бывшего в употреблении кирпича — его только нужно собрать и очистить от старой штукатурки. При минимальных затратах цементный завод через полтора-два месяца может давать свою продукцию. Деревообрабатывающие и столярные цеха уже давно работают в республике, как и гудермесский кирпичный завод. А стекло, железо, шифер, гвозди можно взять в российских регионах путем взаимозачетов за их долги в федеральный бюджет. Ну, а за чеченцами — великолепными строителями — дело не станет. И я уверен, что с восстановлением частного жилья можно справиться за год-полтора. Это эффективный, дешевый для страны и выгодный для каждого чеченца способ, который позволит нам окончательно решить проблему вынужденных переселенцев.

Неотложного вмешательства требует агропромышленный сектор республики. За последние 10 лет сельское хозяйство Чеченской Республики пришло в упадок, оно не обеспечивает и 15-20 процентов собственных нужд населения Чечни. Учитывая сложившуюся ситуацию, полагаю целесообразным на нынешнем

этапе работ по восстановлению сельскохозяйственного производства делать ставку на госхозы, наладить воспроизводство культур, наиболее важных для обеспечения продовольственных нужд Чечни и менее всего подверженных разграблению. Одновременно необходимо создавать условия для расширения фермерских хозяйств, особенно в сфере разведения крупнорогатого скота, овец и коз, виноградарства и табаководства. Для успешной деятельности последних нужно провести учет и перераспределение (с законодательным закреплением аренды или пожизненного пользования) тех землевладений, которые раздавались масхадовской властью полевым командирам и функционерам из числа своего ближайшего окружения. Учитывая, что население республики в настоящий момент представлено преимущественно сельскими жителями, необходимо сосредоточить значительные силы и средства на восстановлении сельскохозяйственного производства в целях значительного повышения занятости людей (до 40-60 процентов) и создания продовольственных запасов.

В целом, чтобы комплексно решать проблемы села, нужно восстановить машинотракторный парк республики, обеспечив его запчастями и особенно ГСМ; создать семенной фонд необходимых культур для озимого и ярового сева; обеспечить меры по увеличению поголовья крупнорогатого скота и овец как в государственном, так и в частном секторе; расширить площади под посадки виноградников и табака исходя из реальных возможностей по их обработке. Важно продолжать практику восстановления птицеводческих хозяйств, обеспечивая их кормами и развивая продажу населению цыплят по минимальным ценам. Пора подумать о возрождении пчеловодства в республике. Кстати, еще 10-12 лет назад 90 процентов свечей для Ватикана выплавлялись из лучшего в мире чеченского воска. Уже нынешним летом на базе совхоза «Чеченский» можно было содержать до 4 тыс. пчелосемей. С приходом весны требуется оказать помощь и 9 специализированным госрыбхозам республики, насчитывающим более 110 прудов, с общей площадью водяного зеркала 1100 га. И, наконец, последнее — требуется воссоздать систему подготовки специалистов среднего звена в сфере различных отраслей сельского хозяйства.

Неотложного внимания требует и работа со средствами массовой информации. В Чеченской республике чуть больше

половины населения могут смотреть центральное телевидение и местный канал «Вайнах». Продолжается трансляция из Москвы радиостанции «Чечня свободная», испытывая огромные трудности, выходят несколько местных газет. Таким образом, население республики имеет весьма ограниченную возможность знакомиться с достоверной официальной информацией, позицией армейского руководства и Администрации республики. Именно поэтому в Чечне так сильно распространены слухи и сплетни, что активно используется удуговской пропагандой. Что же касается российских СМИ, то им необходимо менять в общественном сознании своих читателей созданный за 10 лет стереотип кровожадного чеченца — вора и убийцы, а на смену материалам о воровстве и насилии должны прийти публикации о восстановлении мирной жизни в республике.

Большую помощь в решении глобальных вопросов чеченского народа нам могут оказать и уже оказывают международные гуманитарные организации и фонды. Мы ни перед кем не скрываем остроту тех проблем, с которыми столкнулись в Чеченской Республике. Едва ли не каждую неделю на Северный Кавказ прибывают группы иностранных журналистов. Наша прозрачность и открытость является свидетельством того доверия, которое мы проявляем в отношениях с внешним миром. Но в тоже время нам бы хотелось, чтобы мировая общественность получала от своих наблюдателей в Чечне, в том числе и от журналистов, действительно объективную и правдивую информацию, свободную от штампов и стереотипов времен «холодной войны». Именно в этом залог и гарантия развития демократии и обретения нашим народом неотъемлемых прав и свобод. Это важно не только для Чечни, это важно для России и всего мира.

Нам нужны не политические лозунги и декларации, а четкие и ясные предложения по поводу того, как решать ту или иную проблему, механизмы практической реализации конкретных задач, если хотите — техника и технология возрождения экономики и социально-политической сферы Чечни. Я понимаю, что современная наука не одобряет рецептурный подход в разрешении сложнейших многофакторных ситуаций. Но практикам, а их большинство, нужны именно конкретные, проверенные наукой рекомендации и предложения, а также пути их реализации.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Резюме

В этой статье речь идет о том, что нам известно о причинах возникновения вооруженных конфликтов и о подходах к их изучению, а также поднимаются вопросы, связанные с ролью «этничности» и «политической мобилизации» в современных конфликтах. Вначале автор дает краткий обзор вооруженных конфликтов за последнее десятилетие. Подчеркиваются те моменты, на которые при анализе отдельных конфликтов следует обращать особое внимание, поскольку они могут быть признаками начинающейся эскалации; указываются и возможные пути поиска предотвращения эскалации; дается анализ причин затягивания конфликта. Затем автор рассматривает состояние теоретических исследований, после чего, отойдя от теории, описывает методологию и пытается предложить прикладной подход к изучению и анализу вооруженного конфликта. Автор подчеркивает различие между «фоновыми» причинами и факторами «первого плана» и исследует их взаимосвязь. Он утверждает, что каузальное объяснение конфликта нуждается не только в социальном, культурном, экономическом и экологическом «фоне», «заднем плане», но и в политическом «переднем плане». Выделяя различные типы причин, автор останавливается на социальной несправедливости и этничности как «материале» для политической мобилизации на Балканах.

1. Вводные замечания

С начала 1990 и по конец 1999 гг. произошло 118 вооруженных конфликтов, которые затронули 80 стран и два крупных региона и унесли жизни примерно шести миллионов человек. Для того чтобы не допускать превращения конфликтов в вооруженные, а если это все же произошло, уметь завершать их как можно скорее и создавать максимальные гарантии их невозобновления после достижения урегулирования, необходимо

глубоко осознавать причины и природу вооруженных конфликтов.

В данной работе сделана попытка кратко очертить наши знания о причинах вооруженных конфликтов. Теоретическая база этого знания ограничена, но чрезвычайно важна. Ограничена она в том смысле, что не предлагает какого-либо обобщенного объяснения — но при чрезвычайной сложности и неоднозначности самого явления это вряд ли вызовет удивление. С другой стороны, теория важна, потому что может подсказать, где нам искать признаки эскалации насилия, а также пути предотвращения этой эскалации. Однако в данной статье главное не теория, а методология изучения и анализа вооруженного конфликта.

Статья начинается с рассмотрения конфликтов 1990-х гг., затем переходит к теоретическим проблемам с тем, чтобы не только дать их общий обзор, но и указать источники для дальнейшего изучения; после этого излагается методология. Ключевой вывод здесь таков: причины вооруженных конфликтов не просто разнообразны — в их совокупности можно усмотреть ряд типов, требующих, в свою очередь, разных типов и уровней теоретического и аналитического исследования. Поэтому методологические вопросы — это отчасти вопросы типологические, связанные с организацией конкретных данных и теоретических положений. В статье выделяется «связка» концепций справедливости и мобилизации, через призму которой можно рассмотреть на разных уровнях и увязать между собой различные типы причин: краткосрочные и долгосрочные, социально-экономический «второй план» и политический «первый план». Иллюстрацией служит анализ явления, обычно называемого «этническим конфликтом».

2. Вооруженные конфликты на 1990-х гг.

Вооруженные конфликты — это открытые столкновения с применением оружия между двумя или более руководимыми из центра сторонами, непрерывно продолжающиеся в течение какого-то времени в споре за контроль над территорией и ее управлением. Из 118 вооруженных конфликтов, случившихся с

1990 по 1999 г.ⁱ десять можно четко определить как межгосударственные. Хотя часто именно такими люди представляют себе современные войны и о таких конфликтах кричат газетные заголовки, они составляют лишь относительно небольшую часть идущих сегодня военных действий. Пять вооруженных конфликтов относятся к войнам за независимость, хотя и во многих других случаях участники считают свои конфликты именно таковыми. Сто войн были «в значительной мере», «главным образом» или «исключительно» внутренними конфликтами. Такая приблизительность в терминологии свидетельствует о том, что многие войны с трудом поддаются классификации. Две войны, не вошедшие в 100 войн 1999 и 2000 гг., были внутренним делом Эфиопии во всем, кроме одного: почти все военные действия происходили на территории соседней Сомали. Шедшая в Демократической республике Конго (бывшем Заире) два последних года война представляет собой категорию, которую лучше всего, возможно, определит термин «транс-национальная»ⁱⁱ. В определенном смысле это была гражданская война, в которой решалось, останется ли у власти президент Лоран Кабила, но одновременно это была международная война за власть и влияние в регионе. Ангола, Чад, Намибия, Судан и Зимбабве сражались с силами президента Кабилы, в то время как Руанда и Уганда боролись и с Кабилой, и, в 2000 г., между собой.

Как показывает Таблица (стр. 227), ежегодное число вооруженных конфликтов в мире резко возросло в начале 1990-х гг. — с 56 в 1990 (47 в 1989) до 68 в 1992. В эти годы появившийся было в связи с окончанием холодной войны оптимизм снова уступил место тревоге в ответ на явно увеличившуюся волну новых конфликтов. Правда, с тех пор число вооруженных конфликтов стабилизировалось и даже пошло на убыль.

На новые конфликты в Европе (в том числе в России, Турции, на Кавказе) приходится две трети увеличения числа конфликтов в начале 90-х. Насилие сделало этот регион одним из самых беспокойных в мире. Но и снижение числа конфликтов после 1992 г. и особенно резкое — в 1997-1998 гг. происходило также

благодаря переменам в Европе. Самые ожесточенные конфликты в Европе были сосредоточены на Балканах и Кавказе в период распада Югославии и Советского Союза. Тот факт, что эта волна остановилась, говорит о том, что в Европе в 1990-х гг. не началась новая эра насилия, как опасались многие наблюдатели в то время. Скорее те конфликты были страшными и трагическими симптомами социальных, экономических и политических болезней, связанных с падением прежних систем власти в Югославии и СССР. По мере адаптации к этим сложным переменам на национальном и международном уровнях их последствия становятся все менее драматичными и кровопролитными.

Таблица: Вооруженные конфликты 1990-1999 гг.

Регион	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Азия и Тихоокеанское побережье	21	21	25	24	23	21	22	24	19	20
Центральная и Южная Америка	7	6	5	3	4	5	4	3	3	2
Северная Америка и Ближний Восток	7	8	8	9	9	9	8	8	6	4
Африка южнее Сахары	17	22	18	18	23	21	18	19	18	16
Европа	4	10	12	8	6	4	2	3	3	5
Всего	56	67	68	62	65	60	54	57	49	47

Но если у нас теперь и появился оптимизм, то два нижеследующих соображения должны его умерить. Во-первых, если взять мир в целом, все старые конфликты все еще не разрешены. В 1999 г. из всех вооруженных конфликтов 66% длились уже более пяти лет, а 30% — более двадцати лет. Такие затяжные конфликты оказалось очень трудно прекратить. Поэтому нельзя сказать, что мир находится на пороге новой, более мирной эпохи. Во-вторых, все европейские вооруженные конфликты, начавшиеся в конце 80-х — начале 90-х и сейчас утихшие, на самом деле не закончились, а лишь приостановились.

Разницу между «завершиться» и «приостановиться» надо очень хорошо осознавать. Международный политический ландшафт портят войны, возобновляющиеся не только после объявления перемирия, но и после подписания мирного соглашения. За последние десять лет мы можем назвать множество войн, возобновившихся после прекращения огня или даже после подписания мирных соглашений: в Анголе, Бурунди, Камбодже, Чечне, Хорватии, Демократической республике Конго, Эритрее и Эфиопии, Косове, Либерии, Филиппинах, Руанде, Сьерра-Леоне, Шри Ланке. И во многих случаях эти войны становятся более ожесточенными и разрушительными и почти всегда стоят очень дорого гражданскому населению.

Причин, почему войны возобновляются, много; можно подразделить их на четыре группы. Первая-это просто недобросовестность одной или обеих сторон, как, например, в случае с РОФ в Сьерра-Леоне — он не выполняет никаких соглашений. Вторая группа состоит из причин, связанных с разочарованием одной или обеих сторон, причем на первый взгляд это часто представляется недобросовестностью. Случается, что одна из сторон принимает предложение о мире лишь на неких условиях, которые не объявляются открыто и не включаются в мирный договор. Иногда за подписанием мирного соглашения стоит лишь надежда выиграть послевоенные выборы, а если она не исполняется, вновь начинаются военные действия. Пример — УНИТА в Анголе.

Третья причина — разногласия или даже раскол в одной или обеих сторонах. И это тоже может иметь вид недобросовестности. Мирные соглашения часто выносятся на поверхность скрытые внутренние расхождения и трения; единство, поддерживавшееся в ходе войны, может быстро исчезнуть в мирной обстановке. Вообще неминуемость подписания мирного соглашения нередко воспринимается какой-то частью коалиции, участвующей в конфликте, как угроза или помеха достижению ее долгосрочных целей. Вспомним отколовшиеся от ИРА группы в Северной Ирландии или же срыв мирного процесса в Израиле и на Западном берегу как израильскими, так и палестинскими радикалами.

Четвертая группа мотивов возобновления войн связана с сохранностью самих причин, вызвавших вооруженные конфликты. Неумение устранить глубинные причины конфликтов означает, что все усилия достигают в лучшем случае всего лишь «косметических». Спустя пять лет после подписания Дейтонских соглашений об окончании войны в Боснии-Герцеговине большинство наблюдателей все еще видят риск возобновления военных действий, если будут выведены международные миротворческие силы.

Непрочность мирных соглашений является причиной одной из важнейших черт современной войны, а именно — длительности, затянутости конфликтов. Табер (1970: 45) приводит еще одну причину затянутости современных конфликтов — относительную слабость повстанческих сил. Они в состоянии контролировать темпы и интенсивность сражений, потому что решают, где и как нанести удар, и если правительственные силы не могут локализовать основные цели и нанести, если имеют такую возможность, упреждающие удары, то вот вам долгая маленькая война, вялотекущий, время от времени разгорающийся конфликт.

Поэтому-то и зоны боевых действий часто ограничиваются пределами какой-то одной части страны. Журналисты, политики, ученые, бизнесмены, дипломаты, представители Мирового банка и другие визитеры могут легко приехать в столицу страны, где идет война, и даже не узнать об этом. Поскольку многие

вооруженные конфликты годами лишь «тлеют» и притом на небольших территориях, они не очень интересуют средства массовой информации. В таких конфликтах редко случаются «чистые» победы, триумфы или катастрофы; они скорее похожи на медленную пытку. Но их малые масштабы не должны вводить нас в заблуждение относительно возможности неожиданной и резкой эскалации. Когда такое случается, международным наблюдателям часто кажется, что разразился гром среди ясного неба. Такова, например, была первая реакция на кровопролитие в Руанде в 1994 г. хотя для истории этой страны как раз характерны периодические вспышки массовых убийств; к тому же, как мы теперь знаем, международная общественность проигнорировала множество признаков надвигающейся трагедии (Adelman and Suhrke 1996).

3. Теории возникновения конфликтов

Принятие решения прибегнуть к оружию — это сложный процесс, охватывающий много действующих лиц и связанный с широким кругом условий и обстоятельств. Обычно к началу войны приводит сложная цепь событий, и историку приходится очень тщательно отбирать факты и свидетельства, которым он мог бы доверять. Попытка разработать теорию возникновения вооруженных конфликтов как явления включает в себя анализ множества взаимодействующих переменных — даже если речь идет об ограниченном историческом периоде, например, послевоенном (после 1945 г.) времени или даже периоде после окончания холодной войны. Задача сложна, так как, по замечанию Д.Уэлча (Welch 1993: 8), есть очень мало необходимых условий для войны и очень много достаточных, и совсем малая часть тех и других сочетается в каждом отдельном конфликте. Война возможна, если есть оружие для ее ведения и если есть противостояние одной или нескольких сторон. Условия, делающие войну вероятной, гораздо более разнообразны.

За исключением работ таких ученых, как Гэпп (Gurr 1970), Хоровиц (Horowitz 1985) и Рапопорт (Rapoport 1989), до 1990

изучение причин войн в основном фокусировалось на международных конфликтах. Это странно, потому что по крайней мере с 1945 г. внутригосударственные конфликты происходили в мире гораздо чаще, чем межгосударственные или международные (Singer 1996: 35). Тем не менее в глобальной перспективе внутренние конфликты стали рассматриваться только после окончания холодной войны. Даже в последние годы этого периода в крупном аналитическом обзоре базы данных Мичиганского университета по коррелятам войны выводы делались в основном по межгосударственным войнам (Vasquez 1987). Начиная с 1990 г., все же заметно растет число научных исследований и литературы о причинах вооруженных конфликтов, в которых сторонами не являются два или более официальных государства. В современных трудах по внутренним конфликтам особое внимание уделяется этническим, экологическим, политическим и экономическим факторам.

Теория «относительной депривации» (Gurr 1970) предлагает объяснение, где основной причиной является разрыв между ожидаемым и реальным доступом какой-либо группы к благосостоянию и власти. Этот подход близко связан с теорией «групповых прав» (Horowitz 1985), в которой делается более явный акцент на этнических факторах, наряду с экономическими и политическими (см. также Gurr 1995). Однако само по себе этническое разнообразие не может вызвать войну. Если бы это было не так, большинство склонных к войне государств должно было бы быть весьма пестрыми по этническому составу, что не соответствует действительности (Smith 1997: 30). На самом деле, возможно, что этническая и религиозная неоднородность являются факторами, уменьшающими риск военного конфликта (Collier 1999): не исключено, что люди научаются успешно сосуществовать, невзирая на свои культурные различия. Но там, где научиться жить вместе не удастся, этническое разнообразие может обострить конфликт и увеличить угрозу эскалации, так как дает обильный материал для политической мобилизации. Самый яркий пример здесь — распад Югославии в 1990-е гг., который мы обсудим ниже.

Изучение связи между ухудшением природной среды и возникновением конфликтов обнаруживает, что у разных государств разные (иногда катастрофически малые) возможности избежать насилия в процессе адаптации к изменяющимся природным условиям (Homer-Dixon 1994). Однако исследовательские подходы, устанавливающие существенные, простые и прямые связи между ухудшением среды и конфликтами, сейчас подвергаются критике (Gleditsch 1998; Lipschutz 1997). В недавнем обсуждении этого положения (Homer-Dixon 1999) его теоретические позиции сильно пошатнулись. Сейчас просто считается, что среди вооруженных конфликтов есть такие — например, на Гаити или Филиппинах, — чьи причины не могут быть поняты без обращения к проблеме ухудшения природной среды.

Что касается связи между политической системой и миром, то первым выводом здесь является тот факт, что демократические государства почти никогда не воюют друг с другом (Russett 1993). Леви (Levy 1989: 270) утверждает, что этот вывод есть «ближайшее подобие эмпирического закона международных отношений». Однако и этот постулат не избежал разногласий (см. их обзор в: Chan 1997) по поводу своей эмпирической и теоретической обоснованности. Макмиллан (MacMillan 1996) заявляет, что данный вывод есть результат исследования с неверно выбранным фокусом. Однако он широко принят, несмотря на продолжающиеся поиски его концептуальных и теоретических объяснений (Starr 1997). Сегодня исследователи причин вооруженных конфликтов горячо обсуждают вопрос: живут ли демократии так же мирно с самими собой, как друг с другом? Руммель (Rummel 1995) считает, что с самими собой они живут в большем мире, чем друг с другом, а Риссе-Капен (Risse-Kapen 1995) оспаривает это утверждение. Хердж, Гейтс и Гледич (Herje, Gates and Gleditsch 1999) добавляют в дискуссию важный нюанс, говоря о различной предрасположенности к внутренним конфликтам различных типов демократий. К воинственности склонны именно те режимы, которые нельзя отнести ни к вполне демократическим, ни к вполне авторитарным. Особенно опасен в этом смысле период

перехода к демократии (Jagers and Gurr 1995: 477-478). Эта идея во многом объясняет кровопролитные конфликты в бывших Югославии и СССР, имевшие место в ходе системных изменений и распада федеративных государств. То же можно сказать о взрыве насилия в Индонезии, последовавшем за окончанием правления Сухарто в 1998 г.

Однако самыми важными причинными факторами выступают все же экономические условия. Ключевая проблема — низкий уровень экономического развития (Huage and Ellingsen 1998), отражающийся в низком показателе валового национального продукта на душу населения, или в высокой доле сельскохозяйственного сектора в хозяйстве, или в чрезмерной зависимости экономики страны от международных рынков товаров и капиталов (Avery and Rapkin 1986). Хауге и Эллингсен вслед за Аувиеном (Auvinen 1977) выделяют недостаток в стране демократических возможностей в качестве важного вторичного фактора, наряду со слабой экономикой. Эти выводы дополняют приведенные Колье (Collier 1999; см. также: Collier and Hoeffler 1999) свидетельства того, что даже в бедных обществах лидеры борются друг с другом за контроль над образующимися экономическими «излишками», сколь бы малы они ни были. Когда имеющиеся «излишки» невелики — в бедных странах или же в условиях тяжелых кризисов, — конфликты из-за них могут быть особенно ожесточенными и чреватými переходом в вооруженные. Ужасные кровопролития в Либерии в 1989-97 гг. и война в Сьерра-Леоне, начавшаяся в 1991 г., десятилетия войны в Анголе и периодические бои в Бурунди и Руанде — вот некоторые иллюстрации приведенных положений.

Общий вывод из всего этого таков:

- Плохие экономические условия сегодня являются самой важной долгосрочной причиной внутригосударственных вооруженных конфликтов;
- Репрессивные политические системы также склонны к воинственности, особенно в периоды социальных изменений;
- Сокращение объема возобновляемых ресурсов (например, эрозия почв, исчезновение лесов, уменьшение запасов воды) может послужить серьезным фактором возникновения

вооруженного конфликта, хотя и не играет центральной роли (в отличие от политических и экономических условий);

- Этническая разнородность сама по себе не является причиной вооруженного конфликта, но конфликтующие стороны нередко определяют себя в этнических терминах.

4. «Фоновые» причины и факторы «переднего плана»

Теории вооруженных конфликтов, вырабатываемые общественными науками, наибольшее внимание уделяют «фоновым» условиям и долгосрочным причинам. Однако не стоит внимать этим теориям с большим доверием, чем любому другому разумному обобщению. Они строятся по статистическим правилам, из которых обычно становятся исключениями. Да, бедные, подавляемые властями страны весьма склонны к конфликтности, но многие вооруженные конфликты происходят и в далеко не самых бедных или авторитарных странах мира. И наоборот — не во всех бедных и недемократических странах идут войны.

Еще один момент — научная литература часто пытается найти ответ на вопрос: что же есть основная причина вооруженного конфликта? Но в большинстве случаев это неверный подход к проблеме. Вопрос не в том, какая причина важнее всех остальных, а в том, как эти разные причины взаимосвязаны. В частности, неверно пытаться объяснять конфликты либо только экономическими, либо только политическими причинами. В объяснениях экономических трудностей речь идет о том, как проблемы обеспечения прожиточного уровня приводят людей к конфликтам и насилию. Насилие возникает, если многие люди чувствуют, что взяться за оружие — это не противозаконно и это все, что им остается. Другими словами, они ощущают несправедливость своего положения и решают выправить его. Но такие решения не принимаются спонтанно большими массами людей. Их мобилизуют политики, которые завоевывают их умы и сердца, их верность и преданность, убеждают их и ведут на войну. Политику никак нельзя оставлять в стороне при анализе

возникновения, эскалации и завершения вооруженного конфликта.

Одна из трудностей анализа объясняется несоответствием между политической теорией и политической практикой. Теория ищет обобщенных выводов и в своем стремлении к универсализму теряет «точную фокусировку» на конкретности (Levy 1989: 297). На крупной картине событий детали политического поведения скорее всего затеряются. При этом, хотя политические лидеры и любят выставять себя великими стратегическими провидцами, само их существование зависит от умения работать с деталями. Теории, поставляемые общественными науками, имеют дело с длительными периодами, в политике же преобладают краткие сроки. Рассмотрение вооруженного конфликта как глобального феномена требует и больших социально-экономических обобщений, рассмотрение же каждого отдельного вооруженного конфликта требует внимания к политике и действиям конкретных организаций и личностей.

Теоретические обобщения разного уровня и анализ деталей не должны существовать порознь, гораздо продуктивнее сочетать их в одном исследовании. Широкие обобщения в этом случае подскажут исследователю, как строить приоритеты и откуда ожидать самых больших опасностей.

Если принять такой подход, тогда для каузального анализа конфликта потребуется не только социальный, культурный, экономический и экологический «фон», но политический «передний план». Великий прусский генерал Клаузевиц (Clausewitz 1832/1976) определял войну как «действие силы, направленной на то, чтобы заставить неприятеля исполнить нашу волю» и как «продолжение политики другими средствами». Киган (Keegan 1994: 3-12) считает, что такое определение вводит в заблуждение, потому что не учитывает того, как культура разных обществ формирует причины войны и способы ее ведения. Было бы явной ошибкой позволить Клаузевицу быть главным теоретиком в исследовании причин войн, и однако нельзя забывать, что «фоновые факторы» направляют ход событий в сторону вооруженного конфликта не иначе как через политику. Войны ведутся сознательно, и решение о них

принимается осознанно. Объяснение их причин должно заключать в себе и «фон», и «передний план», и структурные вещи, и факторы, лежащие в подвластной политическим деятелям области принятия решений. Коротко говоря, объяснение причин вооруженных конфликтов должно основываться на сочетании типов и уровней анализа.

5. Методология и типология

Десслер (Dessler 1994) предлагает отличное введение в подобный многоуровневый анализ. Во множестве причин вооруженных конфликтов он видит не просто разнообразные причины, а различные категории причин и предлагает их четырехчастную типологию. На ее основе, изменив в двух местах терминологию и содержание одного из терминов, мы выработали следующие положения:

- ◆ «Фоновые» причины («каналы» у Десслера) — это фундаментальные политические, социальные, экономические или государственные разделительные линии... относящиеся скорее к групповому, чем к индивидуальному уровню». Их может образовывать, например, недопущение некоторых групп к власти, систематическое предпочтение одних другим, региональные экономические различия. То есть, коротко говоря, здесь мы видим основные элементы социальной и политической структуры. Их изучение означает изучение «фоновых» причин вооруженных конфликтов.

- ◆ Стратегия мобилизации («цели», в терминологии Десслера) включает в себя как цели ключевых политических фигур, так и (и здесь я отступаю от Десслера) способы, к которым политики прибегают для их достижения. Другими словами, анализируя мобилизационную стратегию, мы рассматриваем полный спектр политического поведения — и как концептуализируются проблемы, и как они представляются вовне. Таким образом, мы выделяем цели, за которые люди борются, и смотрим, как они эти цели понимают.

- ◆ «Спусковые крючки» — это факторы, от которых зависит время начала вооруженного конфликта; они объясняют,

не почему начался конфликт, а почему он начался именно тогда, когда начался.

♦ Катализаторы — это факторы, влияющие на интенсивность и продолжительность конфликта; они могут быть внутренними — например, соотношение возможностей противоборствующих сторон вести военные действия — или же внешними, как, например, вмешательство ООН. Они могут относиться к тактике (например, отказ от нападений на гражданское население) или к природным условиям (ландшафт, время года, погода). Это могут быть вполне материальные факторы, например, наличие оружия, или не столь осязаемые, но не менее важные факторы — такие, как существующие в данной культуре представления о войне.

Представленная типология переключает фокус внимания попеременно с «фоновых» условий на действующих лиц и обратно. Она предлагает не причинную теорию конфликтов, а способ построения теории. Она также выявляет аспекты, которые следует рассматривать, и подсказывает, как построить сам анализ конкретных случаев эскалации конфликтов. При решении задачи предотвращения эскалации насилия мы должны особое внимание обратить на две первые категории — фоновые причины и мобилизационную стратегию. Последний пункт — катализаторы — может быть столь же важен при решении проблемы прекращения насилия.

6. Несправедливость и мобилизация

Существуют две концепции, объединенное содержание которых имеет отношение к точке, где пересекаются долгосрочные и краткосрочные причины, где действующие политики обращаются к структурным, фоновым проблемам, — это концепции справедливости и мобилизации.

Сочетание плохих экономических условий и недостатка политических возможностей удваивает несправедливость. Политическая мобилизация строится вокруг темы несправедливости. Люди посвящают себя какому-либо делу, считая его справедливым, либо, по крайней мере, полагая, что

своими действиями помогут восстановить справедливость в своей собственной жизни. Чувство несправедливости у народа, являющееся результатом реального распределения власти и материальных благ в одной стране или же между странами, представляет собой основной предмет эксплуатации со стороны деятелей, добывающихся политической мобилизации масс.

Здесь следует провести некую тонкую разграничительную черту. Я не хочу сказать, что, например, югославский лидер Слободан Милошевич действовал так, как он действовал, из горячего чувства справедливости по отношению к страдающим сербам. Факты говорят о том, что скорее он действовал в стремлении укрепить собственную власть и положение приближенной к нему группировки (Little and Silber 1995; Judah 1997, 1999). Но речи Милошевича полны обвинений мирового сообщества в несправедливости по отношению к сербам. Начиная с 1987 г., он регулярно говорил о страданиях сербов. Независимо от степени его искренности, он знал, как играть на этом чувстве. В этом смысле его можно считать архетипом политика. Он эксплуатировал людское чувство несправедливости.

Идею справедливости как мотивирующего фактора в вооруженных конфликтах оспаривает утверждение, что здесь говорит не «не громкий голос жалоб, а неслышная сила алчности» (Collier 1999). Подобное утверждение должно заставить нас задуматься, какую роль играют в развитии конфликта язык и дискурс. Ключевой методологический момент состоит в том, что для целей исследования «требование справедливости может быть переформулировано и представлено как изложение обстоятельств, вызывающих недовольство» (Collier and Hoeffler 1999: 5). Однако представление субъективных требований в виде объективных обстоятельств может ввести в заблуждение. Именно в «требовании» и лежит возможность мобилизации. В какой-то степени, конечно, оппозиция «алчность *versus* недовольство» может что-то прояснить, если будут заданы вопросы: чья алчность? чье недовольство? То, что Милошевич жаждет власти, еще не значит, что простые сербы не испытывают никакого недовольства. Другими словами, возможно, нет необходимости при выборе

объяснительных переменных отдавать предпочтение либо алчности, либо недовольству. Скорее, аргументы об алчности и недовольстве дополняют и усиливают друг друга, когда используются в качестве средств политической мобилизации.

7. Этничность и конфликт

Чтобы проиллюстрировать темы, затронутые выше, и их значение в нашем анализе, рассмотрим явление, которое и в научной, и в популярной литературе носит название этнического конфликта. Это словосочетание обычно подразумевает не только то, что конфликтующие стороны принадлежат к разным этническим группам, но и то, что именно этнические различия определяют весь конфликт.

Общеизвестно, что противоречивому понятию «этнические различия» трудно дать точное определение и тем более невозможно делать относительно него какие-либо обобщения. В разных обстоятельствах группы людей идентифицируют себя с этническими общностями посредством различных комбинаций таких маркеров, как язык, цвет кожи, религия, место обитания, история, традиции, и — особенно — мифология. Что смущает, так это отсутствие последовательности в отнесении этих маркеров к этническим различиям. Язык часто играет здесь важную роль, но, например, многоэтническое население значительной части бывшей Югославии пользовалось одним общим языком. Религиозная вера может также быть важным фактором (а зачастую и решающим, как в Северной Ирландии и Боснии-Герцеговине), даже если не все члены группы ходят в церковь.

На начальной стадии Балканских конфликтов 1990-х гг. дипломаты и политики третьих стран считали, что проблему можно легко решить с помощью строгой дипломатии — всего лишь резко сдвинув вместе несколько голов, чтобы привести в чувство их обладателей (Little and Silber 1995: 159) — как будто не было иных, более глубоких и менее очевидных причин, чем безответственность лидеров. Когда этот подход не оправдал себя, тут же кинулись на поиски глубинных причин. Государственный

Секретарь США Уоррен Кристофер утверждал, что война в Боснии-Герцеговине явилась следствием «древней этнической ненависти» (Calhoun 1997: 61). По другому распространенному мнению, во всем виновата «горячая балканская кровь» (Международная Комиссия по Балканам 1966: 13-14)ⁱⁱⁱ. Эти и подобные аргументы (но не сам термин «этнический конфликт») как бы говорят, что с этническими конфликтами ничего не поделаешь и вовлеченным в них людям ничем не поможешь.

В этих аргументах часто используются термины и приводятся выводы, которыми оперируют сами участники этнических конфликтов. Ч. Кауфман (Kaufman 1996), например, считает, что гражданские войны с этнической подоплекой можно прекратить, только насильно разделив враждующие народы. Такой подход носит название «этнической чистки»; сторонники его убеждены, что человек принадлежит либо к одной группе (например, серб), либо к другой (например, босняк), при этом совершенно не учитывается факт существования смешанных браков и родившихся в них детей.

Помимо проблем морали, в таких объяснениях причин конфликтов есть и логические изъяны, которые лучше всего показать с помощью приведенной выше типологии. Объясняя причины войны на Балканах такими явлениями, как «древняя ненависть» и «горячая кровь», исследователь совершает, по меньшей мере, три ошибки по отношению к настоящему (и обычно гораздо больше — по отношению к прошлому): этничность понимается исключительно как «фоновая» причина конфликта, причем единственная фоновая причина; роль других возможных причин не рассматривается, и, что особенно важно, полностью игнорируется аспект политической мобилизации вокруг этничности.

Ошибка состоит не в том, что этнические различия рассматриваются как основа социального разделения, и, следовательно, как фоновая причина, а в том, что без внимания остается, собственно, то, как эти разногласия приводят к войне. Многочисленные исследования показывают, что факт этнических различий часто фигурирует в конфликтах, и люди нередко принимают их за фундаментальную причину противостояния.

Это важно, но не слишком, ведь, как уже было сказано, страны с этнически пестрым населением не обязательно больше других склонны к вооруженному конфликту. Это дает нам право предположить, что даже в тех вооруженных конфликтах, участники которых явно принадлежат к различным этническим группам, одной этничности в качестве причины конфликта недостаточно. Результаты количественного исследования, процитированного выше, указывают на важную роль, которую играют экономические условия и политическая система. Таким образом, имеет смысл рассмотреть, наряду с этничностью, и другие фоновые предпосылки конфликтов.

Следующий аспект, на котором мы заострим внимание, — это политическая мобилизация. Поскольку этничность часто является центральным компонентом в групповой идентичности и является главной составляющей расхожих предрассудков, то политические лидеры легко используют ее как материал для мобилизации, особенно во времена, когда общество сотрясают крупные социально-экономические перемены. Именно в такие моменты на первый план выходит националистическая политика.

Национализм — это политическая идеология, утверждающая, что нация и государство должны быть «территориально конгруэнтны», по выражению Э. Геллнера (Gellner 1983: 1). Но это не все. Во времена политической и социально-экономической нестабильности именно с помощью понятия «национализм» можно описать сложную социальную, культурную, интеллектуальную и эмоциональную реакцию людей на происходящее. (Plamenatz 1976) Нестабильность в обществе может принять форму модернизации (Smith 1983), установления колониального правления (Anderson 1991; Seton-Watson 1977) или крушения государственного социализма (Smith and Osterud 1995). Можно утверждать, что создание единого мирового рынка, основного процесса в так называемой глобализации, производит аналогичный дестабилизирующий эффект. В то время как мы смотрим одни и те же фильмы и телевизионные шоу, пьем одни и те же напитки, едим одни и те же гамбургеры, покупаем одну и ту же одежду с ярлыками одних и тех же дизайнеров, возрастает гомогенность планетарной культуры, стираются локальные

различия. В то же время, скорость, с которой деньги переправляются из одного региона в другой, может стать угрозой благополучию населения даже во времена экономического роста.

Социальная нестабильность, которой «дали волю» слепые, неукротимые исторические процессы, не только создает условия для напряженной борьбы за власть между различными частями социальной и политической элиты страны. Она также отнимает чувство уверенности и определенности у огромного числа людей, оказывая разрушительное, ускользающее от понимания воздействие на их жизни. Ощущение принадлежности к своей группе в такие времена становится опорой для многих простых людей, подчас единственным ориентиром, помогающим им разобраться в происходящем. Таким образом, в любом конфликте, возникающем на фоне широкомасштабных социальных изменений и дестабилизации, политические лидеры, без сомнения, получают поддержку своих избирателей, если представят свою позицию как борьбу за национальную идентичность, гордость и справедливость.

Подводя итог этим аргументам, подчеркнем, что причиной вооруженных конфликтов является не неоднородность этнического состава, а связанная с этим фактом политика. Опасность лежит в смешивании этнических различий и политической лояльности, в политизировании этнических идентичностей.

Для объяснения причин развала бывшей Югославии важно не столько то, что Югославия была полиэтническим государством, а то, что история этнонационализма насчитывала в ней уже более ста лет. Этничность уже давно стала политизированной, и период правления Тито (1945-1980) не был в этом смысле исключением. И хотя Тито подавлял те проявления национализма, которые могли угрожать единству Социалистической Федеральной Республики Югославии, по конституции все этнические группы имели доступ к политической власти в стране. Именно так сформировались государственные и партийные органы. После смерти Тито страной стали управлять президенты, которые избирались поочередно из шести республик и двух краев, входивших в состав Федерации. И когда в 1987 главной

политической валютой в тогдашней Югославии стал национализм, это случилось не вдруг и это не было следствием «горячей крови» — это был продукт политической системы.

Национализм снова выступил на первый план в Сербии, где коммунистический лидер Слободан Милошевич первым после Тито разыграл националистическую карту. Через два года его националистическая политика впервые «аукнулась» — сначала в Словении, затем в Хорватии. Как только началось соперничество националистически настроенных глав республик, страна, управлявшаяся при помощи системы ротации президентов, двинулась к развалу. Тем не менее, Милошевич не хотел разрушить Федерацию. Его изначальной целью была мобилизация поддержки населения с тем, чтобы добиться контроля над Сербской партией (Little & Silber 1996). Пятидесятистраничный меморандум Сербской Академии Гуманитарных и Технических Наук, вышедший в 1986 г., стал первым выражением того чувства недовольства, на котором в дальнейшем играл Милошевич. В этом теперь знаменитом меморандуме 16 академиков детально описывают несправедливое отношение к сербскому народу, заложенное в Югославской конституции 1974, особенно возмущаясь «геноцидом» сербов в Косово (Vetlesen 2000).

Вопрос состоит не в том, насколько Милошевич сам испытывал чувство негодования и обиды, которое он использовал в политической мобилизации. В бывшей Югославии ни Милошевич, первым разыгравший националистическую карту, ни лидер Словении Милан Кукан, последовавший его примеру, не были прежде замечены в приверженности националистическим взглядам. С другой стороны, хорвата Франьо Туджмана, боснийского лидера Алию Изетбеговича и некоторых других претендентов на роль предводителя косовских албанцев можно назвать убежденными националистами. В любом случае, каковы бы ни были их личные предпочтения, все они пришли к власти, опираясь на поддержку, полученную за счет эксплуатации темы национальной несправедливости. Соперничающие друг с другом понимания несправедливости соединились в гремучую смесь, которая взорвала Югославию.

Столь же не существенно, почувствует ли сторонний наблюдатель несправедливость по отношению к каким-либо компонентам населения бывшей Югославии и сможет ли дать непредвзятое суждение о том, что такая-то политическая программа такого-то лидера избавит народ от несправедливости, о которой говорят приверженцы этого лидера.

Таким образом, то, что называется этническими конфликтами — это конфликты из-за власти или доступа к экономическим ресурсам (в том числе природным в случаях, которые здесь не обсуждаются), носящие этническую маску. Этнические различия играют центральную роль в таких конфликтах не в качестве единственной причины, а в качестве инструмента, используемого политическими лидерами в целях мобилизации. То есть этнические различия имеют свое место в системе объяснений, но не должны доминировать.

Метафора «этнической маски» призвана привлечь внимание к данной конкретной стратегии политической мобилизации, а вовсе не вызвать сомнение в реальности чувства этнической идентичности или снизить его значение, будь то во время конфликта или вне его. Например, нет сомнения в том, что чеченцы, противостоящие России в войнах 90-х гг., обладают глубоким, отчетливым и обостренным чувством своей этнической принадлежности, а русские относятся к чеченцам неприязненно. Чеченцы в течение двухсот лет сопротивляются российскому контролю, и тем не менее этот конфликт не следует считать просто этническим. Соперничество из-за власти между новыми и старыми политическими элитами во многом объясняет переход трений между Чечней и Россией в военные действия в 1994 г. Это соперничество было главным фактором в захвате власти генералом Джохаром Дудаевым и его сподвижниками в августе и сентябре 1991 г. (Tishkov 1997: 200-206). Российские и чеченские лидеры не смогли остановить превращение своих споров в полномасштабную войну во второй половине 1994 г. — отчасти из-за ошибок в управлении обеими странами (Lieven 1998: 80-84, 94-96), отчасти из-за маневров соперников в борьбе за власть как в Чечне (Tishkov 1997: 216-218), так и в Москве (Shapiro 1995).

Трагедия заключается в том, что раз надетая этническая маска очень трудно снимается. Когда активное чувство групповой идентичности укрепляется на базе обид и недовольств, особенно в периоды кризисов и войн, оно может привести к непримиримой ненависти, выражающейся в длительных и нередко циклических конфликтах. Самый яркий пример — это соперничество хуту и тутси в Бурунди и Руанде. Оно началось не в незапамятные времена. Колониальная администрация определила эти группы как различные и стала поддерживать одну из них за счет другой. Это породило обиду. После получения независимости политические лидеры, чтобы удержать в руках власть (или попытаться завладеть ею), систематически использовали эту обиду людей за свою группу. Отсюда сорок лет войн и кровопролития (Copson 1994). Конфликт сингальцев и тамиллов в Шри Ланке разворачивался таким же образом и тоже после обретения страной независимости и также привел к затяжной гражданской войне (Uyangoda 1996).

Мы видим, что в подобного рода конфликтах людей можно мобилизовать на горячую поддержку дела, которое они считают правым, справедливым. Перед войной 1998-99 гг. и среди сербов, и среди албанцев в Косово доминировало чувство, что с ними поступают несправедливо. И хуту, и тутси в Бурунди и Руанде обвиняют друг друга в несправедливом отношении. И сингальцы, и томилов в Шри Ланке могут много рассказать о страданиях, причиненных одним другими. И во многих сегодняшних вооруженных конфликтах тактика и стратегия одной стороны или обеих включает прямые нападения на гражданское население — этнические чистки, резни, изнасилования (в Боснии-Герцеговине и Руанде), бомбежки мирных местностей (в Чечне). Забыть эти ужасы трудно, и это еще больше обостряет чувство групповой идентичности — благодатную почву для мобилизации, когда снова понадобится.

8. Заключение

Сейчас появляется все больше содержательной и полезной литературы о причинах вооруженных конфликтов. Хотя

теоретические выводы этих работ вынужденно ограничены, они все же чрезвычайно важны, потому что привлекают наше внимание к ключевым проблемам: плохим экономическим условиям, отсутствию политических возможностей, ухудшению окружающей среды — и одновременно предостерегают нас от того, чтобы видеть в этническом разнообразии как таковом причину вооруженных конфликтов.

Мое исследование посвящено долгосрочным социально-экономическим и политическим проблемам, которые, как правило, стоят сегодня за вооруженными конфликтами. Для того чтобы лучше понимать конкретные конфликты, мы должны найти способ увязывать долгосрочные, фундаментальные условия с теми сиюминутными факторами, которые выявляются при анализе любого конкретного случая.

В этой статье мы рассмотрели два таких способа: первый — это метод организации как теоретического, так и эмпирического материала, который уже заключает в себе «направляющие» для анализа, а второй — объединение в одной «связке» различных концепций, позволяющее рассматривать в едином комплексе определенные долгосрочные и краткосрочные проблемы. В нашем случае это «связка» понятий справедливости и мобилизации. Ибо пока мир и все страны будут устроены несправедливо с социальной и экономической точек зрения, всегда найдутся люди, остро ощущающие эту несправедливость, и лидеры, готовые ее использовать для упрочения своей власти. Справедливость — вот «тоника» для анализа конфликтов, и она же — «тоника» для мира, если воспользоваться метафорами из мира музыки.

¹ Я использую те же определения и критерии, что и в своем атласе «The State of War and Peace», 1997, но привожу обновленные данные. Эти данные аналогичны по общему характеру данным Отделения исследований мира и конфликтов Университета Уппсалы, которые ежегодно публикуются в «Journal of Peace Research» (Wallenstein and Sollenberg 1996, 1997, 1998, 1999, 2000), но существенно отличаются от них в деталях. И те, и другие данные основаны на критерии в 25 погибших на войне в год, но я включаю в свой список те конфликты,

в которых погибает нескольких сотен человек, и отказываюсь от более точных цифр, для использования которых существующие данные не адекватны. В отличие от исследователей из Уппсалы, я не включаю в определение конфликта участие официального государства в конфликте по крайней мере на одной стороне.

² Таким образом, 118 войн 1990-1999 гг. складываются из ста «в значительной мере» гражданских войн, двух «в основном» гражданских войн, пяти войн за независимость, десяти межгосударственных войн и одной транс-национальной.

³ NB: Во избежание недоразумения следует заметить, что Комиссия не объясняла насилие «горячей кровью», она всего лишь изложила эту точку зрения и свое критическое отношение к ней.

ЛИТЕРАТУРА:

- Adelman, Howard, and Astri Suhrke. 1996. Early Warning and Conflict Management (The International response to Conflict and Genocide: Lessons from the Rwanda Experience: Study 2): Steering Committee of the Joint Evaluation of Emergency Assistance to Rwanda.
- Anderson, Benedict. 1991. *Imagined Communities*. Revised Edition ed. London: Verso.
- Auvinen, Juha. 1997. Political Conflict in Less Developed Countries 1981-89. *Journal of Peace Research* 34 (2):177-195.
- Avery, William P, and David P. Rapkin. 1986. World Markets and Political Instability within Less Developed Countries. *Cooperation and Conflict* 21 (2):99-117.
- Calhoun, Craig. 1997. *Nationalism*. Buckingham: Open University Press.
- Chan, Steve. 1997. In Search of Democratic Peace: Problems and Promise. *Mershon International Studies Review* 41 (Supplement 1):59-91.
- Clausewitz, Carl von. 1832/1976. *On War*. Translated by Howard, Michael Paret, Peter. 1976 edition ed. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Collier, Paul. 1999. Doing Well out of War. In *Paper prepared for Conference on Economic Agendas in Civil Wars, London, April 26-27, 1999*: The World Bank.
- Collier, Paul, and Anke Hoeffler. 1999. Justice-Seeking and Loot-Seeking in Civil War: The World Bank, CSAE, Oxford.
- Copson, Raymond W. 1994. *Africa's Wars and Prospects for Peace*. New York: M.E. Sharpe.
- Dessler, David. 1994. How to Sort Causes in the Study of Environmental Change and Violent Conflict. In *Environment, Poverty, Conflict*, edited by N. Græger and D. Smith. Oslo: International Peace Research Institute.

- Gellner, Ernest. 1983. *Nations and Nationalism*. Oxford: Blackwell.
- Gleditsch, Nils Petter. 1998. Armed Conflict and the Environment: A Critique of the Literature. *Journal of Peace Research* 35 (3):381-400.
- Gurr, Ted Robert. 1970. *Why Men Rebel*. Princeton University Press: Princeton University Press.
- Gurr, Ted Robert. 1995. *Minorities at risk: a global view of ethnopolitical conflicts*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press.
- Hauge, Wenche, and Tanja Ellingsen. 1998. Beyond Environmental Scarcity: Causal Pathways to Conflict. *Journal of Peace Research* 35 (3):299-317.
- Hegre, Håvard, Scott Gates, and Nils Petter Gleditsch. 1999. Estimating the Relative Risk of Civil War.
- Homer-Dixon, Thomas. 1994. Environmental Scarcities and Violent Conflict: Evidence from Cases. *International Security* 19 (1):5-40.
- Homer-Dixon, Thomas. 1999. *Environment, scarcity and violence*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Horowitz, David. 1985. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, Ca: University of California Press.
- International Commission on the Balkans. 1996. *Unfinished Peace*. Washington, DC: Carnegie Endowment.
- Jagers, Keith, and Ted Robert Gurr. 1995. Tracking Democracy's Third Wave with the Polity III Data. *Journal of Peace Research* 32 (4):469-482.
- Judah, Tim. 1997. *The Serbs: History, Myth and the Destruction of Yugoslavia*. New Haven: Yale University Press.
- Judah, Tim. 1999. Kosovo's Road to War. *Survival* 41 (2):5-18.
- Kaufman, Chaim. 1996. Possible and Impossible Solutions to Ethnic Civil Wars. *International Security* 20 (4):136-175.
- Keegan, John. 1994. *A History of Warfare*. New York: Random House / Vintage.
- Lieven, Anatol. 1998. *Chechnya, Tombstone of Russian Power*. London, New Haven: Yale University Press.
- Lipschutz, Ronnie D. 1997. Environmental Conflict and Environmental Determinism: The Relative Importance of Social and Natural Factors. In *Conflict and the Environment*, edited by N. P. Gleditsch. Dordrecht: Kluwer Academic.
- Little, Alan, and Laura Silber. 1995. *Yugoslavia: Death of a Nation*. New York: Penguin Books.
- MacMillan, John. 1996. Democracies don't fight: a case of the wrong research agenda? *Review of International Studies* 22 (3):275-299.
- Plamenatz, John. 1976. Two Types of Nationalism. In *Nationalism: The Nature and Evolution of an Idea*, edited by E. Kamenka. London: Edward Arnold.

- Rapoport, Anatol. 1989. *The Origins of Violence: Approaches to the Study of Conflict*. New York: Paragon House.
- Risse-Kappen, Thomas. 1995. Democratic Peace — Warlike Democracies? A Social Constructivist Interpretation of the Liberal Argument. *European Journal of International Relations* 1 (4):491-517.
- Rummel, R.J. 1995. Democracies ARE Less Warlike Than Other Regimes. *European Journal of International Relations* 1 (4):457-479.
- Russett, Bruce. 1993. *Grasping the Democratic Peace*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Seton-Watson, Hugh. 1977. *Nations and States. An inquiry into the origins of nations and the politics of nationalism*. London: Methuen.
- Shapiro, Margaret. 1995. Return of the Apparatchiks. *International Herald Tribune*, 16 January.
- Singer, David. 1996. Armed Conflict in the Former Colonial Regions: From Classification to Explanation. In *Between Development and Destruction: An Enquiry into the Causes of Conflict in Post-Colonial States*, edited by L. v. d. Goor, K. Rupesinghe and P. Sciarone. The Hague: Netherlands Ministry of Foreign Affairs
- The Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'.
- Smith, Anthony D. 1983. *Theories of Nationalism*. 2nd ed. London: Duckworth.
- Smith, Dan. 1997. *The State of War and Peace*. London & New York: Penguin Books.
- Smith, Dan, and Øyvind Østerud. 1995. Nation-State, Nationalism and Political Identity. Oslo: Advanced Research on the Europeanisation of the Nation-State, University of Oslo.
- Starr, Harvey. 1997. Democracy and Integration: Why Democracies Don't Fight Each Other. *Journal of Peace Research* 34 (2):153-162.
- Taber, Robert. 1970. *The War of the Flea: A Study of Guerrilla Warfare Theory and Practice*. St. Albans: Paladin.
- Tishkov, Valery. 1997. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union*. London: Sage.
- Uyangoda, Jayadeva. 1996. Militarization, Violent State, Violent Society: Sri Lanka. In *Internal Conflicts in South Asia*, edited by K. Rupesinghe and K. Mumtaz. London: Sage.
- Vasquez, John A. 1987. The Steps to War: Toward a Scientific Explanation of Correlates of War Findings. *World Politics* XL (October):108-145.
- Vetlesen, Arne Johan. 2000. Genocide: A Case for the Responsibility of the Bystander. *Journal of Peace Research* 37 (4):519-532.

- Wallensteen, Peter, and Margareta Sollenberg. 1996. The End of International War? Armed Conflict 1989-95. *Journal of Peace Research* 33 (3):353-370.
- Wallensteen, Peter, and Margareta Sollenberg. 1997. Armed Conflicts, Conflict termination and Peace Agreements, 1989-96. *Journal of Peace Research* 34 (3):339-358.
- Wallensteen, Peter, and Margareta Sollenberg. 1998. Armed Conflict and Regional Conflict Complexes, 1989-97. *Journal of Peace Research* 35 (5):621-634.
- Wallensteen, Peter, and Margareta Sollenberg. 1999. Armed Conflict, 1989-98. *Journal of Peace Research* 36 (5):593-606.
- Wallensteen, Peter, and Margareta Sollenberg. 2000. Armed Conflict, 1989-1999. *Journal of Peace Research* 37 (5):635-649.
- Welch, David. 1993. *Justice and the Genesis of War*. Cambridge: Cambridge University Press.

СЛОВА И ОБРАЗЫ В ПОСТКОНФЛИКТНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

8 августа 2000 года я возвращался домой из здания Совета Федерации, где в кабинете губернатора Красноярского края Александра Лебеда знакомился с документами о работе Миротворческой миссии на Северном Кавказе по освобождению заложников в Чечне. Когда я проехал площадь Пушкина и повернул на Тверскую улицу, я услышал звук взрыва в подземном переходе под площадью. Вечерние новости были заполнены кадрами с места террористического акта и первыми комментариями. Среди этих сюжетов были два, которые имеют прямое отношение к теме моего доклада. Первый — это высказывание мэра Москвы Юрия Лужкова о том, что виновником взрыва является «чеченский терроризм» (даже не — «терроризм с территории Чечни»!). Второй — это показ группы активистов из партии ЛДПР на Пушкинской площади с лозунгом «Мертвый чичик — хороший чичик!»

Только спустя два дня тон СМИ стал несколько меняться. Появились комментарии и официальные заявления, в том числе Президента В.В. Путина, что клеймо террористов не должно распространяться на весь чеченский народ и что необходимо предотвратить какие-либо беззакония в отношении граждан чеченской национальности. Однако не менее примечательными стали слова представителей московских властей о том, что «мы живем в столице государства, ведущего войну» и поэтому необходимы особые ответственность и бдительность, как работников милиции, так и простых граждан-москвичей. А известная своей ксенофобией газета «Московский комсомолец» пошла на прямую провокацию, заведя речь не просто о «чеченской преступности», но и о более зловещих версиях — об угрозе «проникновения» чеченцев в российские власть и оборонную промышленность. Это уже была подсказка относиться к российским гражданам чеченского происхождения как к иностранным шпионам. Заголовок на первой странице «МК» (02.10.2000) был призван привести в состояние ужаса многочисленных читателей: *«Чеченский след. Центр оборонной*

промышленности в Подмоскowie оккупировали выходцы из Ичкерии». И далее следовал текст журналиста Георгия Закаряна: «Практически после каждого громкого преступления мы начинаем говорить о чеченском следе, чеченской мафии и прочее, прочее, прочее. Между тем порой мы не замечаем, насколько прочно выходцы из Ичкерии влились в нашу жизнь. В Москве всю функционируют чеченские банки, фирмы и рынки. Но это не самое главное. В последнее время чеченцы, как говорится, «вошли во власть». Наиболее лакомыми для них являются города — центры оборонной промышленности».

Так чеченская война пришла в Москву уже не трагическими эпизодами взрывов, а перерождением античеченской фобии в конструкцию, что «чеченская война — это везде». С этого момента можно говорить о российском обществе в целом как об обществе, ввергнутом в войну, а не только о территории Чеченской Республики и ее населении. Вместо осознания, что ситуация в Чечне — это общероссийская проблема и она может быть решена только общими усилиями (не под силу только одним чеченцам и невозможно без участия чеченцев), в российское общество приходит образ чеченцев как угрозы и как коллективного виновника бед, связанных с внутренним конфликтом, переросшим в разрушительную гражданскую войну.

Этим умственным настроем можно объяснить не только высказывания журналистов и политиков, но и распространяющееся среди законодателей и других высоких должностных лиц мнение: «никакой помощи, пока не будет ясно, куда уходят деньги». Таким образом, **чеченская война продолжается в умах людей, где она собственно и начиналась. Именно по этой причине для выработки постконфликтных стратегий столь важен анализ ментальных конструктов, внешних предписаний и восприятий участников драмы. Без понимания и особых усилий в данной сфере оружие и деньги всегда будут недостаточными, чтобы наступил мир.**

Истина и мораль в конфликте

По поводу войны в Чечне сказано и написано столько умных и глупых, а главное — вторичных слов, что за этими текстами трудно услышать, а тем более понять, что в действительности происходит в Чечне. Встает фундаментальный вопрос теории и

повседневности — это вопрос об истине, т.е. о возможности существования точной и общеразделяемой версии Чеченской войны. Это вопрос не только для историка, но это и вопрос современных дебатов, ибо драма войны порождает сильнейшие эмоции, которые в свою очередь диктуют необходимость разговора, почему и как все произошло. Именно по этой причине больше о прошлом, а не о будущем говорит и современное чеченское общество. В такой ситуации постконфликтный анализ и действия не могут обойти проблему оценки случившегося. Вопрос в том, насколько возможна и необходима эта самая оценка в данной ситуации, когда не только свежи раны войны, но когда еще не положен конец и самому насилию?

При всех стараниях сохранять объективность и собирать только надежную информацию, я пришел к выводу, что конфликт в форме войны, когда задействованы этнонационализм, религиозный экстремизм и машины СМИ, оставляет мало места для истины в смысле достижения обще разделяемой версии. Трудно поверить, что сейчас или в скором будущем жители Чечни, а тем более непосредственные участники войны и остальное российское общество смогут иметь общую историю конфликта. Не будут ее иметь и специалисты. Едва ли моя версия может совпасть с версиями моих российских коллег Дмитрия Фурмана и Яна Чеснова или западных коллег Гейл Лапидус (США), Марии Броксап-Беннигсен (Великобритания) и Мари Мендрас (Франция). И вопрос здесь даже не в степени информированности или в уровне профессионализма пишущих о войне в Чечне. Вопрос в другом — что есть истина, когда речь идет о насильственном конфликте, невозможном без политических и эмоциональных разночтений? Если бы единая версия прошлых и современных событий существовала вообще, то не было бы конфликтов, ибо войны начинаются в головах людей и часто — с исторических аргументов и с разного прочтения современных ситуаций.

Поскольку конфликт это грандиозное нарушение порядка вещей, включая часто массовые преступления против людей, то установление истины имеет еще и аспект, связанный с личной или групповой ответственностью, оформлением после конфликтного статуса, восстановлением разрушенного и утраченного, материальными компенсациями и прочее. Именно

по этой причине возникают разного рода комиссии по установлению истины и другие процедуры, включая парламентские расследования и международные трибуналы. Так было в Южной Африке после конца режима апартеида, в Чили и Аргентине после отстранения от власти военных хунт, в странах Восточной Европы в ходе процесса «декоммунизации», в странах Балтии — в процессе «десоветизации» и т. д. В связи с первой войной в Чечне действовали две комиссии по расследованию причин этих событий и их оценке: одна — комиссия Говорухина при Государственной думе, вторая — комиссия Совета безопасности при Президенте России. Как известно, после второй мировой войны и после войны в Югославии действовали международные суды-трибуналы, чтобы установить истину, а точнее — виновных в войне на уровне конкретных людей и наказать их.

Если такого внешнего (третейского) или внутреннего (между бывшими врагами) акта установления истины не происходит, то потребность в этой процедуре может стать всепоглощающей, как это имеет место, например, среди армян с признанием армянского геноцида. В чем смысл этой потребности? Видимо в том, что «установление истины» есть не просто признание точности фактов или подлинной роли исторических акторов. Это есть ритуал, легитимирующий не для себя, а для всех жертвенность в отношении одной из сторон и виновность для другой. Причем, опять же — не на индивидуальном, а на коллективном уровне. Коллективность здесь нужна, чтобы ею могли пользоваться все члены пострадавшей группы как важный элемент идентичности и солидарности. Признание или легитимация, в том числе даже на юридическом уровне, коллективной жертвы дает особые права на эмоции и действия всем членам группы по сравнению с другими. Именно поэтому попадание в категорию коллективной жертвы, т.е. «профессиональной жертвы ради всей нации» имеет особое моральное и политическое значение в ходе глубоких этнических конфликтов. Германский этнолог Ина-Мария Греверус, критикуя хорватских антропологов за ангажированные усилия по конструированию комплекса жертвенности среди хорватов в период распада Югославии, справедливо заметила, что путь от

состояния жертвы от рук определенного врага до превращения в «профессиональную жертву» ради национального образа и национальных претензий может быть очень коротким»^{iv}.

В равной мере и для части чеченцев создание мемориального марафона страданий и принесенных жертв ради вызывающего к сочувствию группового имиджа также было крайне важным усилием еще до начала войны. Это было важно не столько для установления истины, ибо в преступности сталинской депортации никто не сомневается и это признанный исторический факт. Образ жертвы был важен как оправдательный аргумент для выхода из правового пространства и для вооруженной борьбы в том числе и тех, кто лично депортацию не переживал. Образ жертвы был нужен, чтобы освободиться от моральных и гражданских обязательств и заменить их аргументами исторического реванша, а на самом деле — утвердить власть вооруженных групп и право на криминальное поведение. Желая подсказать чеченцам эту позицию и найти этому оправдание для остального мира нашлись не только среди чеченских идеологов, но и среди внешних экспертов. Вот цитата из самой известной книги о чеченцах и чеченской войне, изданных на Западе:

«Чеченцы обычно удивительно искренни и открыты с посторонними в рассказах о своей криминальной деятельности и «признание» здесь было бы неподходящим словом, ибо в этих рассказах не содержится чувство вины и извинения... имеются три причины такого отношения: прежде всего, как отмечалось, это соответствующая часть их традиции [?!]; во-вторых, чеченцам действительно все равно, что думают о них кто-то или какой-то другой народ [?!]; и, в третьих и самое важное, после их опыта двух последних столетий среди них присутствует подспудное чувство, что у них нет морального обязательства перед каким-либо другим народом, государством или законами. А к русским, конечно, у них, наоборот, имеется длинный счет, по которому необходимо поквитаться»^v.

На наш взгляд, наивно и неприемлемо обсуждать в какой мере история последних двух веков может освобождать современных людей от моральных и других обязательств перед людьми, законом и государством. Во-первых, я не вижу радикальных

отличий исторического опыта чеченцев от опыта других народов как Северного Кавказа и других регионов страны, а также от опыта франкоканадцев, североирландцев, курдов, новозеландских маори, американских индейцев или гавайцев и еще сотен других живущих на Земле народов. Во-вторых, наши данные не подтверждают, что чеченцы исповедуют подобную «традицию» и мораль вседозволенности. Это только бывший министр внутренних дел России Михаил Барсуков считал, что «все чеченцы воры или бандиты», да и то он сослался на мнение кого-то крайне сомнительного авторитета. В-третьих, «длинный счет к русским» — это зловредная выдумка, ибо нет чеченских семей, где бы среди родственников не было русских, и антирусскость, особенно в заявлениях Дудаева, Яндарбиева, Удугова по поводу «русизма», была явной аномалией и не получила распространения среди чеченцев даже в годы войны.

Это не означает, что у чеченцев не было оснований для конструирования образа «наказанного народа» и народа-жертвы. Причем — оснований более современных, чем 200-летняя история. Это, во-первых, касается периода сталинизма: депортация, осуществленная под руководством Сталина и Берия, и последующие дискриминационные унижения были преступны и аморальны. Но столь же аморальным стало использование мифов о «народоубийстве», «колониальном порядке» и «досовременном традиционализме» в целях разрушения государственности и основ общественного порядка, а также в целях осуществления насилия в отношении нечеченского населения. Так начинается спираль насилия, у которой потом оказываются запутанные аргументы-обвинения и взаимоисключающие версии правды со своими собственными моральными оправданиями.

Дебаты по поводу поиска подлинной правды о чеченской войне — это слабая исследовательская стратегия, которой мне бы хотелось избежать. Как справедливо отметил Майкл Игнатъевф, «правда, которая имеет значение для людей, — это не фактическая или нарративная правда, а правда моральная или интерпретивная. И это всегда будет предметом споров на Балканах»^{vi}. Точно такая же судьба ожидает и конфликт в Чечне. Здесь есть и будет несколько моральных и интерпретивных правд

и никогда не будет одной, как их до сих пор нет о Кавказской войне прошлого столетия. Поэтому в постконфликтной ситуации важно дать возможность выразить свою версию правды тем, у кого нет собственного интернетовского сайта, как у чеченского идеолога Мовлади Удугова, или телекамер и газетных полос в руках профессиональных «глашатаев правды» — ресурс, которым больше располагают конфликтующие элиты и внешние акторы, чем те простые люди, которые ввергнуты в конфликт в качестве бойцов или жертв.

Как и Майкл Игнатъев в отношении войны на Балканах, я также воспринимаю как иллюзию, что может существовать беспристрастный взгляд на конфликт в Чечне, который тем более порожден аутсайдером. Правда, если только таковая возможна, должна принадлежать тем, кто пострадал в войне и от войны. «Но правда войны настолько болезненна, что те, кто воевал друг против друга, редко, если вообще когда-либо, садятся вместе для выработки совместной версии»^{vii}.

Это — не апология беспредельности относительной истины против надменности абсолютного знания. Это всего лишь признание, что в насильственном конфликте трудно быть равноудаленной, промежуточной версии, ибо невозможно достичь компромисса между двумя противоположными версиями. Или Россия, точнее федеральные власти, совершили агрессию против Чечни (такова версия многих чеченцев и текстов резолюций Совета Европы по Чечне), или в Чечне имел место незаконный вооруженный переворот и утвердился режим, бросивший вызов государству и его армии (версия российских властей, военных и большинства общества)? По этому вопросу едва ли возможно достичь согласия. И едва ли когда-нибудь будет существовать единая историческая версия войны в Чечне, как ее никогда не было в отношении «завоевания или вхождения?» Чечни в состав России или в отношении Кавказской войны и роли имама Шамиля. Просто одна версия одерживала верх над другой в зависимости от политической позиции или исследовательского ракурса того или иного автора. **В момент окончания конфликта и моментом для его окончания максимум возможного согласия мне видится в признании прежде всего общих страданий и нанесенного ущерба**

конфликтующими силами. Утверждение остальных версий следует отложить на будущее, которое не должно быть слишком далеким.

Но и здесь есть проблема: чем больше ответственность тех, кто планировал и совершал насилие, тем слабее среди них желание признавать эту ответственность. Только однажды я услышал во время выступления Бориса Ельцина во время выборной президентской кампании 1996 г. (это было в Екатеринбурге и произнесено с какого-то грузовика), что он считает своей главной ошибкой войну в Чечне. Еще было косвенное признание его дочери Татьяны Дьяченко, что ее отец считает, что несет ответственность за войну в Чечне. Затем этот момент полностью и надолго исчез из языка российского президента, а тем более — отставного политика-пенсионера. Ничего подобного тем более не было высказано со стороны Дудаева, Яндарбиева или Масхадова. Как пишет Майкл Игнатъевф, «людям, которые считают себя жертвами агрессии, свойственна вполне понятная неспособность думать, что они тоже совершили жестокости. Мифы о невинности и жертвенности представляют собою серьезные препятствия на пути осознания ответственности, в равной мере как и мифы о жестокостях противоположной стороны»^{viii}.

Именно поэтому одной из задач постконфликтной реабилитации в гуманитарной сфере является в конечном итоге наделение властью через выражение индивидуальных видений тех, кто меньше всего слышен в конфликте, кто меньше всего в нем виновен и кто больше всего в нем страдает, но от имени кого больше всего говорят лидеры или специалисты.

Внешние манипуляции как часть глобальных стратегий

В процессе эволюции конфликта от одной войны к другой был один момент, связанный с инерцией прочеченских симпатий, которые сложились в самом начале войны (и даже раньше) как часть антироссийской позиции, которая в свою очередь была рудиментом старого менталитета холодной войны. Западу не удалось демонтировать обеспечивавший долгую солидарность образ «главного» внешнего врага, поскольку его нечем было

заменить: исламская угроза, коммунистический Китай или Северная Корея не дотягивали до заместительной роли большого государства с ядерным оружием. К инерции страха как средства консолидации западного сообщества и обеспечения ресурсов налогоплательщиков для военного бизнеса добавились новые соперничества и геополитические спешки. Они обусловлены стремлением западных и других (Турция, Саудовская Аравия) крупных государств утвердить свои влияния в образовавшейся своего рода «ничейной территории» (*terra nullis*) — новых государствах бывшего СССР по периметру России. За этими соперничествами стоит также мировой, особенно нефтегазовый и военно-промышленный бизнес.

Капитализация «ближнего зарубежья» и выталкивание России из этого пространства были столь интригующими и казалось легко осуществимыми, что радикальный национализм на Северном Кавказе, тем более вооруженная сецессия в Чечне показались верным сигналом и возможностью объявить Россию «распадающимся государством»^{ix}. Вложенные в первую войну симпатии к режиму Дудаева и к «чеченскому сопротивлению» и завершившиеся, как это представлялось многим внешним акторам, бесповоротной победой («Чечня — надгробный памятник российской мощи», назвал свою книгу Анатолий Ливен) сделали почти невозможным принять вариант российского реванша и краха сепаратистского проекта. Вера в состоявшуюся чеченскую независимость стала причиной во многом гораздо более жесткого тона и политической позиции со стороны «международного сообщества».

Интеллектуальный «антивоенный террор», который Игнатьев называет более деликатно «либеральным интервенционизмом», возглавили даже не политики и журналисты, а писатели, философы и другие культурные герои современности. Международный ПЕН-клуб собрал в мае 2000 г. в Москве свой 67-й конгресс, на котором принял резолюцию о «последнем массовом преступлении XX века». В этом документе содержится весь набор мобилизационной повестки для продолжения войны со стороны вооруженных формирований в Чечне. Аналогичных собраний в России и за ее пределами были десятки, если не сотни.

Невозможно выступать против справедливого осуждения насилия и разрушений, а также потерь, понесенных населением Чечни, но есть что-то в этой искренней озабоченности от надменности всезнания и безоговорочной правоты позиции интеллектуалов. Они, и только они — писатели и философы-гуманисты типа француза Андре Глюксмана призваны на стражу этих принципов. Последний, например, без всяких рефлексий осуществлял моральный террор, призвав аудиторию международной конференции по Чечне в декабре 1999 г. почтить вставанием память тех, кто погиб там за время его 5-минутного выступления в Москве!

Либеральные интервенционисты не приемлют войну и насилие вообще как однозначное зло, но при этом в духе западной антивоенной традиции представляют государство как главного агента насилия и инициатора войны. Они дегуманизируют эту сторону, не видя за ней людей, а только «власти», и гуманизируют «этнос», не видя в нем бандитов или лидеров, выбравших ошибочную и действительно трагичную стратегию «развития» этого же самого этноса.

Наша позиция отличается от западной версии «миронавязывания» и затрагивает важную проблему внешнего вмешательства на стадии мобилизации и разного рода политических проектов, которые нарушают существующие местный баланс сил в обществе или разрушают хотя и проблемный, но все же государственный порядок, который может быть улучшен через мирные процедуры, переговоры и уступки в качестве всегда наличествующей альтернативы насильственному варианту.

За последние годы своей вовлеченности в чеченские события я обратил внимание на одно обстоятельство психологического характера, которое присутствовало в поведении чеченцев — участников многих конференций и «круглых столов», состоявшихся в Москве, на Северном Кавказе или за пределами России. Встречаясь в позиции, подобной той, которая выражена в резолюции ПЕН-клуба, или на организованной газетой «Московские новости» международной конференции по Чечне в декабре 1999 г., они оказываются сметены выражениями осуждения России и апологетикой чеченских комбатантов. Они не могут позволить себе более «мягкие» позиции и слова, чем те,

которые звучат с московских трибун от главных ораторов. Хотя в большинстве своем известные мне чеченцы осуждают «легитимный режим Масхадова» и войну за отделение от России, но заявить это в экзальтированных аудиториях у них часто нет сил. Они не способны преодолеть этот внутренний разлад и вынуждены повторять слова международных или московских «авторитетов». Никто из них ни разу не сказал: «прекратите говорить за нас или хотя бы дайте нам говорить в начале повестки ваших собраний, а не в конце, когда уже трудно говорить в несогласном ключе».

Я заметил этот разительный контраст также и в книгах, изданных Фондом Сахарова: «Чечня: Право на культуру» и «Чечня и Россия: общества и государства». Поразительно, но тексты, написанные самими чеченскими авторами, содержат больше терпимости и сдержанности в отношении происходящего, включая и вопрос об отношениях Чечни и России. Более того, эти авторы — единственные, кто выражает общероссийскую гражданскую лояльность и рассматривает Россию как их собственную страну и себя как часть российского сообщества, хотя редакторы книги жестко предписали уже в названии, что речь идет о двух государствах и о двух обществах. Осуждение войны и жестокости со стороны федеральных вооруженных сил не означает для них отчуждение от общего государства или отказ от чеченской идентичности и от местного патриотизма. Однако это робкое и трудное послание остальному обществу просто не замечается, а в ряде случаев оно подвергается цензуре московских «гуманистов» и «правозащитников», чтобы не звучать диссонансом с текстами зарубежных и российских авторов, пишущих свои версии чеченской войны.

Мне представляется, что принцип этического кодекса обществоведа и журналиста не нарушать спокойствие и баланс в обществе, которое изучаешь или о котором пишешь, был жестоко нарушен в Чечне. Первичная вина здесь лежит на тех, кто до этого ни разу в жизни не слышал слово «Чечня» и тем более не знал этого общества, взял на себя миссию вмешательства и подстрекательства. Их просепаратистские симпатии были вызваны на самом деле застарелым и обновленным синдромом

антироссийскости или же либеральной утопией этнического самоопределения «угнетаемых меньшинств». Ибо я не наблюдаю аналогичных симпатий и подстрекательства в пользу вооруженного сепаратизма курдов в Турции (зато он есть в отношении иракских курдов!) или вооруженных сепаратистов в Стране басков и в Северной Ирландии. Этикетка демократии, натовский зонтик и членство в Европейском сообществе оправдывают силовые действия соответствующих государств в аналогичных ситуациях. **Поэтому разговор о двойных стандартах — это не пустой разговор, а печальная реальность внешних манипуляций на местных сценах, избранных объектами геополитических соперничеств или идеалистических проектов. Чечня стала одной из таких сцен, на которой вершат спектакль внешние акторы.**

Почему, где и когда появляются подобные сцены для насильственных конфликтов и жестоких войн? Было бы наивно утверждать, что для этого нет внутренних обстоятельств и местных инициаторов. В мире очень много ситуаций, которые можно было бы охарактеризовать формулой «меньшинства в состоянии риска». Под «риском» имеются в виду разные факторы, но прежде всего неспособность государства обеспечить благоприятные условия жизни, сохранение культурной отличительности и групповой целостности части собственного населения, безопасность индивидов и местных сообществ. Тогда появляются озабоченности и даже желание выйти из общего политического пространства, которые чаще всего выражают политические активисты этих групп или уходящие в непримиримую, в том числе и вооруженную, оппозицию радикальные элементы.

В какой мере эти непримиримые радикалы отражают мнение или «волю народа», является большим вопросом. Ибо от ответа на этот вопрос формируется мнение о «справедливости» или «несправедливости» избранной борьбы. Этот эвфемизм стал подлинным проклятием современного мира, включая и пространство бывшего СССР. Последний когда-то был главным поборником морального принципа «справедливых и несправедливых войн», составлявших одну из основ марксистской идеологии революционного переустройства мира. Однако не

только СССР и теоретики-марксисты грешили данными категориями. Эти категории имеют более давнюю историю и сохраняют свою жизнь поныне как в политической антропологии, так и в реальной политике. В языке публицистов и писателей, пишущих о войнах и конфликтах, это один из самых распространенных трюизмов. Даже такой глубокий писатель-публицист, как Майкл Игнатъефф, не смог избежать реверанса в пользу очень скользкой дихотомии, когда он пишет: «В Афганистане и Чечне войны, которые начались как подлинные национальные восстания против иностранной оккупации, выродились в жестокие схватки за территорию, ресурсы, наркотики и оружие между вооруженными группами, которые часто ничем не отличаются от криминальных банд»^х.

Почему Чечня оказалась в одном списке с Афганистаном, а не в компании с китайским Тибетом, шри-ланкийскими тамилами или иракскими и турецкими курдами? Ведь лозунги и внутренняя «интерпретивная правда» во всех этих случаях абсолютно идентичны. Неужели потому, что только в этих двух случаях «иностраннный оккупант» — это все еще главный враг СССР-Россия? Китай пока до этой роли не дотягивает. Шри Ланка очень далеко от мировой политики. Ирак уже наказан и воздушное пространство над землями местных курдов охраняют американские самолеты. Турция — это натовский и европейский форпост в Азии и нет смысла даже косвенно оправдывать осужденного на смерть курдского лидера Оджалана?

В большинстве случаев с этнокультурными и этнополитическими проблемами справляются сами государства, используя разный политический арсенал: интеграцию, ассимиляцию, мультикультурализм, индивидуальную и коллективную автономию, аффирмативные акции, уступки и переговоры, общие и специальные законы и даже вооруженную силу. Этнический радикализм и конфликты появляются не там, где их вызывает групповой страх, который некоторые ученые называет среди главных причин этнических войн, а там, где или само государство поощряет этнический партикуляризм и строит на нем систему управления, как это было в СССР и как это продолжает быть в постсоветских государствах, или где государство утрачивает способность поддерживать порядок и

обеспечивать контроль над военными арсеналами, позволяя появление нерегулярных вооруженных групп во главе с этническими предпринимателями или безответственными авантюристами. Именно там и тогда внутренними и внешними усилиями конструируется образ «порабощенного народа», борющегося за свободу и независим.

Чтобы этот образ был радикально другим по отношению к остальному населению страны, на службу заступают наивно-романтическая этнография и мифологизированная история, превращающая представителей этого народа в «мусульманский народ» или в «гордых дикарей» — воинов наподобие древнего Антея, но только с гранатометами. Так, *помимо избранной сцены, появляется и предписанная роль*. Какую роль обрели чеченцы под воздействием собственных и внешних сценаристов, многие из которых никогда не согласятся или даже не подозревают, что были среди постановщиков драмы войны?

О пользе и вреде истории и этнографии

Это может показаться парадоксом, но не столько чеченцы (с участием собственного российского государства и его армии!) породили глубокий конфликт в стране, сколько война породила чеченцев в том их образе и в роли, в которых они предстали (точнее говоря, их представили) перед внешним миром, до этого никогда не слышавшим само слово «Чечня». Как сербы и хорваты до войны в Югославии были прежде всего гражданами, представителями определенных профессии, членами местных общин, соседями, а уже потом — *сербам* и *хорватам*, так и чеченцы были до 1991 г. советскими людьми, коммунистами и беспартийными, верующими мусульманами и неверующими атеистами, профессорами и инженерами, студентами и учителями, членами семей и родственных коалиций. Даже их тайное и болезненное отличие как «бывших депортированных», часто напоминавшее о *чеченстве* как одной из форм личной и групповой идентификации, не было столь довлеющим и чем-то исключительным.

Выходцев из «депортированных», «репрессированных», «раскулаченных», «спецпереселенных», и т.п. среди моего поколения (это также и поколение Хасбулатова, Дудаева,

Масхадова) и более старших поколений в стране исчислялось миллионами. Это наследие сталинизма сохранялось своим редким, но назойливым напоминанием, особенно в служебных карьерах, когда, например, в кадровых анкетах нужно было заполнять графу «был ли кто-нибудь из Ваших ближайших родственников в немецком плену или интернирован, когда и кем был освобожден?» Я, по совету «кадровички» академического института, в какой-то момент стал писать ложное «нет», хотя мой отец был освобожден из немецкого плена американскими войсками и затем передан советским военным властям в Германии. Но никогда это обстоятельство моей личной истории не было важным элементом моего самосознания, также как и принадлежность к русской национальности.

Мои данные говорят, что для современного (довоенного) поколения чеченцев их этническая идентичность и принадлежность к депортированному народу не были главной формой их социальной идентификации и личностного поведения в повседневной жизни. Довоенная Чечено-Ингушетия была динамичным обществом, в котором люди были прежде всего озабочены материальным преуспеванием, получением образования и карьерным продвижением, профессиональными службами, включая военную и государственную. Они больше идентифицировали себя по профессиональным и поколенческим группам, по семейным и дружеским связям, а уже потом — по этническим, религиозным, а тем более — по клановым коалициям, о которых мало кто слышал. Они были прежде всего людьми, потом — советскими людьми, потом — членами профессиональных коллективов, потом — членами местных общин и родственного круга и только потом — чеченцами. Подобная иерархия социальных идентификаций личности была схожей для всего населения страны^{xi}. Чеченцы не были радикальным исключением и уж, по крайней мере, мало чем отличались от ингушей, дагестанцев, кабардинцев, балкарцев и других «национализированных» этнических общностей Северного Кавказа и СССР в целом.

Реификация чеченства произошла в условиях конфликта и глубоких общественных трансформаций эпохи Горбачева-Ельцина. Она произошла в драматической и фантастической

(мифологизированной) форме, сконструированной из доступного историко-этнографического материала (чаще всего мало достоверного), литературных и паранаучных фантазий и намеренных политических предписаний. Чеченство стало не просто первичной (примордиальной) идентичностью, но и особой ролью, замешанной на нескольких элементах: а) националистическом нарциссизме, б) комплексе жертвенности (виктимизации) и с) мессианской идее «гробовщиков империи», «освободителей Кавказа» и «авангарда исламизма». Именно поэтому нами подвергается сомнению прежде всего культурный фундаментализм, как абсолютизация культурного отличия и как некритическое использование историко-этнографического материала для объяснения современных реалий.

История и этнография могут служить не только на пользу, но и в ущерб обществу и его научному анализу. Некоторые историко-этнографические аргументы могут странствовать из одного текста в другой и с одного уровня дискурса на другой и в конечном итоге неточное или вымышленное чеченское прошлое формирует образ и идентичность современных чеченцев и предписывает им сегодняшние роли. Эта процедура конструирования разрушает вокруг себя многие релевантные вещи, включая значимые повседневные регулярности, которые не вписываются в созданный этнографический конструкт. Одержимость историко-культурным детерминизмом провоцирует взгляды и ожидания, которые превращают окружающее ментальное и поведенческое пространство в приглашающую пустоту. Человек, занятый прежде всего своими делами (семьей, здоровьем, работой, образованием, погодой и прочим), оказывается в поле возбуждающих призывов и моральных принуждений. Ему начинают повседневно напоминать и убеждать, что он — *чеченец*, представитель древней и уникальной цивилизации, а ныне депортированный и угнетаемый, должен продолжить великое дело шейха Мансура и имама Шамиля. Эти смутные, но притягательные предписания становятся частью взглядов и эмоций, обретая довлеющее значение, порою, даже над успешным бизнесом в Москве, и отодвигая повседневность на второй план перед притягательными проектами переиграть или вернуть прошлое. В

определенное время и в определенном месте эта разрушаемая идеологией пустота повседневности может быть заполнена исключительно оружейным огнем.

Ответственность за это несут в том числе и прежде всего те, кто через поверхностные историзм и культурный фундаментализм низводят целый народ до уровня «досовременной нации» или общества «военной демократии» с уникальной воинской моралью и тем самым лишая его шанса на участие в мирных трансформациях с целью улучшения правления и обеспечения безопасной жизни. В только что завершенной работе по антропологии общества, ввергнутого в конфликт, мы проанализировали мир представлений, ментальностей, дебатов и политических фантазий среди чеченского народа. Поразительно то, что многое из рассматриваемого в качестве проявлений кризисного общества и феномена демодернизации можно обнаружить изначально в научных текстах историков, этнографов, политологов. Только затем эти аргументы и выводы заимствуются журналистами и политиками, а в последствии отливаются в пули и в боевой дух. Мы привыкли говорить о пользе истории, но редко когда о злоупотреблении историческими аргументами. В случае с Чечней мы имеем явно неадекватное и амбициозное обращение с историей и этнографией. И здесь у нас кардинальное расхождение с тезисом о «русской интервенции как об ошибке колониальной этнографии»^{xii}, под которым Анатолий Ливен имеет в виду прежде всего незнание, непонимание или игнорирование культурной природы чеченского общества, которые продемонстрировали прежде всего эксперты ФСБ и армейских структур.

Для самого Анатолия Ливена и для некоторых других авторов отправными источниками этнографической информации называются «незаменимые труды о структуре чеченского традиционного общества» российского этнографа Яна Чеснова. Этот момент некритического заимствования и влияния заслуживает особого рассмотрения. Отдавая должное работам своего коллеги по институту, мне, наоборот, представляется, что Ян Чеснов внес решающий вклад в конструирование мифов об уникальной чеченской цивилизации, о природном чеченском эгалитаризме и о 400-летней борьбе чеченцев и русских, ставших

основными элементами националистического нарциссизма, в конечном итоге достигшем их пародийного цитирования на уровне Ельцина и Масхадова.

Крайне интересно, что западные специалисты по этническим проблемам и конфликтам в своих исследованиях различных геррилий в зонах проживания аборигенных народов, их борьбы за суверенитет или сецессию никогда не пользуются аналогичными историко-этнографическими конструкциями времен Генри Моргана и Фенимора Купера. Известные нам работы по данной проблематике не содержат столь явно довлеющих историко-этнографических мифологизаций. Общества рассматриваются прежде всего как современные общества, а их история — как прежде всего мобилизационный ресурс, а не детерминанта происходящего в сегодняшнем дне. Однако с Чечней оказалось возможным то, чего не могут себе позволить профессиональные исследователи применительно к другим регионам и общностям. Высказывания и оценки российских обществоведов (включая чеченских авторов) не просто были заимствованы, но и развернуты в более детальные рассуждения о характере чеченского общества и о природе конфликта. Снова процитируем Анатоля Ливена:

«Чеченцы представляют собою национальность, не идентифицирующую себя с государством и обществом, в котором они живут. У них вообще отсутствует мотивация подчиняться законам этого государства и общества. Они имеют свои древние традиции, которые противостоят «просвещенному», «плюралистическому» и «прогрессивному» либерализму, и свои социальные нормы, которые делают чеченское общество непрозрачным для внешнего исследования. В стране, где существует смесь плохо институализированной «демократии», социальной дезинтеграции, слабости государства и государственной коррупции, для них, внутренне сплоченных и исключительно эффективных и беспощадных в достижении своих целей, открылись невероятные возможности и пространство для организованной криминальной деятельн.»^{xiii}.

Таким образом «неколониальная этнография», которая построена на знании «чеченской клановой системы», предлагает нам образ чеченского общества как «традиционного,

иррационального, разделенного, статичного и непоколебимого»^{xiv}. На самом деле есть противоположное ощущение, что мы имеем дело с феноменом неоколониального по своей глубинной сути редукционизма, когда по разным причинам культурно отличный, но современный народ квалифицируется как «древний племенной этнос» или как «досовременная этническая нация». Логика такого изошренного академического неоколониализма ведет к заключению, что по причине фундаментальной отличительности от остального общества данная группа заслуживает безоговорочной симпатии, патронажа, поддержки и защиты. Через ссылки на плохо доказуемые или воображаемые данные об этих фундаментальных культурных различиях и через отторжение или игнорирование общих характеристик и схожестей такого рода мало чувствительная антропология полагает, что тем самым она демонстрирует высокие дисциплинарные стандарты вместе с политической корректностью. «Я очень даже доволен, что Вы критикуете мою «симпатизирующую этнографию», — сказал мне Ян Чеснов. За этим как бы стоит непоколебимый постулат, что иной этнография и быть не может. «Я полюбил чеченский народ», — пишет Анатолий Ливен.

Именно эти две распространенных сентенции мне представляются уязвимыми. Во-первых, «симпатизирующая этнография» не может идти дальше тезиса «народ всегда прав» и исключает возможность более дифференцированного анализа таких явлений, как ошибочные выборы и стратегии групп людей, как правило, под воздействием решений лидеров или массовых манипуляций. Во-вторых, она закрывает возможность говорить о массовой моральной деградации или о массовой вовлеченности во внеправовые действия. Если народ всегда прав и всегда заслуживает только симпатии, тогда почему на такое же отношение не могут рассчитывать сербы или русские? В-третьих, можно понять заявление о любви к определенной культуре, но что такое «любовь к народу» как категория анализа, а не как бытовая эмоция, понять достаточно сложно.

Проживая в доме Басаева и выражая признательность некоторым известным лидерам чеченского вооруженного сопротивления, Анатолий Ливен демонстрирует свою любовь именно к этой части

чеченского населения или к тому образу чеченцев, который им самим и создан. Ибо я также в ходе своей работы над книгой узнал и установил теплые отношения со многими десятками достойных и глубоко мне симпатичных чеченцев, но едва ли это дает мне основания на претенциозное заявление о любви к чеченцам. Подобная позиция предполагает возможность обратного варианта, т.е. «не любви к народу». Едва ли нормальный человек, а тем более ученый-этнограф может занять такую позицию. Тогда остается «всеобщая любовь ко всем народам», но это абсурдная и даже лицемерная позиция.

Неоколониальная по своей патронажной сути симпатизирующая этнография помещает чеченцев как коллективное тело под названием «этнос» или «нация» (а значит и всех членов группы) в этнографические железные клетки, предоставляя им карт-бланш на презрение закона, совершение преступления и безжалостную борьбу. Это на самом деле плохая услуга народу, который становится предметом демонстративной любви аутсайдеров. Когда я проводил полевые исследования среди ирокезов в США и Канаде, Большой вождь Джозеф Нортон из резервации Кахнаваке, расположенной недалеко от Монреаля на американо-канадской границе сказал мне, что его главная забота — это соблюдение его людьми таможенных правил при занятии сигаретным бизнесом и других законов США и Канады при организации игорных казино. Почему же рецепты, выписанные чеченцам как членам общества «военной демократии» не распространить на ирокезов, которые также имели в прошлом сходные социальные системы? Почему «военные вожди» североамериканских индейцев Леонард Пелтиер и Джозеф Бэнкс, организовавшие вооруженное сопротивление властям на резервации сиу Пайн-Ридж, сегодня отбывают пожизненный срок в американской тюрьме за свой вызов государственному порядку?

Какой смысл заключался в призывах прибывших еще в 1990 г. на конференцию в Грозный некоторых ученых «продолжить дело шейха Мансура и имама Шамиля», кроме как в подстрекательстве чеченцев к нереализуемому проекту вооруженного вызова государству и существовавшему порядку? Видимо, есть смысл говорить об ответственности создателей образа «гордых

дикарей», когда никто из них не пострадавших остается в своей уверенности, что делал правое дело, выбирая «любимый народ» на роль разрушителя «новой империи» в лице Российской Федерации. Поэтому у меня тоже есть мечта — мечта, чтобы чеченцы смогли избежать «мечтаний западной буржуазии о чеченцах». Ибо это тяжелая миссия играть роль, навязанную внешними мечтателями.

Новые объяснения

Уже можно заметить как та же самая неокOLONиальная этнография, восхвалявшая эффективность борцов за свободу сейчас используется, чтобы объяснить провальные итоги этой борьбы. «Принцип крови — это все в Чечне... В 1994 г. все чеченцы были объединены по принципу *кам* [весь чеченский народ] в своей борьбе против России. Однако в ходе войны и последующих лет чеченские военные и социальные структуры постепенно вернулись к их племенным основаниям. Член одного тейпа отвергал подчинение командиру из другого тейпа и в итоге все чеченские полевые командиры стали старшинами своих тейпов. После войны эта особенность стала главным препятствием созданию национальных политических институтов и государственной дисциплины. Поскольку только ислам стоял выше тейповых границ, религиозные призывы усилились по мере укоренения основанных на племенном принципе политических группировок... Чеченцам просто не хватает традиции надродственной политической организации и в этом отношении их можно считать, как бы неприятно это не звучало, досовременным обществом. Результатом стал катастрофический социальный импловиз [направленный внутрь взрыв], который охватил всю Чечню и в котором новая война есть просто его последняя стадия»^{xv}.

Выше цитируемые авторы Энвер Кисриев и Роберт Уэр называют несколько причин, почему не состоялся проект чеченской независимости, среди которых не только политика России и крах экономического, социального и политического развития Чечни, но и «чеченская незаконность», которая восходит к «традиционной социальной структуре чеченцев»^{xvi}.

Как мы можем заключить из наших данных, чеченцы не были едины в своей борьбе против Москвы, а российское общество также разделилось в своем отношении к этой разрушительной войне. Через три года после войны чеченское общество еще больше оказалось захвачено внутренними соперничествами политических и военных группировок. Власть в Чечне разделилась между режимом Масхадова, достаточно примирительно относившегося к Москве, и оппозицией, которая обратилась воинственному экспансионизму и политическому исламу в попытке обрести собственную легитимность. Этот раскол затронул только вооруженную часть общества. Все больше и больше чеченцев вставало в оппозицию в отношении обеих вооруженных лагерей. Именно это стало основным водоразделом послевоенного чеченского общества, члены которого отвергали экономический и политический хаос и отсутствие личной безопасности. Проблема была в том, что это большинство без автомата Калашникова было неспособно возвысить свой голос без неминуемого наказания.

Простые чеченцы стали заложниками экстремисткой, неконформистской идеологии и блюстителей законов шариата. Чеченское общество действительно потерпело неудачу в строительстве «своего» государства, но не из-за отсутствия в своей истории традиции неродовой политической организации и некой прирожденной чуждости закону и праву. В конце концов чеченцы жили много десятилетий по советским законам, которые при всех их деформациях представляли собою европейские правовые нормы и ценности. Наконец, чеченцы в Чечне и за ее пределами приняли и жили по российским законам, занимаясь многими мирными занятиями, в том числе и честным бизнесом. Я не думаю, что успешные чеченские бизнесмены (Бажаев, Джабраилов, Сайдуллаев, Хаджиев и другие) и сотни других чеченских предпринимателей по всей России строили и строят свою деятельность на отторжении государства и права. Скорее, их конкуренты, ксенофобы из органов власти и некоторые ученые пытаются создать им образ беспощадных служителей вольности и криминала.

Причины краха чеченской независимости и возникновения хаоса разорванного войной общества кроются не в этнографии и

истории, а прежде всего в современных факторах. Во-первых, слишком много чеченцев оказалось подвержено националистической идеологии, к которой добавилась романтика и логика вооруженной борьбы, а затем и «великой победы». Героическая мифология сослужила свою мобилизационную службу в период военных действий, но оказалась беспомощной во время послевоенной реконструкции и бесполезной для налаживания отношений с конфликтующей стороной. По словам тех же Кисриева и Уэра, «эта воинская мифология является саморазрушительной особенно потому что она носит самовозвеличивающий характер»^{xvii}.

Во-вторых, попытка построить как бы заново концепцию чеченской идентичности на религиозной основе ислама столкнулась с непреодолимыми препятствиями. Активизация в Чечне традиционного ислама суфийских братств происходила среди населения, которое в итоге советского наследия было в значительной мере атеистичным, или, по крайней мере, плохо образованным в религиозном плане. Закрывающий в себе общегуманистическое и миротворческое начала тарикатисткий ислам не смог проявить себя в должной мере. Воинская мифология и враждующие вооруженные группы подмяли под себя слабый и разрозненный муфтият. Лидеры вооруженных групп вызвали к исламу в целях обрести политическую легитимность и верховенство. Особый ущерб возвращению ислама в чеченское общество был нанесен исламским радикализмом, получившим название ваххабизм. На стороне последнего оказались существенные внешние ресурсы, поступавшие из стран Персидского залива, Пакистана и Афган.

Ваххабизм, пытавшийся взять на себя роль «чистого» или «пуританского ислама», был абсолютно чужд чеченскому обществу, на что справедливо указали Джабраил Гакаев и Вахит Акаев. Но его оказалось достаточно, чтобы внести сумятицу и еще одну линию раскола в разрушенной войной общество. Именно радикальный исламизм, а не только экономический хаос и изоляция, не позволили установить в послевоенной Чечне какие-либо основы гражданского правления, законности и поряд.

Наконец, что немаловажно и часто не замечается аналитиками, так это то, что «чеченская революция» стала

революцией двойного отрицания, когда разрушение советской системы управления и идеологии ввергло общество в отторжение порядка и сложившихся основ жизни вообще и в нереализуемые проекты воссоздания воображаемого порядка на основе клановых структур или религии. Такого порядка скорее всего в Чечне никогда и не существовало, по меньшей мере с момента пребывания Чечни в составе российского государства. Возможно наиболее реалистичным сценарием было бы восстановление ситуации до 1991 г., но этот порядок также рухнул во всем остальном пространстве бывшего СССР. Здесь, в этом окружающем Чечню мире также произошло двойное отрицание, но только с меньшими последствиями. Вернуться в этот мир стало уже невозможным и по причине его тотального осуждения внутренними и внешними силами. Ввергнутое в войну общество оказалось в драматической ситуации поиска формулы общественной жизни на основе выдуманных образов прошлого или же согласно предписанным внешними силами рецептам, чуждым для Чечни и ее жителей. Чечня не должна больше становиться сценой для постановок заезжих режиссеров.

- ¹ Ina-Maria Greverus. Speak up or be silent? On an ethno-anthropological approach to war. *Anthropological Journal on European Cultures*, 1995. Vol. 4. No. 2. P.92.
- ² Anatol Lieven. Chechnya. Tombstone of Russian Power. New Haven, L., 1998. P.353.
- ³ Michael Ignatieff. The Warrior's Honor. Ethnic war and the modern conscience. London: Vintage, 1999. P.175.
- ⁴ Ibidem.
- ⁵ Ibid. P.176.
- ⁶ "Independence of Kosovo is not a gangenous precedent" // International Herald Tribune. 02.07.2000.
- ⁷ Michael Ignatieff. P.125.
- ⁸ См.: Социальная идентификация личности. Отв. ред. В.А. Ядов. М., 1993 (особенно таблица на стр. 132-133).
- ⁹ Anatol Lieven. Op. cit. P.335-339.
- ¹⁰ Ibid. P.354.
- ¹¹ Ibid. P.335-339.
- ¹² Enver Kisriev and Robert Ware. Chechnya. Paper given at the ASN convention. New-York, April 2000. Pp.6-7.
- ¹³ Ibid. P.36.

ПОСТКОНФЛИКТНАЯ ЧЕЧНЯ: АНАЛИЗ СИТУАЦИИ, ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ (ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

15 апреля 2000 года военно-политическое руководство России официально объявило о завершении войсковой части контртеррористической операции в Чечне. По данным Генштаба РФ подразделения Минобороны разгромили все крупные бандформирования, оснащенные тяжелым оружием, уничтожили войсковую систему управления боевиков и их единую инфраструктуру. По официальным данным убито до тринадцати тысяч боевиков, среди них 20 известных полевых командиров, столько же арестовано и находятся в следственных изоляторах. Российская армия потеряла около трех тысяч военнослужащих, (эти данные подвергаются сомнению многими неправительственными организациями и СМИ). Погибших мирных жителей во второй чеченской кампании, по сведениям правозащитных организаций, около десяти тысяч (представители Ичкерии приводят другие цифры: федеральные войска потеряли убитыми 14 тыс. человек, а боевики — 1,5 тыс. человек). В ходе операции федеральные войска заняли все стратегически важные населенные пункты, и впервые взяли под контроль чеченский участок российско-грузинской государственной границы. После завершения активных боевых действий основная тяжесть борьбы с небольшими отрядами боевиков должна была лечь на плечи МВД и ФСБ. Однако, разгромив крупные силы боевиков и заняв по периметру всю территорию Чечни, федеральные войска войну не выиграли — она продолжается, приобретая постепенно черты геррилии. Конфликт вот уже полгода как перешел в фазу партизанской войны, конца которой не видно. По оценкам российских военных, в Чечне боевиков осталось 2-2,5 тыс. (Масхадов утверждает, что у него 15 тыс. бойцов). Они ежедневно нападают на российские войска, ведут диверсионную войну, в которой ежемесячно гибнет 50-70 военнослужащих. Число боевиков не уменьшается, а главные их лидеры: Масхадов, Басаев, Хаттаб, Гелаев, Бараев — остаются на свободе, беспрепятственно передвигаются по территории Чечни и успешно руководят войной. В результате основная цель контртеррористической операции остается не достигнутой.

Армейские соединения оказались бессильными перед мелкими мобильными группами сепаратистов, и перешли к обороне, сведя активные боевые действия к минимуму. Началась тяжелая, изнурительная борьба с диверсионной войной. При этом войска несут большие потери, особенно от действий «камикадзе». «Днем мы хозяева

— говорят солдаты, — а ночью — боевики». Полностью разрушенный Грозный с его разбитыми и искореженными заводскими цехами, руинами жилых домов, и глубокими балками — удобный плацдарм для партизанской войны. По свидетельству военных, в городе постоянно находятся несколько сот боевиков. Днем они прячутся, а ночью нападают на блокпосты, обстреливают и минировать выявленные цели. В Чечне налицо все признаки партизанской войны. А она, как известно, продолжается столько, сколько действуют причины, ее породившие. Официальные заявления российских силовых структур о подконтрольности ситуации не соответствуют действительности. На самом деле федералы пока не могут обеспечить ни собственную безопасность, ни защитить гражданское население. 9 декабря начальник генерального штаба генерал армии Анатолий Квашнин объявил о начале новой фазы контртеррористической операции. Суть ее в том, что федеральные силовые структуры совместно с чеченской милицией планируют взять под охрану несколько сот крупных населенных пунктов Чечни и таким образом гарантировать безопасность мирному населению. Это решение говорит о безысходности ситуации. В Чечне 450 сел, и на все не хватит гарнизонов.

Минобороны, глубоко увязнув в затяжной партизанской войне, впервые официально высказало недовольство работой МВД и ФСБ. Заместитель начальника Генштаба генерал Валерий Манилов публично заявил, что «эффективность операции заметно снизилась. Эта жвачка сейчас продолжается. Посмотрите, как действуют блок посты, как проводятся зачистки. Не удивительно, что при таких действиях бандиты могут чуть ли не беспрепятственно перемещаться по территории республики и создавать базы, склады и схроны» («МК» 17.09.2000). Военные справедливо считают, что уничтожать мелкие группы боевиков, вести оперативную работу, пресекать действия террористов — задача спецслужб. Но факты свидетельствуют о том, что внутренние войска, ОМОНЫ и СОБРы, временно командированные в ЧР, не справляются с этой задачей. Более того, «спецоперации», «зачистки», «акции возмездия» ведут к большим жертвам среди гражданского населения, росту числа беженцев, расширению базы поддержки боевиков. Неадекватное применение силы в отношении мирных жителей Чечни, в основу которого положен принцип т.н. «коллективной ответственности», озлобляет население, изначально настроенное против сепаратистов. Боевики порой сами проводят акции, провоцирующие карательные операции армии. Но вся вина за последствия ложится на федералов. Естественно, боевые операции ведущие к жертвам среди гражданского населения перечеркивают эффект всех социальных и экономических программ, и это главное препятствие стабилизации ситуации в ЧР. Беспредел и насилие со стороны российских силовых структур в отношении мирных чеченцев только усиливают

наметившуюся тенденцию — боевые действия федеральных войск выглядят, как ведущиеся «против народа», а сопротивление боевиков принимает внешние черты национально-освободительного движения. Доминирующей силой чеченского сопротивления могут стать рекруты новой волны. Они и их новые лидеры станут идейными борцами, а значит и более жестокими. При этом нужно иметь в виду, что российская военная группировка, действующая в Чечне, в основном, национально однородна, и воюет она на территории, имеющей национально однородное население. Это также объективная предпосылка к напряженности в отношениях.

Мировой опыт свидетельствует, что армия, выведенная из казарм в поле, быстро разлагается. Грабежи мирного населения, акты вандализма становятся обыденностью. Сегодня перед командованием стала проблема: как уберечь войска, выполнившие свой долг, от деградации. У солдат, в основном контрактников, прошедших через «огонь и воду» появилось много «свободного времени». В итоге сто двадцатитысячная группировка становится плохо управляемой. Наблюдается рост преступлений среди военных на почве употребления наркотиков, пьянства, неуставных отношений. Оружие, наркотики и алкоголь, оказавшись в одних руках, стали более опасным, чем боевики явлением в войсках. Многие солдаты, пережившие войну и смертельный риск, не выдерживают испытание миром, и по малейшему поводу хватаются за автомат, применяя в конфликтных ситуациях единственный известный им довод — убийство. Жертвами чаще всего становятся местные жители.

Война в Чечне стала очень выгодным промыслом для обеих сторон, участвующих в конфликте. И это самое главное препятствие на пути стабилизации ситуации. Некоторые высшие армейские чины заинтересованы в сохранении вялотекущей войны. Нынешняя ситуация обеспечивает военным жирную строку в бюджете и растущее влияние на руководство страны. Чечня нужна как полигон, живая мишень для наращивания мускульной силы армии. Пытаясь сохранить все это, генералы внушают себе и обществу, что «чеченская проблема» будет решена, когда удастся пленить и уничтожить лидеров боевиков. На самом деле военные не торопятся решить эту проблему. В создавшемся положении у российских силовых структур в Чечне, как пишет газета «Сегодня» — «есть два варианта действий. Первый — следовать заветам генерала Владимира Шаманова, считающего, что члены семей боевиков мало отличаются от самих боевиков. Второй — попытаться выгадать от войны все, что только можно для себя лично, пусть даже за счет предательства. И тот и другой подход одинаково опасны. Если о вреде измены долго рассуждать не приходится, то исповедование на практике принципа «хороший чеченец — мертвый чеченец» не только

аморально, но и плодит новых участников партизанской войны» («Сегодня» 28.48.2000).

Война в Чечне имеет изначально криминальный характер. В ней все, в том числе и человеческая жизнь, продается и покупается. Продолжение конфликта в нынешней стадии выгодно определенным силам в российских политических, финансовых и военных кругах. Их представители имеют «деловые контакты» в Чечне. Мафиозные структуры делают бизнес на торговле людьми, оружием, наркотиками, нефтепродуктами. С этим бизнесом связаны и кланы некоторых региональных «баронов». В их карманах оседает часть денег от продажи гуманитарной помощи, которая поступает из-за границы (о разворовывании федеральных средств и говорить не приходится). В результате криминального беспредела в Чечне возникла среда, в которой невозможно стало делать добро, реализовать свою человеческую сущность.

В Чечне имеет место массовое нарушение прав человека. Российские законы здесь не действуют — правят бал беззаконие и произвол. До сих пор отсутствует законодательная база, регулирующая проведение контртеррористических операций. Отдельные военнослужащие — контрактники, бойцы ОМОНов и СОБРов во время «зачисток» творят насилие, совершают преднамеренные убийства мирных граждан, грабят население. Грабежи часто совершаются совершенно открыто. Причем речь идет не только о небольших ценных вещах, таких как деньги, ювелирные изделия, но и об организованном вывозе объемных грузов. Подобный грабеж может происходить только с разрешения командования отдельных частей. На блокпостах действует система поборов. Теперь не только бандиты похищают и продают людей — этим занимаются «законные вооруженные формирования». Через систему фильтрации за время конфликта прошли более 10 тыс. человек, многие из которых были выкуплены родственниками. По официальной статистике против военнослужащих возбуждено 467 дел, но лишь 14 из них имеют отношение к преступлениям, совершенным против мирного населения. Проблема усложняется тем, что в Чечне нет судебной системы. Отсутствие судебной защиты на протяжении всего периода проведения операции в ЧР означает, что жители Чечни лишены главного механизма защиты их законных прав.

По данным независимой комиссии П.Крашенинникова в Чечне участились случаи мародерства, мздоимства со стороны военных. «Только в одном районе Чечни, по словам члена комиссии Эллы Панфиловой, комендант вынужден был уволить 62 контрактника, служивших по подложным документам». («МК» 14.09.2000). Есть факты, когда «зачистки» проводятся без ведома федерального центра. В последнее время в Чечне участились случаи пропажи людей. Задержанные на блокпостах люди бесследно исчезают. По

официальным данным число пропавших без вести достигло 500 человек. По свидетельству той же комиссии «фамилии многих задержанных местных жителей нельзя найти ни в списках МВД, ни в списках Генеральной прокуратуры, ни в списках ФСБ. Серьезной проблемой для жителей Чечни является отсутствие у многих людей российских паспортов, а их выдача производится медленно. Не имея паспорта, граждане лишены возможности свободно передвигаться, при «зачистках» населенных пунктов им угрожает реальная опасность быть задержанными. В целом, по мнению комиссии, «после прекращения боевых действий обстановка в Чеченской республике по гуманитарным направлениям резко ухудшилась». («МК» 14.09.2000). На Парламентских слушаниях 21 сентября 2000 г. впервые на столь высоком уровне была поднята проблема нарушений прав человека при проведении немотивированных «зачисток», операций по поиску наркотиков, боеприпасов и других подобных акциях. Практически все выступившие на слушаниях докладчики, в их числе и спецпредставитель Президента РФ по соблюдению прав и свобод человека в Чечне В.Каламанов, признали, что нарушения прав граждан все еще носят массовый характер». («МК» 22.09.2000). По словам депутата Госдумы от ЧР А.Аслаханова, со стороны армии, правоохранительных органов над чеченцами проводятся все эксперименты жестокости, бессовестности, безнравственности. А тех жителей республики, которые покинули Чечню и живут в других регионах России, «отдельные оборотни в погонах сделали личным источником внебюджетного финансирования» («ИГ» 22.09.2000). По общему признанию думских деятелей, аналитиков и экспертов самым болезненным явлением в Чечне остается проблема безопасности мирного населения, защиты его, как от боевиков, так и от федералов. Этот тезис подтвердили Генеральный секретарь СЕ Вальтер Швиммер и представитель ПАСЕ лорд Джадд, выступившие на слушаниях.

В последнее время вновь обострилась проблема беженцев. Экономика и социальная сфера ЧР, частично восстановленные после первой войны и кое-как действовавшие, теперь окончательно уничтожены. Люди, покинувшие Чечню до 1999 года, не смогут вернуться в свои дома — они очередной раз разрушены. Более того, к ним прибавились новые сотни тысяч вынужденных переселенцев. И с наступлением зимы 150 тыс. беженцев, находящихся на территории Ингушетии, вновь оказались в тяжелейшем положении. Боевики с самого начала используют беженцев, как инструмент давления на федеральную власть, пытаясь вынудить ее начать переговоры с Масхадовым. Часть вынужденных переселенцев готова вернуться домой, но им необходимы гарантии безопасности и минимальная социальная поддержка.

В последнее время боевики усилили террор против местного населения. В целях устрашения они расстреливают работников администрации, демонстративно казнят тех, кто осмелился публично осудить их действия. Черда убийств прокатилась по многим селениям Чечни. За период с марта по июль с. г. убиты девять глав местной администрации, двенадцать чеченских милиционеров, четыре работника прокуратуры, четыре имама поселковых мечетей. В конце августа боевики казнили в селениях Дарго и Белгатой двух мужчин, а их головы были выставлены на колья для устрашения. 16 сентября в селении Старые Атаги были убиты пять человек — местные жители в возрасте от 15 до 70 лет. Ранее в том же селе были убиты еще шесть человек (в этом местные жители подозревают федералов). Боевики демонстративно расстреляли заместителя начальника РОВД Веденского района Чечни подполковника Шамиля Акаева, начальника штаба подполковника Саида Бисултанова. 11 октября сепаратисты совершили теракт против чеченских милиционеров, организовав взрыв у здания Октябрьского РОВД г. Грозного. Погибло 12 человек, 17 ранены, все чеченцы, среди них есть женщины, дети. 23 октября жертвой террористов стал председатель Совета старейшин селения Гойты Урус-Мартановского р-на, 70-летний Магомед Сайдалиев, непримиримый противник «ваххабитов». 31 октября в Алхан-кале убит у себя дома инспектор милиции Грозненского сельского РОВД Иса Емурзаев. 9 ноября убит глава администрации с. Алхан-кала Иса Цуев и две его сотрудницы. 12 ноября в г. Урус-Мартане убито 9 мирных жителей. 16 ноября убиты глава администрации с. Мескер-юрт Дадалов и его заместитель. 8 декабря в Гудермесе, в результате теракта погибло двое и тяжело ранено трое чеченских милиционеров. В с. Алхан-юрт в ноябре-декабре жертвами террора стали около сотни мирных чеченцев, из них сорок человек погибло, столько же ранено. И этот кровавый счет продолжается. Террором против чеченцев, которым надоела война, боевики пытаются запугать своих соплеменников, сотрудничающих с администрацией Кадырова. Операции федералов также нередко обращаются против мирных жителей. В результате мирное население Чечни, оказавшись между «молотом» и «наковальней», стало заложником конфликта. Комендант Чечни Иван Бабичев признал, что при проведении «зачисток» есть отдельные случаи, когда страдают и мирные жители. Глава администрации Чечни Ахмед Кадыров также заявил, что продолжение в республике практики массовых «зачисток» может привести к серьезным негативным последствиям и проявлениям резкого народного негодования. В этом случае Кадыров, как он выразился «будет вынужден признать, что народ прав», и «останется с этим народом» («НГ» 19.09.2000).

Назначение Ахмеда Кадырова Главой администрации ЧР пока существенно не повлияло на расстановку сил в ЧР. Более того, это

решение воспринято общественностью Чечни, РФ неоднозначно. Не только сепаратисты, но и пророссийская часть чеченского общества негативно отреагировала на выбор Кремля, считая, что среди чеченского истеблишмента при желании можно было бы найти более авторитетного человека, способного консолидировать чеченское общество. Однако ставка на Кадырова для Кремля имеет свою логику, и продиктована рядом обстоятельств: во-первых, влиянием на президента РФ силовых структур (Кадыров — ставленник военных, спецслужб и полностью им подконтролен). Во-вторых, немаловажную роль сыграл и внешнеполитический фактор. Руководству РФ важно было продемонстрировать мировой общественности, что главой Чечни назначен «духовный лидер» чеченцев, вчерашний соратник Масхадова, разочаровавшийся в политике сепаратизма. В-третьих, назначение Кадырова должно было послужить примером для примирения с бывшими дудаевцами и масхадовцами, по тем или иным причинам не взявшим сейчас в руки оружие. Неоднозначная и противоречивая фигура муфтия должна была, по замыслу Кремля, объединить всех чеченцев, выступающих против «ваххабитов». И, наконец, в случае провала Кадырова Федеральный Центр может возложить ответственность на чеченскую политическую элиту, вновь заявив, что она, по определению, не способна выдвинуть и поддержать лидера из своей среды. Уже сейчас российские СМИ озвучивают идею назначения русского генерал-губернатора в Чечне.

Последние события, происшедшие в Чечне, свидетельствуют о том, что новой администрации не удастся переломить ситуацию. И дело не только в том, что у Кадырова не очень высокий рейтинг среди населения. Основная проблема местной власти — правовой беспредел, творимый федералами и отсутствие финансовых средств на восстановление экономики и социальной сферы ЧР. На этом фоне вновь обострились противоречия между главными фигурами чеченской администрации. Речь идет в первую очередь об Ахмед-хаджи Кадырове и его первом заместителе Б.Гантамирове. Возникновению конфликта способствовало и то обстоятельство, что до сих пор нет точного законодательного решения вопроса о распределении полномочий между структурами власти в Чечне. По словам Кадырова он «сам не знает, какими полномочиями обладает он, какими — полномочное представительство Президента в Южном округе, а какими — комендант республики».

Некоторые аналитики склонны видеть в попытке впрячь в одну упряжку Кадырова и Гантамирова не столько ошибку, сколько сознательные действия Кремля. По их мнению, это делается с целью доказать всем, будто чеченцы не способны сами управлять республикой. Эти подозрения в полной мере подтвердил

генерал Владимир Шаманов. Он поспешил заявить, что в Чечне происходит «схватка предводителей местных кланов», и поэтому руководство можно доверить только русскому. Эту же мысль видимо не случайно озвучил и руководитель нефтяной компании Славнефть Михаил Гуцириев. По мнению местных экспертов именно командование федеральных войск в ЧР лоббирует эту идею, чтобы убедить политическое руководство страны в том, что в Чечне пока должны править военные. Отсюда они делают вывод, что военное руководство и не ставит цель завершить войну. Действительно, нестабильность, которая порождает противостояние внутри чеченской администрации, способствует затягиванию войны. Каковы будут действия Кремля в условиях раскола в руководстве республики, предсказать трудно. Пока что Гантамирова и Кадырова вновь помирили. Однако последние высказывания В.Казанцева, Г.Трошева, публикации в СМИ говорят о том, что в ближайшее время федеральному центру придется делать выбор не только между этими деятелями, но и возможно менять саму структуру управления ЧР. Назначение В. Елагина, ответственного за восстановление экономики и социальной сферы ЧР в ранге федерального министра, только начало этого процесса. Очевидно одно, что Президент РФ заинтересован в решении чеченской проблемы, однако слабость и разобщенность власти, доминирование ведомственных интересов пока не дали должного результата.

Крайне негативное влияние на ситуацию в Чечне оказывают и внешние факторы. Чеченский конфликт все более интернационализируется, вовлекая в свою орбиту все новых игроков на мировой геополитической сцене. Чечня стала плацдармом антироссийских сил, здесь столкнулись интересы мировых и региональных держав, стремящихся использовать распад СССР и фактор ослабления России для передела сфер влияния и энергетических ресурсов Кавказа. Против России ведется широкомасштабная информационная война. На Западе и в странах-участницах Организации Исламской конференции чеченские сепаратисты с помощью некоторых западных СМИ настойчиво внедряют миф о поддержке населением Чечни борьбы против федеральных войск. Боевики стремятся любой ценой добиться максимальных потерь среди федеральных войск, про-

демонстрировать местному населению и особенно Западу свой боевой потенциал. Все это делается с одной целью, чтобы до наступления зимы склонить федеральный центр к переговорам и спасти сепаратистов от полного разгрома. Определенные круги ряда западных и мусульманских стран противодействуют позитивным шагам России, направленным на стабилизацию ситуации не только в Чечне, но и во всем Кавказском регионе. Чечня стала жертвой ползучей экспансии международных наемников и террористов. Об этом свидетельствует регулярно поступающая помощь финансами и людьми экстремистским группам на Северном Кавказе. За каждым очередным долларовым вливанием следует новая волна активности диверсионной войны. В последнее время в движении чеченского сопротивления доминирующую роль стали играть отряды международных наемников и их лидеры — Хаттаб и другие. Именно к ним поступают основные средства из-за рубежа, они и заказывают музыку, постепенно отесняя на второй план Масхадова и чеченских полевых командиров. Зарубежные партнеры чеченских боевиков слишком много вложили в создание и развитие этого конфликта, чтобы так просто выбросить на ветер вложенные силы и средства. Слишком велики ставки в этой игре. Жесткая позиция Запада в отношении действий России в Чечне, возрастающая помощь радикальных исламских организаций чеченским боевикам провоцируют затяжную войну в Чечне и втягивание в конфликт другие регионы Северного Кавказа.

ТЕЗИСЫ ПРОГРАММЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА

1. Анализ ситуации в Чечне подтверждает, что только силовыми методами проблему не решить. Необходимо инициировать процесс политического урегулирования конфликта, заявив о намерении государства сделать все необходимое, чтобы преодолеть последствия разрушительного конфликта и восстановить нормальную жизнь в Чечне. Важно публично изложить программу урегулирования конфликта, назвав условия прекращения войны в ЧР, ее контуры и правовое положение в составе РФ. Чечне должно быть обеспечено самое полное самоопределение, высокий государственный статус в рамках РФ. У чеченцев должна быть уверенность, что их суверенитет будет сохранен и что они, будут управляться не наместниками или военными комендантами, а через свободные выборы смогут избрать органы власти и установить основы гражданского управления. Учитывая трагедию войны и чрезвычайную остроту проблемы, возможны дополнительные (внешние) гарантии чеченского суверенитета. Ведя решительную борьбу с терроризмом, федеральные власти должны ясно и недву-

смысленно определить пределы возможного компромисса при разрешении кризиса, и где уступки по определению невозможны. Федеральный центр должен исходить из того, что Чечня может оставаться частью России, если страна и ее население признают не только территорию, но и самих чеченцев своей полноправной частью. Отсюда нужна программа сохранения в составе России не только территории, а, прежде всего, ее населения. Отсюда, необходимо изменить климат межэтнических отношений в стране, остановить накат ксенофобии, чеченофобии, обеспечить на деле равенство граждан РФ перед законом, независимо от национальной принадлежности. Государство российское — государство всех ее коренных народов, и они должны почувствовать это зримо.

Федеральный центр должен взять под строгий контроль действия военных, запретить обстрелы населенных пунктов Чечни и продемонстрировать всему миру, что чеченцы — полноправные граждане РФ и цель военной операции — защитить их жизнь, права и имущество от террористов и бандитов. Российским властям не стоит жестко формулировать ультиматум признания приоритета некоторых федеральных законов. У Чечни есть право на свою государственность. Конституция 1992 года может послужить отправным вариантом основного закона Чечни и тем самым позволит избежать синдрома побежденного народа, сохранить достоинство чеченцев. Необходимо обеспечить широкое освещение и разъяснение СМИ инициативы высшего руководства РФ по началу процесса мирного урегулирования.

2. Совет безопасности, МИД России должны определить приоритеты Кавказской политики на современном этапе и последовательно отстаивать их в изменившихся геополитических условиях. Этнополитические конфликты на Кавказе можно разрешить, выработав на основе международного права согласованные правила игры. Важно убедить мировое сообщество в том, что развитие глобальной сети «негражданского общества»: организованная преступность, наркобизнес, отмывание грязных денег, международный терроризм (все это имеет место в Чечне) — несут угрозу человечеству. Россия должна предоставить миру и в первую очередь исламским странам объективную информацию о причинах и природе чеченского конфликта, дезавуировать удуговскую пропаганду о якобы существующем в Чечне «джихаде против неверных». Мировая общественность должна знать, что чеченские сепаратисты дискредитировали идею независимости, терроризируют мирное население и не имеют массовой народной поддержки. Россия должна выявлять и нейтрализовывать политические и финансовые центры, стоящие за спиной террористов.

3. В настоящее время чеченское общество находится в состоянии глубочайшего раскола и противостояния. Чеченскую карту продолжают

разыгрывать в своих конъюнктурных целях политические элиты России, стремящиеся сохранить олигархический режим в стране. Народ Чечни стал разменной монетой геостратегии однополярного мира. Гражданское и национальное примирение в Чечне — решающее условие урегулирования конфликта. Федеральный центр должен способствовать возвращению беженцев, консолидации народа Чечни, приходу к власти подлинно национальных сил, ориентированных на союз с Россией. Это отвечает ее стратегическим интересам. Наряду с силовой составляющей следует активизировать диалог с организованными силами чеченского общества. Программа урегулирования конфликта должна вырабатываться и осуществляться федеральными властями с привлечением всех реальных субъектов чеченского политического процесса, за исключением лиц, связанных с преступной деятельностью, вооруженным сепаратизмом и терроризмом. Переговоры с Масхадовым и полевыми командирами возможны на предмет выработки условий прекращения военных действий. Проблема статуса ЧР не может быть предметом переговоров с сепаратистами — это прерогатива народа Чечни.

4. Чеченский конфликт — следствие, прежде всего, внутричеченского противостояния. Отсюда внутривнутриполитическое урегулирование — фундамент для общей стабилизации ситуации в ЧР. Он предполагает решение целого блока проблем. В их ряду — преодоление гражданского противостояния, тейповых, ушельных, вирдовых противоречий, которые актуализировались в период правления национал-радикалов. В результате десятки тысяч людей в Чечне находятся в состоянии кровной вражды. Стабилизировать ситуацию в Чечне невозможно по определению без национального согласия, достижения внутричеченского мира, то есть примирения враждующих групп людей. Чтобы решить эту проблему нужна не только твердая власть, диктатура закона, но и следует использовать традиционные институты, народную дипломатию, в частности, создать из авторитетных людей комиссию по примирению кровников. Это большая, крайне важная работа и здесь необходима государственная поддержка. Главная задача чеченской политической элиты — преодолеть раскол нации. Только через внутричеченское примирение и согласие возможно решение социально-экономических и политических проблем Чечни.

5. За основу деятельности органов федеральной власти, всех ведомств необходимо принять главенствующим следующий принцип: проблемы Чечни должны решаться самими чеченцами при поддержке центра. В соответствии с этим, в кратчайший срок необходимо, воссоздать дееспособную систему правоохранительных органов ЧР.

Интернациональные по своему составу силовые структуры ЧР должны вести борьбу с бандитами и террористами путем проведения спецопераций, защищать права граждан и обеспечивать правопорядок на территории Чечни. Их состав и численность должны соответствовать уровню и объему решаемых задач. Они должны комплектоваться на контрактной основе. На работу в органы МВД, ФСБ следует приглашать молодых людей, желающих проявить себя в борьбе против сепаратистов и имеющих положительные рекомендации авторитетных старейшин, руководителей местных общин. Необходимо в ближайшее время освободить армию от несвойственных ей полицейских функций и возложить ответственность за соблюдение законности и правопорядка на органы МВД. Их задача — арест или уничтожение известных главарей бандитов и обеспечение безопасности мирного населения. Армейскую группировку в Чечне нужно сократить, оставив части постоянной дислокации. Необходимо надлежащим образом укрепить пограничный режим с Грузией и Азербайджаном, а также ужесточить контроль за сохранностью боеприпасов и оружия в федеральных войсковых частях. Крайне важно преодолеть тенденции противостояния федеральных сил и мирного населения республики, свести на нет социально-политические условия для восстановления влияния боевиков, мобилизовать жителей республики и чеченскую диаспору на взаимодействие с федеральным центром, поддержку его политики. В Чечне на постоянной основе следует разместить воинские части, имеющие опыт и навыки борьбы с терроризмом, с комплектованием их частично за счет призывников и контрактников из Чечни. Следует передать управление всеми федеральными силами в ЧР под единое командование, сосредоточив их на защите стратегических объектов, оказание поддержки действиям чеченской милиции. Только совместные усилия чеченских и федеральных силовых структур могут обеспечить успех операции по ликвидации диверсионно-террористических групп.

6. В целях консолидации здоровых сил Чечни следует созвать Конституционное собрание ЧР, избрать Оргкомитет, который будет заниматься разработкой ос-

нового закона ЧР и законодательных актов, необходимых для восстановления конституционного строя. Важно обеспечить общественную поддержку администрации ЧР и подвести под нее соответствующую правовую базу, четко разграничив полномочия между структурами власти. Возможен вариант создания временного коллегиального органа власти на переходный период (до выборов) в виде Госсвета. В его состав могли бы войти все авторитетные лидеры чеченского общества, представители регионов и этнических групп Чечни. Главное — завершить процесс создания дееспособной системы власти на переходный период, и восстановить властную вертикаль. В органы власти ЧР должны выдвигаться профессионалы, имеющие авторитет и влияние в чеченском обществе.

7. Завершающим этапом политического урегулирования конфликта в ЧР должны стать всенародные демократические выборы. Только избрав легитимную, а значит и авторитетную в народе власть, можно завершить затянувшийся гражданский конфликт в Чечне и консолидировать чеченское общество. Исторические традиции чеченского народа, его менталитет свидетельствуют в пользу парламентской республики. Для слабо структурированного чеченского общества традиционные институты коллегиальной власти, сформированной на основе консенсуса основных этнических групп. Вольные демократические общества Чечни не терпели над собой авторитарной власти, тирании. Именно поэтому не прижился в Чечне институт президентства. Для чеченского общества традиционна коллективная, парламентская форма организации власти. Органы государственной власти в Чечне всегда опирались на традиционные институты самоуправления: «мехк-кхел» (Совет старейшин), Совет общины, Совет села. Именно так чеченцы жили веками. И нужно вернуться к подконтрольному обществу, самоуправляющейся парламентской системе организации государственной власти. Парламент ЧР должен состоять из двух палат. Верхняя палата (9-11 человек) формируется на основе пропорционального представительства от регионов, основных этнических групп и конфессий. Нижняя палата (38-40 человек) избирается всенародным голосованием. Парламент из своего состава избирает Госсвет, его председателя и утверждает состав Кабинета министров. Выборы в парламент ЧР желательно не затягивать и провести в 2001 году. Однако, проблема Чечни, как и России в целом, не только в выборе соответствующей их исторической традиции формы государственной власти, а и в подборе «слоя правящих людей», который должен быть объединен идеей народослужения. Благоденствие

Чечни состоит в призывании к власти людей честных, следуя за которыми народ среди хаоса и метаний найдет, наконец, правильный путь своего поступательного развития. В этом залог возрождения нации.

8. Восстановление экономики и социальной сферы ЧР — решающее условие стабилизации ситуации не только в Чечне, но и в Северо-Кавказском регионе в целом. С войной в Чечне можно покончить, только сделав ее невыгодной, т. е. начав процесс созидания. Чем эффективнее федеральный центр будет решать социально-экономические проблемы, приведшие к кризису, тем в большей изоляции окажутся сепаратисты, тем быстрее завершится война. Приоритетной задачей остается восстановление жилого фонда, аграрного сектора, нефтехимического комплекса, развития наукоемких, безотходных технологий. В сложившихся условиях федеральные власти должны в первую очередь оказать помощь вынужденным переселенцам из Чечни, адресную финансовую поддержку в виде выплат пенсии, пособия, гуманитарной помощи малоимущим слоям населения ЧР, жертвам войны, а главное — способствовать укреплению общественных и политических сил, лояльных по отношению к России. Программа восстановительных работ в Чечне напрямую должна быть увязана с процессом возвращения вынужденных переселенцев — не только чеченцев, но и русскоязычных (800 тысяч граждан бывшей ЧИР находятся за пределами Чечни). Это тем более важно, если учесть, что без помощи и поддержки этой части граждан, в интеллектуальном и профессиональном отношении более подготовленной, восстановить экономику и социальную сферу ЧР, возродить культуру народа, в целом стабилизировать ситуацию в Чечне и вокруг нее невозможно по определению. Отношения федерального центра к проблеме вынужденных переселенцев из Чечни — ключ к разрешению чеченского конфликта. И, наконец, через призму защиты прав граждан РФ чеченской национальности, отношения федеральных властей к их нуждам, можно завоевать доверие тех, кто сегодня обманут националистической пропагандой в самой Чечне. Федеральные и местные органы власти должны решительно пресекать факты притеснения и незаконные действия в отношении выходцев из Чечни, их дискриминацию по этническому признаку. С целью возвращения вынужденных переселенцев в ЧР, необходимо обеспечить их безопасность, а также адресную государственную и гуманитарную помощь на территории самой Чечни.

9. Крайне важно привлечь к работе в органы государственной власти лиц чеченской национальности, как на региональном, так и на федеральном уровнях. Это должны быть люди достойные, высококвалифицированные. Обеспечение пропорционального представительства чеченцев на государственной службе, как представителей третьего по численности коренного этноса России,

имеет принципиально важное значение. Их назначение, наравне с представителями других национальностей на ответственные должности, особенно на федеральном уровне, имело бы большой резонанс в чеченском обществе, и наряду с другими факторами позволило бы смягчить межэтническую напряженность в стране, укрепить доверие чеченцев к российской власти.

10. Проблема Чечни, в большей степени, культурологическая. В период господства национал-радикалов ЧР превратилась в фабрику по производству люмпенов. Поэтому решение чеченского кризиса — это, прежде всего, новые рабочие места, образование и просвещение народа. Десятки тысяч молодых людей, выросших за последние десять лет, могут стать социальной базой сепаратистов, если их не занять трудом и учебой. В качестве первоочередных мер следует принять общегосударственные программы по здравоохранению и образованию. Ежегодно в российские вузы, техникумы, профтехучилище следует направлять десятки тысяч чеченских юношей и девушек для получения образования и рабочих специальностей. Главное здесь — поддержать российские центры культуры и образования в Чечне, основы светского общества.

11. СМИ России создали негативный образ чеченцев, предоставив маргинальную часть народа в качестве подлинного портрета нации. Эту сознательную дезинформацию следует дезавуировать. Федеральным и местным органам власти необходимо убедительно доказывать обоснованность борьбы против терроризма, раскрывать его опасность и антигуманную сущность, дегероизировать его лидеров. Представители чеченской интеллигенции, представляющие истинные интересы народа, должны через российские СМИ получить возможность рассказать всему миру правду о том, что происходит в Чечне, каково их отношение к этому. До сих пор голос сепаратистов выдавался за глас народа, а истинный интерес и мнение большинства чеченцев, которые хотят жить в России замалчивались. Именно сейчас нужен канал на российском телевидении (на русском и чеченском языках). Необходимо больше освещать жизнь и деятельность чеченцев в Чечне и в России, прекратить преследования, вешать ярлыки на целый народ, представлять их в образе «гордых дикарей», показывать больше тех, кто занят созидательным трудом. Только возродив доверие между народами, можно укрепить российское государство, разрешить чеченский конфликт.

12. Вот уже десять лет Чечня живет вне правового пространства РФ. Следует безотлагательно восстановить судебную систему ЧР, обеспечить эффективную работу судебно-следственных органов, прокурорского надзора, пресечь практику похищений людей. Значительная часть населения лишена права передвижения из-за отсутствия документов удостоверяющих личность. Первоочередной должна стать задача всеобщей паспортизации населения, без которой не возможно обеспечение прав и свобод граждан РФ на территории Чечни.

13. В целях обеспечения прав граждан ЧР следует запретить практику неадекватного применения силы на территории республики. Необходимо сократить неоправданно большое число блокпостов на территории ЧР (на сегодняшний день их более 400), пресечь практику поборов, вымогательств и притеснений мирных жителей со стороны военнослужащих федеральных войск, организовать дежурство на блокпостах совместных нарядов — федеральных войск и чеченской милиции. В армии и других федеральных силовых и гражданских структурах, действующих в Чечне, необходимо утверждение особых норм и правил отношения к населению, к боевикам и по отношению к самим себе. Срочно необходим «сухой закон» для военнослужащих на период службы в Чечне. Необходимо соблюдение гуманного отношения ко всем категориям невоюющего населения и международно-правовых норм в отношении тех боевиков, которые добровольно сложили оружие. Следует объявить очередную амнистию для тех, кто не совершил тяжких преступлений и готов прекратить сопротивление. В равной мере необходимо публично провести судебные расследования в отношении виновных в тяжких преступлениях против гражданского населения. Борьба с терроризмом должна вестись последовательно, без колебаний и крайностей, а также высоко профессионально, строго в соответствии с правовыми законами и демократическими принципами. Иначе место бандитизма и терроризма займет государственный террор. Применение силы против бандитов должно быть легитимным, законным и оправданным в глазах населения.

14. Огромную роль в возрождении Чечни, ее экономики, культуры призван сыграть российский бизнес, и особенно чеченские предприниматели. Необходимо привлечь средства частного капитала для восстановления экономики и социальной сферы ЧР, принять соответствующие правительственные решения, поощряющие приток инвестиций. Решению этих задач могло бы способствовать создание на общественных началах Совета чеченских предпринимателей, Фонда возрождения Чечни и других общественных организаций. Нужна срочная общероссийская кампания гуманитарной помощи Чечни и беженцам из Чечни. Последствие чеченского конфликта невозможно преодолеть, не повернув все российское общество лицом к этой проблеме.

II. Важнейшие проблемы конфликта и поствоенной реконструкции

Галина Заурбекова

О КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЯЕМЫХ КОНФЛИКТОВ

С чисто формальной внешней стороны события в Чечено-Ингушетии накануне конфликта разворачивались следующим образом: лидеры неформальных движений высказали мнение, что в любом случае глава Чечено-Ингушской АССР Завгаев должен уйти, так как был заподозрен в поддержке ГКЧП. Это дало мощные аргументы неформалам, многие из которых пытались оттеснить Завгаева и захватить власть в республике.

Раз ГКЧП — это попытка государственного переворота и возврата к старому советскому строю, то Чечня по их логике для спасения своей свободы вправе выйти из России и образовать собственное независимое государство. Из нелегитимности ГКЧП выводилось, таким образом право на сепессию для неформалов. Но в такой аргументации выпадало одно весьма существенное звено: чеченский народ не уполномочивал этих самозванных вождей решать его судьбу. С юридической точки зрения они сами были нелегитимны. И тем не менее, с ними встречались многочисленные посланцы из Москвы, помогали и консультировали их.

Парадокс состоял в том, что от имени народа, якобы в защиту его национальных интересов выступали люди, которым были чужды подлинные интересы народа, более того, предавшие эти интересы и получавшие огромные средства из самых различных антироссийских и античеченских источников; другая часть была просто сотрудниками спецслужб, третьи — национал-карьеристы и весьма значительный процент людей с уголовным прошлым.

Конфликт, таким образом, подталкивался, управлялся с самого первого дня Центром. И здесь мы имеем ситуацию, когда чеченцам навязывали образ мышления и поведения, противоречащие его коренным интересам, требованиям здравого смысла.

Невозможно не обратить внимание на искусственность всего, что произошло, на то, что неведомая, но злая воля подталкивала события, вводила в них и изымала из них идеи, лозунги и даже их действующие лица.

В чем сущность управляемого конфликта? Как он делается, каков механизм приведения в действие фигурантов, кто перебирает нити управления этими марионетками? Когда-нибудь история назовет конкретные имена и неопровержимые факты? Сейчас многое покрыто завесой секретности.

Война еще продолжается, не остыл пепел руин, слишком велика боль тяжких утрат. И не вся информация доступна сегодня.

Одна из существенных целей, важнейших задач так называемого регулируемого конфликта, состоит в том, чтобы переместить очаг социального и национального напряжения, сложившийся в Центре, на периферию, отвести огонь от центральной власти, принося в жертву окраинные регионы и народы. При развале Советского Союза эту ситуацию незабвенный Е. Гайдар именовал «отцеплением» от поезда горящего вагона с тем, чтобы спасти поезд, жертвуя горящим вагоном вместе с пассажирами. Как свидетельствуют многие источники, Гайдар так и поступал, буквально насильственно выдавливая из рублевой зоны бывшие Союзные республики. Народы вопреки национальным элитам сопротивлялись за исключением Прибалтики, развалу страны, пытались сохранить складывавшееся веками, ставшее в какой-то мере естественным, общее экономическое пространство, сохранить хотя бы экономическую базу будущей консолидации народов, но это как раз и не входило в планы разрушителей страны.

Народы сопротивляются стихии разрушения, беспардонному и беспрецедентному грабежу страны. Ведь речь идет об уничтожении страны, об унижении чести, достоинства народов, впавших в состояние нищеты материальной и духовной. А это порождает вполне законное чувство протеста, ненависти к разрушителям. Вот тогда правящий режим прибегает к испытанному оружию — межнациональному стравливанию, ибо везде, куда направляли «горящие вагоны» жили люди со своей историей, культурой, традициями. Концепция «горящего вагона»

— это концепция разжигания межнациональных конфликтов в других регионах, у чужих народов.

Какие задачи решаются при этом? Ограничимся указанием на самые главные задачи. Это, прежде всего, задача отвлечения внимания населения от тяжелого, катастрофического положения дел во всех областях жизни. Задача в том, чтобы отвести внимание и гнев униженного и оскорбленного народа (и в Центре и на местах) от истинных виновников положения дел. «Перевести стрелки» на виновников мнимых. Для того и создается с таким упорством и настойчивостью образ врага страны, роль которого на этот раз была отведена чеченцам.

Конфликты нужны для того, чтобы во время очередных выборов кандидат мог предстать перед избирателями в роли спасителя от, например, «чеченских бандитов». Известно, каким эффективным факторам избирательных кампаний всех уровней становятся патриотические чувства, особенно в теперешней России, переживающей невероятно тяжелый синдром национального унижения после десятилетия горбачевско-ельцинского раздвая, обвала экономики и культуры.

Особое значение имеет начало, зачин конфликта: важно с самого начала дезориентировать народ настолько, чтобы он перестал понимать смысл происходящего, ввести его в состояние аффекта, вызванного оскорблением национального достоинства.

Надо отметить, что определение межнационального конфликта как управляемого противоречит заключенной в сепаратизме иррациональной тенденции. Однако, это такое противоречивое определение, которые отражает противоречивость самого объекта и эта двойственность содержания конфликта состоит в следующем. Конфликт планируется, запускается как сознательный волевой акт путем срамливания противостоящих участников конфликта и действительно поджигателям удается реализовать хотя бы часть поставленных задач. Однако дальнейшее развитие и углубление конфликта приводит к тому, что он выходит из-под власти поджигателей и приобретает непредсказуемый, неуправляемый иррациональный характер. Он выходит из-под власти тех, кто развязал конфликт и теоретически возможна ситуация, когда он «пожирает» своих собственных творцов.

В недавней статье З.Бжежинского все правление Ельцина Б.Н. представляется как иррациональное и непредсказуемое, составленное из анархии и авантюризма. И эту характеристику, в принципе, можно отнести к развязанному в его правление чеченскому конфликту.

Кто же они сепаратисты? Как возникли они на горе чеченскому народу?

Я присоединяюсь к высказанному уже в литературе мнению, что по преобладающему своему большинству это были маргинальные группы. Однако это общее социологическое понятие, оно характеризует только такую черту, как отсутствие стабильных связей с социумом, динамичность и социальную эрозированность этой группы.

Надо учитывать особенность чеченского общества кануна кризиса, которая состояла в том, что указанная черта была присуща значительной части населения, так как большое количество людей в трудоспособном возрасте не имело работы. Связи этих групп с республикой можно назвать дискретными, так как большую часть года они находились на сезонной работе вне пределов республики, на так называемой «шабашке». Это порождало целый комплекс социальных, психологических, нравственных проблем.

Исследователи обратили внимание, что сепаратисты по национальному составу, по своему происхождению были в большинстве своем потомки инонациональных вкраплений в чеченский этнос, начиная с самого Дудаева.

Все это общий подход. Если иметь в виду профессиональную принадлежность, то среди зачинателей сепаратизма было немало людей известных своим сотрудничеством со спецслужбами. Это так называемые секретные агенты или «стукачи». Были также люди, переметнувшиеся из прежних властных структур. Таких, правда, сравнительно немного. Названные группы вели себя особенно активно. Они принимали участие на всех собраниях, устраивали шествия и пикетирование, издавали листки и газетенки... Они были среди тех, кто разгонял Верховный Совет, захватывал здание КГБ и МВД; они составили первый управленческий аппарат после переворота и продемонстрировали полную профессиональную беспомощность.

Естественно, они боялись разоблачения, боялись за свое досье. Дудаев захваченные секреты не обнародовал, не опубликовал, но по многим фигурантам была устроена утечка информации, имена стукачей стали известны. Однако эти же люди делали и «национально-освободительную революцию», как по-началу был назван дудаевский мятеж, и они спровоцировали одну из самых кровопролитных войн в истории чеченского народа. Сотрудничество с теми органами, о которых идет речь является, как известно, пожизненным, а нередко и наследственным. Прав был М.С. Горбачев, когда, отвечая на вопрос корреспондента ТВ о том, как скоро в Чечне воцарятся мир и спокойствие, сказал с полным знанием дела: «Когда Центр отзовет из Чечни своего человека — генерала Дудаева».

Материалы о сотрудничестве со спецслужбами Басаева, Лабазанова, Яндарбиева, Радуева периодически публикуются в центральных газетах. Мозговые центры деструктивных сил довольно точно рассчитали менталитет чеченского народа легковерного и вместе с тем отважного, легкоранимого и способного на дерзость и постыдную жестокость; упорного в бою, щедрого в дружбе, но жадного и ненасытного до преходящих благ мира сего; нередко лицемерного в общении, но искреннего в дружбе и доверчивого; проницательного и, тем не менее, легко подкупающегося на лесть, вспыльчивого, злопамятного на оскорбление, но щедрого в гостеприимстве, тщеславного, склонного к преувеличениям, увлекающегося и нетерпимого, нетерпящего оскорбления и угрозы.

Словом, изучили все те клавиши, ударяя по которым можно было заставлять этот народ убивать себя собственными руками, разрушать собственную страну совершенно добросовестно заблуждаясь при этом, будто воюет он за независимость, свободу, собственное государство.

Заклятые враги России еще при выводе военных гарнизонов из республики оставили горы оружия легковерному чеченскому народу, у которого любовь к оружию приобретает иногда характер генетической программы поведения. Те, кто сделал столь «щедрый подарок» знали наверняка, что оружие это будет стрелять и убивать и российских солдат, и чеченских ребят, и мирное население.

«Свою силу сепаратисты приобретают через оружие и экстремистские организации, — отмечает В.А. Тишков, — в которые рекрутируются мужчины, готовые добывать средства к существованию с помощью автомата Калашникова, а не через рутинный труд и пот»^{xviii}. С помощью автомата и простенького лозунга «Это наша земля» гораздо легче добывать машины, квартиры, деньги. Это делается через изгнание чужаков-оккупантов, это легче и скорей приносит успех, чем тяжкий труд от зари до зари на «шабашках», как это было при советском «колониальном», как его именуют сепаратисты, строе^{xix}. Старое тоталитарное государство сознательно разрушается правительством псевдореформаторов даже путем поставки сепаратистам вооружений. Именно оружие и формирование отрядов комбатантов или незаконных вооруженных групп, отказавшихся от мирного труда, позволяет сепаратистам бросить вызов государственной машине, которая специально была ослаблена сначала борьбой за власть между правителями, а затем и сознательно осуществляемой политикой разрушения государства якобы для оттеснения прежней бюрократии, партноменклатуры.

Итак, сепаратизм поддерживается определенными силами из Центра, разрушительная работа оплачивается большими деньгами, поставками оружия. Именно за такие деньги продажные предводители, так называемые полевые генералы, помогавшие уничтожать чеченцев, строили для себя роскошные особняки, покупали шикарные иномарки, скупали достояние республики.

Их злодейский обман так дорого обошелся народу, причинил такие разрушения хозяйству, экономике, культуре, экологии, которые долго будут отзываться на жизни грядущих поколений. Всякий думающий чеченец может убедиться теперь, что подразумевали олигархи, так часто цитируя циничную и подлую поговорку, гласящую, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Чеченские крысоловы не только вовлекли в мышеловку чеченский народ, но частью и сами оказались в ней. Многие особняки уже стерты с лица земли, разметаны парки личных иномарок, другие загубили даже свою родню и оставили части своего собственного тела в клыках ненасытного молоха войны.

В большинстве национальных республик, где сепаратисты добиваются определенных привилегий для «своей» нации, пытаются создать ее численный перевес, приглашая на постоянное жительство людей «своей» национальности даже из других стран, как это было в Казахстане.

Число чеченцев в Чечне постоянно сокращалось. В этом, кстати, отличие чеченского сепаратизма от других его национальных модификаций. Число чеченцев в республике за годы правления сепаратистов не только не увеличилось, а уменьшилось в три раза. Первыми начало выезжать русскоязычное население. Уезжали люди, предки которых веками жили здесь, на этой земле. Затем пришло время очередного великого рассеяния самих чеченцев. Надо сказать, что многие прекрасно понимали, что новым властям народ, сами чеченцы с их национальными интересами не нужны; им нужны «труба и власть». То, что чеченцы массами покидают республику — так это новых «хакимов» (начальников — А.З.) вполне устраивало, это им просто на руку — хлопот меньше.

Сепаратисты не добивались привилегий для чеченского населения — это не входило в их планы (И, слава Богу!) — напротив, они продали этот народ на корню, получая огромные финансовые вливания, они подставили под нож войны чеченский народ для того, чтобы другие грабили и разрушали Россию. При этом они все-таки оставались всего лишь пешками в руках ненавистников страны, которые преследовали цель не только разграбить Россию, но и вытеснить ее с Кавказа и развалить Российскую державу.

Через руки благодетелей идет непрерывный поток оружия, наркотиков, чтобы боевики продолжали воевать, убивать русских солдат, уничтожать чеченский народ, чтобы они способствовали ослаблению России, ее дискредитации на международной арене. Трудно сказать от кого больше разрухи и горя народам — от национал-карьеристов или олигархов — и те и другие сеют смерть и разрушения вовлеченным в конфликт народам. Оплачиваемые олигархами сепаратисты выполняют задание по уничтожению чеченского народа, вовлекая в войну в первую очередь молодежь, выплачивая ей мизерные крохи из награбленного ими. Местные сепаратисты выступают в роли

козлов-provокаторов, ведущих стадо на бойню, подводя заговоренных к войне. С другой стороны массовая гибель молодежи с обеих сторон углубляет вражду между народами — такая задача стояла перед боевиками, олигархами во все время чеченской войны.

Вся чеченская земля покрылась высокими надмогильными шестами с зелеными флажками, целое поколение молодежи погребено, а еще больше — народу безвинного: стариков, женщин, маленьких детей.

Сколько бы об этом не писали возникает один и тот же мучительный вопрос — как удастся обмануть, ввести в заблуждение целые народы, свести в смертельной вражде, как удастся заставить и убивать друг друга.

Уже в годы после Хасав-Юртовского соглашения и в Чечню и Дагестан были ввезены огромные запасы оружия, а ряд районов Дагестана и вся Чеченская республика были превращены в укрепрайоны. Сооружение укрепрайонов — это переброска десятков тысяч тонн железа, цемента, стройматериалов. И обо всем этом ведать не ведали в Центре?! Ведь Дагестан был и есть часть самой России. Разве Центр не мог остановить, перекрыть пути ввоза в эту республику эшелонов оружия, стройматериалов?! Так за чьи интересы гибли в Дагестане и Чечне тысячи российских военнослужащих? Кто бросил в горнило войны каждого седьмого чеченца, кто загребал на этой коммерческой войне миллиарды долларов? Придет время, и на эти вопросы будут даны ответы.

Современный человек живет в мире образов, картин, плакатов, наглядных изображений, схем. Он питается продуктами, приобретенными по информации из рекламных проспектов. Он ориентируется на образцы одежды, представляемые десятками журналов, рекламных проспектов, телевизионных рекламных роликов. То же телевидение незаметно для самого человека, нередко подсознательно навязывает ему образ мышления, мифологию и даже стереотипы чувств и поведения, которые заданы определенными политическими силами. Человек выполняет социальные роли, почти бессознательно усваиваемые им из информационного поля, т.е. из театра жизни, ибо сама жизнь предстает в сознании управляемого человека как некий

театр. В конце концов, и само участие в общественных движениях воспринимаются массам людей как участие в некоем театрализованном действии, карнавале, маскараде. Потому он так привержен маскарадным облачениям. Слова, манера обращения, стереотипы поведения — все привносится извне. Человек старается, даже не всегда осознанно, подражать образу мыслей, привычкам, которые задают ему СМИ в качестве достойных, модных, современных, прогрессивных, демократических. Даже чуждые ценности преподносятся ему как его собственные, прогрессистские, хотя это может противоречить национальным этническим и этическим интересам, пристрастиям и вкусам народа, которому принадлежит управляемый потребитель информации. Именно так неосознанно для самого человека ему навязываются модели мышления и поведения.

Даже такое сокровенное, только единожды в жизни имеющее место событие, как смерть, переход в мир иной воспринимается как стереотип маскарадного театрализованного поведения. Прежде говорили, что в смерти человек возвращается к своему истинному состоянию, обретает самость — не зря же сказано, что каждый умирает в одиночку. Теперь даже смерть становится предметом театрализованной буфонады. Скажем, тяжелые раны на войне помещают человека на грань жизни и смерти, но находящийся в телевизионном ступоре человек на свою собственную смерть готов смотреть как на эффектный кадр театрализованного действия.

Возьмите так называемого полевого командира С.Радиева. Человек этот действительно имеет тяжелые раны, признан инвалидом первой группы. Но, когда он лег на довольно заурядную хирургическую операцию, совершенно не опасную для жизни, он более всего сокрушается, что процедура операции и информация о ней будут недостаточно театрализованы. Потому он предлагает баснословную сумму оперирующему хирургу за одно заявление о том, что Радиев оперируется по поводу смертельно опасного заболевания и как героически держался Радиев во время операции.

Все это примеры управления человеком, свидетельствующие о том, как не всегда осознанно, исподволь вовлекаются люди в совершение действий, противоречащих их коренным

национальным, да и вообще жизненным интересам. Это и есть манипулирование сознанием.

По проблемам манипулирования сознанием и поведением человека через СМИ, о навязывании ему такого типа поведения, которое заставляло его действовать вопреки своим кровным, жизненным интересам, во вред интересам народа, страны — об этом написано уже много. Мы касаемся этой темы вскользь, в той мере, в которой это может помочь увидеть механизм управления поведением, ответить на вопрос о том, что же заставляло чеченцев с таким яростным ожесточением разрушать свою родину, подталкивать свой собственный народ к гибели. Почему именно на чеченцах остановилась стрелка братоубийства после того как направляющие этот сатанинский шабаш силы не смогли разжечь такого пожара в Карабахе, Юго-Осетии, Приднестровье? Почему чеченцы согласились стать пушечным мясом, бросить в пламя войны детей своих, свое будущее? Одно можно сказать определенно: СМИ сыграли в этом глубоко деструктивную роль.

Таковы некоторые признаки раскрутки «управляемого» конфликта.

Итак, сепаратистские конфликты возникают не сами по себе: тут огромную деструктивную и подстрекательную роль играют манипулирование общественным сознанием, идеями патриотизма, которые нередко подменяются идеями этнической исключительности. Там, где сепаратистам удавалось увлечь массы, мобилизовать их на конфронтационные действия, сепаратизм действительно становится орудием в борьбе за власть не только в регионах, но и в самом центре.

Деструктивные действия сепаратистов легче достигали своей цели там, где сохранялась память о национальных обидах прошлого. Еще предшественники сепаратистов, национал-карьеристы, всемерно пытались разбредить раны прошлых национальных обид и из истории межнациональных контактов и отношений вспоминали и выпячивали все эпизоды взаимной вражды, ненависти, насилия. Именно на них спекулировали сепаратисты, превращая их в побудительные мотивы протестных действий в периоды митинговой демократии. При этом любое свое насилие над иноэтничными группами населения республики сепаратисты пытались оправдать высшими национальными

интересами. Так собственно и начиналось идеологическое обоснование сепаратизма.

Уже говорилось, что многие межэтнические конфликты выражают противоречия реального процесса развития и самоопределения наций. Они не ввозятся как бурбоны в фургонах, они суть, продукт и порождение данного общества в фазе национального и социального напряжения. Однако из этого вовсе не следует, что они неизбежно перерастут в форму братоубийственной бойни. Говоря абстрактно, можно утверждать, что нет конфликтов, которые невозможно было бы погасить, разрешить мирным способом и нет конфликтов, которые нельзя было бы обострить, разжечь ради достижения корыстных целей заинтересованных сторон. Находящемся в латентном состоянии конфликту можно сообщить провоцирующий импульс и перевести дремлющий конфликт в активную фазу. Или даже довести до братоубийственной войны. Делается это для того, чтобы в порожденной войною смуте, при грохоте массовых бомбежек, помутнении общественного сознания стравленных народов ограбить их национальное достояние, ослабить их во взаимном истреблении и подчинить их новому мировому порядку.

Вообще из всех разновидностей социальных конфликтов национальный наиболее легко поддается провоцированию. Межнациональное напряжение и даже серьезный кризис в национальных отношениях можно вызвать бестактным заявлением государственного лица или просто чиновника, беспардонного журналиста. Слишком тонкая, деликатная, подчас капризная и легкоранимая это «материя» — национальные отношения, — способная, однако в любой момент превратиться в клочущую вулканическую лаву. Именно по этой причине на национальных чувствах играют национал-карьеристы и сепаратисты всех мастей. Маскируясь под защитников национальных интересов, они преследуют узкоэгоистические цели личного обогащения и захвата доходных должностей, власти, создания самостийного государства. Но сами они все-таки оказываются только лишь игрушками в руках тех, кто дает им деньги, предпочитая скрываться за кулисами. Простые же люди всех народов в массе своей, как правило, стараются ладить

друг с другом. К идеям особых национальных прав, национальной исключительности, избранности простой народ, в большинстве своем имел определенный иммунитет, выработанный веками совместной жизни, народной религией.

С этим связаны и наши надежды на определение вражды и ненависти между народами. Это та историческая и духовная база, на которую должны опираться сторонники сближения народов, гармонизации межнациональных отношений.

¹ См. Тишков В.А. Сепаратизм и самоопределение. Ж. Российская федерация. №4. 1999 г.

² Там же.

**ПРОБЛЕМА КОГЕРЕНТНОСТИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
СИТУАЦИЯХ ЧЕЧНИ НАЧАЛА И КОНЦА XX ВЕКА
(опыт сравнительно-типологического анализа)**

Чеченский конфликт конца XX века по своим разрушительным последствиям в экономике, культуре, в межнациональных отношениях намного превосходит все, что известно в истории Европы после второй мировой войны, они еще долго будет привлекать внимание исследователей.

Немного найдется конфликтов, в ходе которых был бы уничтожен каждый пятый из всех живущих на земле членов этноса, как это случилось с чеченцами. И что не менее прискорбно и вместе с тем мучительно — так это очевидная бессмысленность жертв и разрушений, вызванных войной.

Конфликт такого масштаба не может, разумеется, возникнуть внезапно, вдруг. Он, несомненно, имеет свои истоки, уходящие вглубь истории. В этом плане представляет интерес сравнение ситуации начала и конца XX столетия в Чечне, которое поможет понять некоторые особенности чеченской трагедии.

И тогда, в начале XX века политические события, разворачивавшиеся в центре, гулким эхом отражались на общественной ситуации в Чеченской Республике.

В борьбе за реальную политическую и духовную власть здесь сталкивались взаимоисключающие друг друга общественно-политические и религиозно-философские мировоззрения. С одной стороны, в общественное сознание трудящихся масс Чечни в начале XX века активно вторгались идеи новой жизни, пропагандируемые большевиками, либералами, с другой — еще сильнее и энергичнее заявляли о себе традиционные духовные ценности, основанные на учении ислама. Происходила ломка устоявшихся консервативных взглядов, убеждений, принципов миропонимания, на смену им приходили и активно утверждались принципы мировосприятия, в основе которых лежали новые, революционные подходы к объяснению явлений природы, взаимоотношений людей, развития общества.

Расколовшаяся на десятки общественно-политических партий и движений страна делала крутой поворот как в области социально-государственного устройства, экономических отношений, так и в области права, морали, идеологии.

Сегодня, в начале XXI века, как и столетие тому назад, общество оказалось расколотым на множество непримиримых общественно-политических партий и движений. Они проповедуют взаимоисключающие духовные ценности, стоят на разнополюсных идейно-политических платформах. Как никогда прежде обострились межнациональные отношения, стали реальностью военные конфликты. Вот почему, по меткому выражению Х. Агнес, «история не есть прошлое, это — прошлое и будущее в настоящем»^{xx}.

Общее в ситуациях, сложившихся в Чечне тогда и теперь, состоит в том, что это были эпохи катастроф и национальных трагедий.

Отторжение, неприятие, а затем и насильственное изъятие чужих взглядов, позиций, убеждений, происходило в начале XX столетия. И привело в конце концов к братоубийственной гражданской войне.

Та же самая ситуация повторилась в конце XX века. Поскольку события проистекали в иных условиях: невиданного ранее развития науки, техники и новых технологий уничтожения человеком себе подобных, исповедующих иные мысли, иные взгляды, иные принципы и позиции. Гражданская война начала века и чеченская война конца XX века подтверждают мысль о том, что расхождения, возникающие во взглядах, убеждениях, принципах мировосприятия и миропонимания лидеров общественно-политических и военных сил перерастают в условиях нетерпимости в вооруженную борьбу; эти расхождения в мировоззрении, возникшие в начале XX века, стал причиной гражданской войны, столкновение в мировоззрении, произошедший в конце XX века, послужил причиной начала чеченской войны. Как и тогда, современные общественные лидеры не захотели достичь консенсуса, не попытались найти компромиссного решения для разрешения возникших политических, экономических, мировоззренческих противоречий, не сделали ничего, чтобы не допустить разрушения мира. Именно

в политических разногласиях лидеров общественных сил покоятся причины масштабных кровавых событий в Чечне. Дивергентный характер различных общественно-политических воззрений лежит в основе зла и нетерпимости и тогда и сейчас.

Однако, история, становящаяся свидетелем самоуничтожения человека, повторяется не только в умножении зла, но при наличии доброй воли она дает возможность исправления ошибок. Сегодня, как и в начале XX века, история предоставляет нам огромный шанс выбраться из пропасти военно-политического противостояния. И от всех нас зависит, сумеем ли мы воспользоваться данным нам шансом. Как справедливо отмечает исследователь: «...чтобы идти наверх, восходить, а не бродить во тьме внизу, и тем более не упасть еще ниже, нам нужны маяки, которые освещали бы путь»^{xxi}.

Таковыми маяками, чьи общественно-политические и религиозно-философские воззрения, чья жизнь и деятельность могут стать примером для подражания, являются передовые представители чеченского и других народов, которые пропагандировали не идеи национальной исключительности, обособления, а идеи дружбы, братства, тесного сотрудничества в области политики, экономики, науки, духовности и культуры. Бесспорно, такими маяками, на наш взгляд, можно назвать прогрессивных чеченских государственных, общественных и религиозных деятелей начала XX века Таштемира Эльдарханова, Ахметхана Мутушева, Денилбека Шерипова, Ибрагимбека Саракаева, Дени Арсанова, Сугаип-муллу Гайсумова, Солса-хаджи Яндарова, Али Митаева, многих других, чьи общественно-политические и религиозно-философские взгляды способствовали единению, согласию в обществе, звали людей к проявлению добрых начал.

В 1917 году после февральской буржуазной и октябрьской социалистической революций и последовавшей за ними гражданской войны произошло резкое размежевание среди чеченских лидеров — состоятельных нефтепромышленников и землевладельцев, интеллигенции, сторонников эволюционного и революционного путей развития чеченского общества. Наиболее ярко проявили себя в тот период, выступая с центристских позиций, такие выдающиеся государственные деятели и

просветители как Таштемир Эльдарханов, Ахметхан Мутушев, Исмаил Мутушев, Денилбек Шерипов, Али Митаев и многие другие. Крайние точки зрения на характер взаимоотношений различных идейно-политических воззрений и особенности развития исторических событий в тот период высказывали Асланбек Шерипов, Ибрагимбек Саракаев и др. Философские и общественно-политические взгляды названных лидеров во многом определяли ход событий в Чечне в досоветский период.

Когерентный характер социального и духовного проявился еще в том, что многие чеченские общественные деятели, придерживающиеся до октябрьской революции большевиков одних политических взглядов, основанных на буржуазно-демократических ценностях, после ее окончательной победы начали демонстрировать воззрения, опирающиеся на марксистские марксистские, социалистические ценности. Такая эволюция произошла в системе общественно-политических и философских воззрений А. Мутушева, Д. Шерипова, Т. Эльдарханова, А. Шерипова и др.

Подобная метаморфоза имела и следующий эффект. Контрадикция между социалистической идеологией и специфическими национальными особенностями Чечни начала XX века умышленно стиралась, старые взгляды и принципы приобретали новые признаки детерминированности, проникая в новую социальную среду, они видоизменялись, трансформируясь в реалии окружающего мира. Опыт показал, что социалистическая идеология, проникая в общественную мысль той или иной нации, в известной мере осваивалась ее прогрессивными мыслителями в решении наболевших национальных задач. Такими задачами в условиях чеченской действительности были преодоление отсталости в экономической, политической, культурной областях, справедливое решение национального и аграрного вопросов.

Эти проблемы стояли перед обществом и ранее, но лишь революция 1905-1907 гг., поднявшая все народы России на борьбу с самодержавием, показало, что реальными условиями их решения является борьба за социальное и национальное равн.^{xxii}.

Первая русская революция, ставшая мощным катализатором общественной активности угнетенных народов российской

империи, обеспечила условия широкого распространения социалистических идей среди горских народов, в том числе и чеченцев. Неоценимое значение в этом, как и вообще в развитии общественного самосознания, сыграло возникновение периодической печати, права на которую долго и упорно добивались в прошлом столетии многие представители местного русского и чеченского просветительства первого поколения. Редакторами первых национальных изданий в начале XX века стали: газеты «Терец» — Д. Шерипов, газеты «Терская жизнь» — И. Саракаев.

Рассмотрим некоторые проблемы национальных взаимоотношений, которые ставились в газетах. Например, идея суверенитета народа, являющаяся одним из компонентов национального самосознания. Т. Эльдарханов утверждает данную идею посредством конкретизации положения о приоритете общего блага над индивидуальным. Главным предназначением индивида или социальной группы, полагает он, должна быть забота о благе отечества и народа, развитии светской культуры на национальной основе, интеллектуально-нравственном совершенствовании.

Чеченские политические, общественные и религиозные лидеры по-разному толковали и воспринимали происходившие в начале XX века политические события. Почти все они, являясь представителями разных общественно-политических направлений и течений, высказывались за единство вайнахского народа; но на деле, когда возникал спорный вопрос о власти и путях и принципах создания национального государства, то все они, словно подмененные, начинали демонстрировать непростительное непонимание взглядов и позиций друг друга. Личные и групповые интересы выступали на передний план, открывая простор амбициям и неприязни. Члены Горского правительства во главе с Тапой Чермоевым пытались сконцентрировать власть в своих руках, религиозные авторитеты требовали передачи всей полноты власти представителям духовенства, а большевики считали правомочными претендовать на власть только себя.

Ситуация, сложившаяся в Чечне в тот период, сильно напоминала развитие событий в Грозном совсем недавно — в начале 90-х годов. К сожалению, и тогда, в начале XX века, и позже в 1991 году, известные чеченские общественные деятели — лидеры различных общественно-политических сил —

продемонстрировали свою полную неспособность сохранить внутричеченское единство.

Т. Эльдарханов был одним из тех, кто в тот смутный и трагический для чеченского народа период первых российских революций возглавил партию мира, гражданского согласия.

Всегда исходя из реальной действительности и придерживаясь во всем центристских позиций, он проявлял глубокую приверженность идеям дружбы, братства, согласия, единства и взаимопонимания.

Мутушев в этот период активно включается в общественную жизнь края. Он избирается в руководящий состав «Соединенного бюро», учрежденного различными политическими силами в г. Грозном для совместного осуществления в республике властных функций. В начале июня 1917 г. создается Грозненский районный исполнительный комитет (ГРИК), сосредоточивший всю полноту власти в крае в своих руках. Председателем бюро ГРИК был избран адвокат и общественный деятель А. Мутушев^{xxiii}.

В первом же приказе, изданном им 16 июня 1917 года, мы читаем: «Революция властно требует стойкого единения и контакта между всеми силами общества, а потому Грозненский районный исполнительный комитет, как революционная организация, приложит все старания и силы свои к тому, чтобы были сглажены все трения, возникшие между общественными организациями, чтобы было достигнуто взаимное доверие и уважение, при наличии коих лишь и возможно вывести страну из тупиков анархии и успешно привести к Учредительному собранию и демократическому республиканскому строю. Всемерное поддержание всего и всех ведущих к этим высоким идеалам усилий и энергичное, решительное пресечение всяких реакционных и контрреволюционных попыток, как-то: провокации и прочее, будут составлять основной тон и направление деятельности комитета»^{xxiv}.

В этом же номере в передовой статье «Грозный, 20 июня», комментируя приказ Председателя ГРИКа, редакция газеты пишет: «...приветствуем решительное заявление председателя ГРИК гр. Мутушева: «Пусть знают все, что комитет решительно обеспечит все гражданские свободы: слова, совести, печати, союзов и неприкосновенность личности и не допустит

противозаконного на них посягательства». Это особенно необходимо теперь, когда начинает укрепляться мнение, что революция есть полная отмена права и любая общественная группа может осуществить свое «право», нарушая гражданские свободы»^{xxv}.

Октябрьскую революцию А. Мутушев воспринял настороженно. Сторонник эволюционного пути развития общества, отвергающий любые акты насилия против человечности, он не мог на первых порах принимать активное участие в революционных преобразованиях края. Все еще свежи были также и впечатления от деятельного участия в работе местных органов власти Временного правительства. Однако со временем социальная действительность, развивавшаяся в сторону углубления революционных процессов, оказала существенное воздействие на эволюцию общественно-политических взглядов А. Мутушева. Они претерпели коренное изменение. На пятом съезде народов Терека 29 ноября 1918 года, характеризуя А. Мутушева, герой гражданской войны, большевик Асланбек Шерипов говорил: «По вопросу о соглашении с Карауловым (один из лидеров казачьего белогвардейского движения — М.М.) он был против такого. Я знаю еще, что с контрреволюцией Чермоева (лидер национальной буржуазии Чечни — М.М.) ...ничего общего не имел и выступал в печати против таких соглашений»^{xxvi}.

К концу 1918 года позиция Мутушева стала более четкой, определенной. Она отличалась не только своей идейно-политической направленностью, но и характером содержания высказываемых взглядов.

Однако гражданская война, последовавшая за Октябрьской революцией, все изменила. Большевизм и меньшевизм — два крыла одного идеологического течения на первоначальном этапе — позже оказались несовместимыми друг с другом. В 1918 году расклад политических сил четко обозначился — большевики одерживали одну победу за другой и шли к намеченной цели — захвату власти, не считаясь с соображениями гуманности, человечности. В чеченском обществе наметился раскол. Это вынудило Мутушева перебраться в соседний Дагестан. По его словам, он не желал участвовать в «политических играх»,

могущих привести «полудикий» чеченский народ к физическому уничтожению^{xxvii}. Он боялся последствий грядущей гражданской войны, понимал, что деление народа по принципу «белые» — «красные» неприемлемо для чеченского общества, поскольку жизнь его регулировалась иными законами, иными историческими традициями.

В Дагестане А. Мутушев окончательно определился в своих нравственных исканиях. Он вошел в состав Дагестанского военно-революционного комитета и принимал активное участие в проведении первых социалистических преобразований в республике. Вскоре при областном РВК была создана «комиссия по разграничению функций гражданских и военных властей», в состав которой был включен член Дагестанской социалистической группы А. Мутушева^{xxviii}.

Позже Мутушев был «представителем областного военно-революционного комитета Дагестана в комиссариате Северного Кавказа^{xxix}, как «товарищ председателя Дагестанского военревкома возглавлял комиссию по обороне г. Темир-Хан-Шуры». Вместе с такими известными дагестанскими революционерами, как Д. Коркмасов, М. Дахадаев, М.-М. Хизриев, С. Габиев, А.А. Тахо-Годи и другие входил во «фракцию Дагестанской социалистической группы военно-революционного комитета»^{xxx}. Там же в Дагестане Мутушев активно печатается в революционных изданиях. Он пишет: «Как марксист, ...как исповедующий материалистическое понимание истории, я с самого начала революции заявлял, ...что чеченский народ переживает стадию родового быта, исключаяющего в принципе возможность классовых группировок, а, следовательно, и классовой борьбы. Я лелеял мечту, что головокружительный темп революции выведет чеченцев к новым общественно-экономическим отношениям, что и наша чеченская история... будет теорией классовой борьбы бедных и богатых, что мы — чеченцы — станем революционерами»^{xxxi}.

Идея свободы приобретает в начале XX века доминирующее значение, становится решающей в борьбе за суверенитет народа, национальную культуру, поскольку именно в религиозной форме привлекательны были для верующих всякие лозунги и призывы.

Впервые важнейшим ценностным идейным и практическим ориентиром (целью) становится принцип общего блага, трактованный в плане социальной и национальной свободы трудового народа, принцип, который оказывался истоком конкретного революционного действия как пути практического осуществления выдвинутой цели.

Процесс смены мировоззрений был обусловлен сдвигами в «коренных ценностных ориентациях, которые складываются под воздействием конкретных исторических обстоятельств социальной действительности и являются формой выражения потребностей класса, вызванного к активной жизни»^{xxxii}.

События, происходившие в Чечне в начале XX века, были тесно связаны с социально-экономическими и политическими переменами в России, превращавшейся в сгусток противоречий мирового империализма. Затем социалистическая революция, гражданская война, коллективизация...

На всех этих поворотах истории горцев ни одной острой социально-экономической, национальной или аграрной проблемы не было решено. Коллективизация, особенно в условиях скудности земельных наделов в горной части, была явным нонсенсом, например, развитие производительных сил горного края не стало предметом ни одной специальной правительственной программы и все эти десятилетия в республике существовала явная и скрытая безработица.

Что говорить о геноциде 1944 года — массовом поголовном выселении чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию — оно обошлось гибелью почти половины населения чеченцев и ингушей. Таким образом, чеченский конфликт конца XX века был порожден внутренними и внешними противоречиями Чечни, нараставшими с самого начала прошлого века.

Самой главной, самой важной причиной этого конфликта стала нерешенность экономических проблем.

Массовая безработица, которая во все послевоенные десятилетия была выше 50% среди трудоспособного населения Чечено-Ингушской АССР; в иные периоды она «зашкаливала» до 70%. Здесь был очень низкий уровень медицинского обслуживания населения.

Не были решены и назревшие задачи национально-культурного развития. Специалистов с высшим образованием из числа коренной национальности во многих отраслях народного хозяйства было ничтожное количество, как, например, в нефтеперерабатывающей промышленности. Нарушению климата межнациональных отношений способствовала надуманная, совершенно не обоснованная концепция добровольного вхождения Чечни в Россию, выдвинутая местным историком Б.В. Виноградовым и его сторонниками.

Было совершенно запущено изучение родного языка в школе, на радио- и телевидении на родном языке отводилось времени в два раза меньше, чем в соседних автономных республиках.

Одним словом сравнение общественно-политических ситуаций в Чечне в начале и в конце XX века показывает со всей очевидностью и тогда — в начале века, и теперь, на закате уходящего века социально-экономические причины сыграли решающую роль в конфликтах и войнах. Конфликты не были порождены ни вековой враждой несовместимых якобы этносов, ни чеченским национализмом, ни великорусским шовинизмом.

В данном случае экономические причины довели над всем.

¹ Цит. по кн.: Гречко П.К. Концептуальные модели истории. М., 1995. С. 4.

² Свердлов М.Л. С.Л. Франк и диалектика любви // Русская философская мысль конца XIX — начала XX вв. Саратов, 1993, 10

³ Общественная и философская мысль в Татарии начала XX века. М., 1990. С. 40.

⁴ В Исполнительном комитете // «Терский край». 1917. № 3. 14 июня.

⁵ Приказ № 1 по Грозненскому району // «Терский край». 1917. № 4 20/6

⁶ Грозный, 20 июня // «Терский край». 1917. № 4. 20 июня.

⁷ См.: Съезды народов Терека. 1918 год. (Сборник докладов и материалов). В 2-х томах. Т. 2. Орджоникидзе, 1978. С. 163.

⁸ См.: «Революционный горец». 1918. № 1.

⁹ См.: Кашкаев Б.О. Указанное соч. С. 296.

¹⁰ Там же. С. 301.

¹¹ Там же. С. 315.

¹² «Революционный горец». 1918. № 1.

¹³ Философская и общественно-политическая мысль Белоруссии и Литвы. Дооктябрьский период: закономерности развития, проблемы исследования. Минск, 1987. С. 308.

СПОЛЗАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИЧКЕРИЯ К КОНФЛИКТУ

Поначалу представлялось, что первоначальным шагом восстановления и развития нормальных (в правовом поле) отношений между двумя конфликтующими сторонами, явилось бы признание российской стороной суверенитета Чеченской Республики. Это могло дать легитимную основу для заключения межгосударственного договора, в том числе и весьма сближающего в плане каких-то общих установок и программ в экономическом, военном и ином отношениях. По существу речь могла идти о подлинно добровольном присоединении Чеченской Республики к Российской Федерации. Естественно, в данном случае речь идет о некой идеальной модели развития отношений двух субъектов малореализуемой, к сожалению, в реальной политике. История, как известно, не любит сослагательного наклонения.

Во-первых, в Чечне процесс демократизации к 1992 г. затормозился, а к лету 1993 г. здесь одержала окончательную победу мафиозно-фашистская клика, установившая в стране режим беззакония. В 1993-1994 гг. Чечня превратилась в «свободную криминальную зону» с генерал-«паханом» Дудаевым во главе. Республика действительно стала свободной и независимой от какого-либо права и моральных норм. В силу тотального разграбления Дудаевым и его окружением Чечни, ее экономический потенциал упал в десятки раз, что сделало невозможным с точки зрения здравого смысла не только самостоятельное существование республики, но и даже самое физическое существование народа.

Вместе с тем, и в Российской Федерации происходили в 1991-1994 гг. противоречивые процессы. Возникало, в частности, множество центров власти, каждый из которых имел свое видение решения чеченского вопроса. Некоторые властные или политические группировки прямо оказались заинтересованными в

сохранении режима Дудаева и в мнимой независимости Чечни, позволяющей осуществлять через нее масштабные незаконные операции.

Подписание федеративного договора бывшими автономиями и областями России означало бы принятие «штатовской системы» внутриполитического устройства российского государства; при определенных условиях подобная схема имеет ряд преимуществ, но, вместе с тем, требует ряда ограничений, противоречащих принципу самоопределения нации.

В геополитическом плане новый этап в истории России, связанный с очередным собиранием «земли русской», имеет свои объективные закономерности. Территория, занимаемая Россией, геополитически обречена служить своеобразной «осью истории» на громадных просторах Евразии от Балтики до Тихого океана, от вершин Кавказского хребта до берегов Северного Ледовитого океана.

Проблема суверенитета национальных образований бывшего СССР, а затем и РФ, в том числе и Чечни, зависит, таким образом, не столько от наличия или отсутствия имперских амбиций Кремля, сколько от его, государства, географического расположения, технологического развития, природных ресурсов, военной силы и т.д. Геополитической самостоятельностью, экономической и военной автаркией обладают, как известно, немногие страны мира. Таким образом, страны бывшего СССР, не желающие получить геополитическую защищенность в составе, или, на худой конец, в блоке с Россией, будут вынуждены искать иные геополитические центры притяжения (ближайшие из них Турция, Иран, Китай, Германия пока не в состоянии в полной мере взять на себя подобную роль в силу целого ряда факторов, правда положение может измениться в течение ближайших 5-10 лет). Что говорить о Чечне, напрямую входящую в экономическую, энергетическую, транспортную, финансовую системы России.

Таким образом, ответив на главный вопрос с кем быть Чечне как не с Россией, следовало попытаться ответить на другой, не менее важный вопрос как, в какой форме и на каких условиях?

Между тем, российское руководство, после двух-трех попыток добиться соглашения с т.н. «президентом» Чечни Д. Дудаевым,

объявило к осени 1994 г. чеченские власти нелегитимными, а саму республику «криминальной зоной». Это соответствовало истине. Так же, как и то обстоятельство, что официальные круги России и некоторые олигархические и мафиозные группы страны активно использовали «чеченскую ситуацию» в своих интересах вплоть до поддержки Дудаева. В частности, для давления на Азербайджан и Грузию и для расхищения десятков млн. тонн нефти и оружия.

Преступный по сути и форме режим, утвердившийся в Чечне, охотно стал разменной картой в играх преступных групп не только России, но и других государств.

Д. Дудаев взял курс на безудержную криминализацию чеченского общества и его обнищание, надеясь «вымыть» из Чечни интеллектуальную часть, объективно ставшей оппозицией режиму. Это ему удалось. Правовое оформление отношений с Россией его очень мало заботило, т.к. он смело рассчитывал на силу тайных мафиозных соглашений.

В декабре 1994 г. и по август 1996 г. по Чечне прошла большая война. Она практически не была мотивирована какими-либо правовыми основаниями. Более того, она не считалась формальной войной, в зоне боевых действий не было введено даже чрезвычайного положения. Мирное население, не имевшее отношения ни к боевикам, ни к федеральным войскам, пострадало более всего: так, погибло до 7-8 тысяч российских солдат, 1,5 тыс. боевиков и, по разным оценкам от 60 до 100 тыс. мирных жителей (из них не менее 20 тысяч собственно русских — жителей г. Грозного).

В августе 1996 г. после сдачи Грозного боевикам, секретарь Совета Безопасности А. Лебедь подписал с командующим чеченскими боевиками А. Масхадовым Хасав-Юртовские соглашения. Главным их пунктом был т.н. «отложенный статус». Россия обязалась вывести войска из Чечни, строить взаимные отношения на основе международного права и отложить рассмотрение вопроса о статусе Чечни до 2001 г.

В мае 1997 г. вновь избранный президент Чечни А. Масхадов и президент РФ Б.Н. Ельцин подписали в Кремле Договор о мире и принципах взаимоотношений. В коротком тексте фигурировали словосочетания о прекращении «400-летнего противостояния» (!)

и о «международном праве». Целый ряд западных политологов, не говоря уж о чеченских политиках, расценили этот договор как «межгосударственный», как признание Россией независимости Чечни «де-факто».

Однако события осени 1999 г., связанные с агрессией нескольких тысяч боевиков (дагестанского, чеченского и арабского происхождения) с территории Чечни в Дагестан и с ответной операцией российских войск в Чечне («операцией», которая переросла в новую крупномасштабную войну) показали, что ни та, ни другая сторона не собирается в отношениях друг с другом руководствоваться нормами не только международного, но и собственного права, а также понятиями морали, чести, совести и тем более принципами гуманизма.

Все, что происходит в отношениях России и Чечни начиная с 1991 г. можно обозначить новомодным русским термином — **беспредел**. Главная задача на современном этапе развития российско-чеченских отношений заключается, на наш взгляд, в том, чтобы найти, а, найдя, руководствоваться определенными правовыми нормами, которые позволят сбалансировать интересы обеих сторон без обид и унижений. Ясно и другое: в результате двух войн Чечня вышла, раз и навсегда, из ряда типичных национальных субъектов РФ, ей обязательно понадобятся международные гарантии того, что правящие круги Чечни и РФ не будут больше иметь возможность устраивать здесь кровавые военные компании под очередные выборы или по заказу международных авантюристов.

Вопрос о правовом оформлении российско-чеченских отношений из сугубо теоретического и прикладного, давно уже перешел в область жизненно важного. От его правильного, разумного решения зависит судьба не только Чечни, но и всей Российской Федерации.

Немного истории

Процессы расслоения чеченского общества последнего десятилетия конца XX в., складывание партийных и корпоративных интересов было обусловлено не плавно протекающими «естественными» социально-экономическими

процессами, а бурными катастрофическими событиями, уложившимися в одно десятилетие — это перестройка, «чеченская революция», гражданская война и два масштабных русско-чеченских вооруженных конфликта (по существу войн). Поэтому, процесс определения внешнеполитической ориентации как всего чеченского общества, а так и отдельных слоев, его составляющих, на современном этапе остается сложным.

В 70-80-е гг. — «эпоху развитого социализма в СССР», когда были заметно нивелированы национальные особенности, целый ряд обстоятельств выводили чеченский народ из стройной шеренги социалистических наций. Главными из них были невероятная безработица (до 50% трудоспособного населения), низкий уровень образования и поражающий воображение демографический состав (самая «молодая» нация в СССР), а также подчеркнуто ограниченный допуск чеченцев в партийно-советские, хозяйственные, административные органы и в высшую школу и т.д.

Сравнительно малочисленная национальная интеллигенция и управленческие круги Чечни, признавая безусловные преимущества нахождения чеченцев и Чечни в составе России, обращали внимание на явления открытого этноцида и прямого геноцида в прошлом и большевизма, и полагали, что большая экономическая и политическая самостоятельность республики даст чеченскому народу благоприятные условия для реализации своего потенциала.

Вместе с тем, необходимо признать, что именно за годы советской власти произошла такая модернизация чеченского общества, что к концу 80-х гг. именно чеченец в России стал символом предприимчивости, нового типа предпринимательства и т.д. Выросла и национальная культура как таковая, в Чечне сложились национальные писатели и поэты, ученые, художники и музыканты. Национальный театр стал одним из ведущих театральных учреждений России.

Как и на всем пространстве мусульманской части СССР, национальное самосознание в Чечне объективно формировалось интеллигенцией, старшим поколением и духовенством. Затем уже стали возникать движения, оперирующие передовыми лозунгами демократии, полной реализации собственных

национальных интересов, подъема национальной культуры и т.д. Хорошим тоном считалось утверждать, что новое национальное чеченское государство будет строиться как светское, демократическое, что оно станет цивилизованным членом нового Союза и мирового сообщества и т.п.

Следует отметить, что в этот период абсолютно отсутствовали в политической практике Чечни антироссийские лозунги. Россия и ее руководство воспринимались передовой частью чеченского общества как союзники в борьбе за преодоление «проклятого прошлого».

Однако, к великому сожалению, к 1991 г. Чечня оказалась в такой точке переплетения общероссийских, общественных и мировых политических интересов, что хрупкое равновесие в обществе рухнуло. Было сделано все, чтобы глубоко положительные национальные идеи были освоены массой в жестком конфронтационном варианте, в виде агрессивных установок. Численно слабая интеллигенция, управленческие слои были подавлены громогласной улицей, мятежной толпой.

К 1991 г., до начала «чеченской революции», из всех государственных образований бывшего СССР Чечено-Ингушская республика была в первом ряду тех автономий, которые имели самый высокий процент титульной нации. К 1991 г. в Чечено-Ингушетии проживало примерно 1 млн. 240 тыс. чел. Соответственно чеченцы составляли 700-800 тыс., русские около 250-280 тыс., ингуши 180-200 тыс. Затем шли ногайцы, армяне, кумыки, татары, евреи и другие национальные группы, насчитывающие от 10-15 тыс. до нескольких сот человек.

Как мы знаем национальные (скажем «прорусские») политические элиты Северного Кавказа сумели удержать власть везде, кроме Чечни, хотя скажем в Дагестане политические условия были куда хуже. Казалось, что наличие мононации механически должно было обеспечить стабильность. Даже в Ингушетии, в том же 1991 г., местные чиновники сумели через обширный депутатский корпус сдержать ситуацию и не позволить «улице» прийти к власти. Почему в Чечне не произошло того же? Тому есть ряд объяснений. Одно из них заключается в том, что ввиду особенности политики Москвы в

Чечне в советскую эпоху, здесь так и не смогла сформироваться местная полноценная управленческая элита.

Горбачевская перестройка отпустила очень мало времени, чтобы национальная элита Чечни смогла в достаточной степени укрепиться.

В августе 1991 г. произошел путч ГКЧП, а в сентябре 1991 г. рухнули легитимные органы власти Чечено-Ингушской республики под напором оппозиционных сил, во главе с генерал-майором запаса Советской Армии Д. Дудаевым. Небольшой слой опытных управленцев, ученых и творческих работников из чеченцев, пытавшихся заполнить вакуум власти в Чечне после «ухода» русских и падения коммунистического строя, был легко сметен громогласной улицей. Пришедшие в Грозном к власти маргиналы занимали крайне экстремистские позиции, и поэтому активно вытесняли не только русских, но и умеренных чеченцев — вначале из кабинетов, а затем и из республики.

В 1992-1993 гг. из республики уходили предприниматели, так как власть во главе с Д. Дудаевым однозначно давала понять, что она намерена заниматься не экономикой и улучшением положения общества, а исключительно «борьбой за свободу и независимость». В 1993-1994 гг. из Чечни тронулись управленцы, ученые, врачи, технические специалисты и политики демократического толка (потерпевшие поражение в состязании за власть с режимом Д. Дудаева). Появились первые чеченские политические эмигранты, люди преследуемые репрессивными органами Чечни за свои политические убеждения, за участие в митингах, демонстрациях и т.д.

Но именно в 1992-1994 гг. в самой среде чеченского народа сформировалась неформальная, а вызванная самой жизнью российская политическая ориентация, это был также выбор между цивилизованным путем развития и гангстерским вариантом. Режим Дудаева оказался настолько враждебным народу, что он, спокойно наблюдавший было два года за состязанием политических групп, резко качнулся к оппозиции. Начиная с июня 1993 г. — со времени расстрела демократической оппозиции Чечни (преданной, кстати, российским руководством) — начались первые бои, перешедшие к лету 1994 г. в гражданскую войну. В ходе нее режим Дудаева совершил 11

экспедиций на чеченские аулы, по большей части завершившихся разгромом боевиков. Было убито с обеих сторон до 700 человек, ранено свыше полутора тысяч.

Да, действительно, демократическая оппозиция, поддержанная, кстати, чеченским духовенством, получала помощь от некоторых властных групп России, но и дудаевцы также получали помощь от других властных групп РФ вплоть до современного оружия. В ноябре-декабре 1994 г. гражданская война переросла в полномасштабную российско-чеченскую войну.

Действия российской армии отшатнули передовую часть чеченского общества, надеявшуюся вначале на восстановление законности и порядка.

К августу 1996 г. победила в Кремле та властная группа, которая ставила на поражение российской армии и пророссийских сил в Чечне. К власти в Чечне пришли силы вооруженного сопротивления, руководители которых заключили с Россией известное Хасав-Юртовское соглашение. В январе 1997 г. в Чечне прошли выборы, победу на которых одержал А. Масхадов.

Симптоматично, что голосовало не менее 80% от числа избирателей, из которых 7% получил З. Яндарбиев, 20% Ш. Басаев и до 67% А. Масхадов. Люди здесь голосовали не столько за человека, а столько за направление его политики направленной на заключение мира с Россией и развитие с ней тесных экономических связей. Считалось, что А. Масхадов наиболее реалистичный и наиболее влиятельный из полевых командиров. Но, тем не менее, любопытно отметить, что почти четверть избирателей проголосовала за национально-радикальных лидеров. В свое время, в октябре 1991 г. участие в т.н. президентских выборах в Чечне, объявленных незаконными как оппозицией, так и Верховным Советом РФ, приняло участие около 15% избирателей. Из этого числа, за Дудаева было подано только 20% голосов, поэтому выборы «вождям революции» пришлось сфальсифицировать. За того же З. Яндарбиева на парламентских выборах 1991 г., баллотировавшегося депутатом, было подано 5 голосов.

В вопросе политической стратификации чеченского общества последнего десятилетия XX в. наиболее интересным для изучения остается 1997 год. Так, президентской комиссией А. Масхадова было установлено, что число людей, активно поддерживающих режим (на митингах, в ополчениях и в других акциях), согласно поданным заявлениям, составляет в Чечне около 50 тыс. человек (из общего числа населения 800-900 тыс.). Из этих 50 тыс. свыше 4 тыс. приняло участие в боевых действиях одномоментно (один выстрел, один бой) или от начала до конца. Погибших оказалось около 2 тыс. чел. (непосредственно в боях).

Таким образом, из 500-600 тыс. взрослых чеченцев только 1/10 признали себя официально врагами России, еще 1/10 составляла т.н. «этактичная» часть населения послушная любому режиму в любом обществе. За их минусом все остальные совершеннолетние чеченцы (около 400-500 тыс. чел.) имманентно находились в идейной оппозиции к режиму. Это была интеллигенция, мелкие и средние предприниматели, студенты, рабочие и крестьяне, жившие трудом своих рук, пенсионеры и т.д.

Надо отметить, что военная группировка, захватившая власть в Чечне, прекрасно осознавала свою чуждость народу и потому предприняла целый ряд мер, направленных на вытеснение оппозиционной части населения из Чечни. Это и «Закон о люстрации», отнявший работу у тысяч людей, это работоторговля собственными подданными (до 2 тыс. чеченцев прошло ужасы заложничества), это массовые грабежи и убийства населения, это нагнетание военного психоза, это разрушение системы образования и здравоохранения, это наркобизнес и т.д.

Кроме того, ненависть режима к чеченскому народу и гражданскому обществу имела, как и при Дудаеве, выраженную экономическую подоплеку: Масхадов и полевые командиры тотально расхищали достояние всего народа — нефть и нефтепродукты.

Новая элита проявила себя блестяще только в двух направлениях: разрушении общества и расхищении остатков национального достояния и без того разоренной войной страны.

В течении последних двух «мирных» лет огромное число низовых боевиков приватизировало нефтескважины, трубопроводы и перевело переработку нефти на свои мини-заводы. Бензин и солярка частично реализовывались в республике, а большей частью вывозилась в Дагестан и на юг России. Причем, благодаря этим доходам спасались от голода тысячи семей, но в тоже время на них держались десятки групп боевиков, сорганизовавшихся в отряды еще во время первой чеченской войны.

Хищническая добыча и переработка нефти привела к огромному урону для природы республики и здоровью населения. Наблюдается семикратный рост детской смертности, 10-кратное увеличение онкологических заболеваний, стремительно растет число болеющих туберкулезом. Чеченская Республика за короткий срок стала зоной экологического бедствия. Зона эта постепенно распространяется на окружающие республики и края Российской Федерации.

Вследствие катастрофического разрушения промышленного производства и организованного сельского хозяйства в Чечне, для сотен тысяч людей оказалась утраченной сама возможность участия в индустриальном труде, не говоря уже о получении средств для жизнепроизводства. Люди вынуждены были искать возможность законного заработка в автомастерских, в розничной торговле бензином на улицах и дорогах, в мелочной торговле и т.д., но ввиду низкой покупательной способности населения указанные сферы деятельности приносили весьма скромный доход. Еще хуже стало положение сельского населения: оно спасалось главным образом мукой и овощами с личного огорода. Тысячи людей забыли вкус чая и сахара. Гуманитарная помощь не поступала со времени убийства боевиками шестерых медиков Красного Креста в с. Малые Атаги.

Положение молодого поколения Чечни характеризовалось как унижительное. Сотни юношей и девушек не посещали занятия в вузах и школах из-за отсутствия приличной одежды и карманных денег на проезд в транспорте. Зато «ваххабитские» эмиссары предлагали им сразу сотни долларов, оружие, машины, а главное власть. Остается только удивляться, что по всей Чечне в вооруженные отряды «ваххабитов» пошло не более трех тысяч

молодых людей. Правление боевиков лишило молодежь каких-либо надежд, отсюда и бурный рост наркомании и преступности.

Врачи, учителя, работники вузов, технические и гуманитарные специалисты успели уже давно проесть все накопления прежних лет и влачили жалкое существование. Хуже того, именно они находились под наблюдением карательных органов режима и идеологов «ваххабизма», так как считались источниками смуты, неповиновения и прорусских настроений.

Однако самое страшное заключается не в том, что за 8-9 последних лет в Чечне методично уничтожалось все то, что хотя бы напоминало современное производство, чем Чечня раньше была буквально насыщена. Самое страшное заключается в том, что за эти годы было искалечено чеченское общество как таковое через деформацию традиционных национальных основ, через уничтожение малейшей возможности развития национальной культуры. Традиционное уважение к представителям других наций, сопряженное с обычаем гостеприимства, также вымывалось из общественного сознания.

Больно ударило по Чечне то обстоятельство, что значительная часть русского населения в том же Грозном было по существу лишена бандитами домов и квартир, а зачастую и жизни. При этом законный президент А. Масхадов и его органы власти продемонстрировали полное бессилие, по той еще причине, что в роли бандитов выступали те же боевики, их сотоварищи по войне. Единственными защитниками русских оказались их чеченские соседи, немало есть случаев, когда они гибли, спасая своих соседей от рук бандитов.

В чеченском обществе стали возможными такие явления, которые потрясают воображение — это массовые кражи людей и торговля ими, это открытая наркоторговля, пропаганда антисемитизма, русофобии и противопоставление людей по религиозному признаку.

Высокая смертность, безработица, голод, а зимой и холод, политическое и гражданское бесправие, социальная апатия, наркомания и преступность стали основными составляющими в жизни чеченского общества. Не имея никаких возможностей для организованного гражданского противодействия, а тем более силового сопротивления насилию со стороны так называемых

государственных органов, организованной преступности и ваххабитов, а также, не желая быть причастными к военным авантюрам генералов и эмиров, чеченцы избрали путь борьбы против режима «ногами».

Чеченцы массами покидали масхадовско-ваххабитскую Ичкерия именно в «мирные годы». Если в 1991-1994 гг. уезжали из чеченцев, главным образом бизнесмены и члены активной оппозиции режима, а массовый отъезд был характерен для русских, евреев и армян, то в ходе первой чеченской войны ее покинули уже десятки тысяч чеченцев. Но массовое бегство чеченцев пришлось на послевоенные годы, счет пошел на сотни тысяч переселенцев. Если в 1994 г. численность чеченцев составляла в республике не менее 850 тыс., то на начало второй войны всего 600 тыс. человек (по другим данным даже 400 тыс.), причем желающих выехать среди оставшихся было до 90%, единственное что их сдерживало было элементарное безденежье.

Военно-политический (правлящий) слой Чечни доказал свою полную отчужденность от народа, свою враждебность национальным устоям. Он же продемонстрировал свою ненависть к людям труда, культуры и интеллигенции. Тем самым в Чечне потерял актуальность тезис о суверенитете, и жизненное значение приобрел тезис о физическом выживании чеченского народа. В данном случае именно чеченский народ стал объективно союзником России в республике.

За три «мирных» года из Чеченской Республики уехало около 100-120 тыс. русских, 300-350 тыс. чеченцев, 20 тыс. ингушей и др.

До начала второй «чеченской» войны в российских регионах наряду со «старыми» переселенцами рассредоточилось до полумиллиона чеченцев. Причем самая активная и дееспособная часть находится в Москве и Московской области (80-100 тыс.).

Вторая чеченская война быстро развеяла надежды лояльных граждан Чечни на то, что российские вооруженные силы имеют целью защитить их интересы. Хотя на первом этапе рядовые чеченцы, имеющие счеты к режиму Дудаева, были готовы вступать в отряды милиции Б. Гантемирова (он рассчитывал поставить под ружье 8 тыс. чел.), но получил оружие только на 800 человек.

Тотальные бомбардировки населенных пунктов, артобстрелы, отключение газа и электроэнергии, массовые убийства военнослужащими мирных граждан вызвали новую волну бегства населения. Осенью 1999 г. свыше 200 тыс. чеченцев оказались в Ингушетии, около 50 тыс. смогло прорваться в другие регионы России, около 6 тыс. ушло горными тропами в Грузию. Таким образом численность населения в Чечне на сегодня составляет 400-500 тыс. чел. (из них около 30 тыс. русские, 10 тыс. ногайцы, 10 тыс. кумыков и по несколько тысяч аварцев и ингушей). Отметим, что общая численность чеченцев на постсоветском пространстве составляет ныне 1,6-1,7 млн. человек.

Активная фаза военных действий на территории Чечни, протекавшая примерно с октября 1999 г. по март-апрель 2000 г., закончилась не только разгромом основных соединений боевиков, но и падением первоначально серьезного доверия к армии. Военными были проигнорированы все основные положения не только Конституции РФ, но и международного права.

В чеченском обществе доминирующим становится убеждение, что российская армия имеет целью не войну с боевиками, а оказание давления, вплоть до убийств, на мирное население с целью очистить Чечню от чеченцев. С другой стороны, руководители «ваххабитов» и Масхадов неоднократно объявляли смертные приговоры всем сторонникам России. В Чечне, в августе-сентябре 2000 г., были убиты десятки гражданских лиц, работающих в гражданской администрации Чечни. Происходит своеобразное соревнование между военными и боевиками. Так в с. Старые Атаги 7-14 сентября 2000 г. было найдено 6 убитых атагинцев, задержанных во время зачисток, а в ночь с 16 на 17 сентября «ваххабиты» также убили 6 человек, публично выступивших против их попыток «реформировать» ислам.

Выплата пенсий в Чечне (примерно 180 тыс. чел.), образование рабочих мест, возобновление работы школ и больниц не укрепляют пророссийскую ориентацию из-за того, что не обеспечено право на главное — жизнь и личную свободу. Но в то же время не происходит заметного ухода мужчин к

боевикам, т.к. на их взгляд там нет «честных» полевых командиров.

Чечня на распутье. Чеченцы, живущие в России, только-только начинают структурироваться в организации по политической защите своих интересов. В этом плане многозначителен факт избрания депутатом Госдумы от Чечни москвича А. Аслаханова. Другое важное обстоятельство заключается в том, что собственно чеченский народ, его лидеры, партии и движения с приоритетом общественных и национальных интересов в своих программах, никому не интересны. Ни в России, ни в мире. По той вероятной причине, что они говорят о чеченских интересах.

В заключение хотелось бы остановиться на двух обстоятельствах — одним из страшных последствий правления дудаевых, масхадовых и двух чеченских войн является формирование и в России, и в мире в целом, отрицательного образа чеченца. Это, конечно, попытка вытолкнуть чеченский народ из цивилизованного сообщества, лишить его права самому решать свою судьбу, превратить его в «пушечное мясо», которое без угрызений совести можно швырять в горнило локальных войн для решения геополитических задач. Россия на сегодня сама по себе в сложном положении, нет к примеру должного уровня управляемости. Приказы Президента не выполняются, или исполнение затягивается. При таком низком уровне функционирования государственных органов и при таком же состоянии армии руководство РФ не имело, конечно, права начинать войну, да еще на своей территории. Начать ее Россия еще смогла, а вот закончить не может. Поэтому критика Запада политики России в Чечне во многом справедлива, но безадресна и неконструктивна. Надо было выходить на конкретные обвинения определенных лиц в российской армии и руководстве, а также целых государственных институтов (армия, МВД, прокуратура, Министерство юстиции), и олигархических корпораций (начиная с Б. Березовского).

Как это ни парадоксально, чеченскому обществу есть основание рассчитывать на федеральную власть в России — Президента, Думу и Правительство. Президенту абсолютно невыгодно то, что творит армия в Чечне, он предпринимает

усилия преодолеть ситуацию, берет на себя обязательства заниматься вопросами восстановления и дальнейшего развития Чечни, а также гарантировать внутреннюю стабильность и законность. Только в том случае, если какая-либо страна или группа стран мирового сообщества возьмет на себя подобные обязательства, чеченское общество подумает о выборе иной ориентации. Пока признается реальное существование Чечни в границах РФ и необходимость интеграции в общую государственность, даже вопреки стихийно сложившейся практике «выталкивания» Чечни и ее народа из России (как государства, так и «цивилизации»).

ИСЛАМ И ПОЛИТИКА (на примере Чечни)

Модернизационные процессы в России способствовали транс-формации духовных и религиозных ценностей этнических общностей. Отразились они и на состояние ислама, который, начиная с конца 80-х годов XX столетия, претерпевает в стране бурный подъем. Процесс возрождения российского ислама сопровождался как позитивными, так негативными тенденциями. При этом восстанавливались старые мечети, строились новые, создавались исламские школы и вузы, широко изучалась религиозная догматика, издавалась соответствующая литература, расширялись контакты мусульман с зарубежными собратьями по вере, центрами арабомусульманской культуры.

В то же самое время в России, регионах Северного Кавказа возникают религиозно-политические партии и движения, преследовавшие радикальные цели вплоть до изменения политической системы, духовно-культурной идентичности российских мусульман путем насильственного внедрения нетрадиционных религиозно-политических, этнокультурных ценностей. Здесь не последнюю роль играли международные исламские организации, зарегистрированные как в Москве, так и в других городах страны, финансово и идеологически поддерживавшие новые мусульманские религиозно-политические организации.

На Северном Кавказе такие религиозно-политические организации, как Исламская партия возрождения, Исламский джамаат Дагестана, ваххабитские группы в Чечне, входившие в состав Конгресса народов Ичкерии и Дагестана, вынашивали проект «исламизации» всего Кавказа и даже предприняли попытку создания исламского государства в Чечне и Дагестане. Сказанное позволяет признать, что исламский ревивализм — явление

неоднозначное, противоречивое, в нем сталкиваются локальный религиозный традиционализм и религиозное «новаторство», часто сопряженное с радикализмом. Наиболее выпукло это столкновение проявилось в конфликте, возникшем между последователями традиционного ислама и «ваххабизма»^{xxxiii} в Дагестане и Чечне. Сам факт появления, а затем активного распространения ваххабизма на Северном Кавказе, обусловлен прежде всего трудностями в социально-экономических преобразованиях, происходивших в стране, приведшие к радикальному обнищанию людей, духовно-идеологическому вакууму, коррупцией в органах власти.

В условиях трансформации советской экономики значительная часть молодежи, в том числе на Северном Кавказе, оказалась вытеснена на периферию социального бытия. Безработная молодежь, часто индифферентная, в поисках своего места в обществе втягивалась в ваххабитские группы, что происходило не без финансовой и идеологической поддержки ряда зарубежных мусульманских организаций, перенесших центр тяжести своей «благотворительной» деятельности на Кавказ. С этими социально-политическими факторами связан успех исламского радикализма на Северном Кавказе во второй половине 90-х годов XX столетия.

Ваххабитские группы, возникшие в Дагестане и Чечне, с некоторыми оговорками, можно признать в качестве протестных религиозных организаций. Первоначально их деятельность имела просветительский характер, и свой критический заряд они нацеливали против местных коррупционеров и связанного с ними официального духовенства, что привлекало в их ряды недовольных властью верующих. Критические стрелы ваххабитов были нацелены против традиционного духовенства Северного Кавказа, которое обвинялось в невежестве, искажении ислама, тесной связи с коррумпированной властью.

В последующем дагестанские и чеченские религиозные «новаторы» при попустительстве местных органов власти и федерального центра предпринимают попытки

установления религиозной власти, осуществления далеко идущих политических целей, что явилось одной из причин очередной трагедии чеченского народа.

1. Традиционный ислам в духовной и общественной жизни чеченцев

Традиционный ислам^{xxxiv} в Чечне имеет некоторые отличительные особенности, обуславливающие специфику духовной и общественной жизни чеченского народа. Бытующий в Чечне ислам, и не только в Чечне, но и в Дагестане, Ингушетии, имеет форму суфизма. Преобладающее большинство мусульман Дагестана, Чечни, Ингушетии, равно и мусульмане других регионов Северного Кавказа, относятся к суннитскому направлению в исламе. Поэтому нельзя согласиться с утверждением, что мусульмане Северного Кавказа являются **шиитами**. На Северном Кавказе суннитский ислам представлен шафиитским и ханифитским толками (мазхабами). Шафиитский мазхаб главным образом распространен в Дагестане, Чечне и Ингушетии, а мазхаб ханифитский среди кумыков, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, адыгейцев, черкесов, ногайцев. Среди чеченцев вообще неизвестны случаи принадлежности к шиизму, а в Дагестане шииты составляют значительное меньшинство в сравнении с суннитами. Нет шиитов и среди других этнических мусульман Северного Кавказа.

Суфийский ислам у чеченцев представлен двумя тарикатами: накшбандийа и кадирийа. В свою очередь эти тарикаты делятся на более мелкие религиозные группы — вирдовые братства, общее количество которых достигает тридцати двух. Представители суфийских братств, строго придерживаются основополагающих положений классического ислама, и вместе с тем — культа святых, шейхов и устазов. Они почитают зачинателей тарикатов или вирдовых братств (в своих зикрах, наряду с именами Бога, пророка, упоминают имена святых), посещают их зияраты (места захоронения). Особенно учащается посещение зияратов в период священного для мусульман

месяца рамадан. Среди последователей вирдовых братств часто бытуют различные предания о чудесах, якобы совершенных основателями тарикатов и вирдов. И они передаются от поколения к поколению, формируя у членов суфийских братств, специфическое мировоззрение, которое, с точки зрения ваххабитов, не соответствует подлинному исламу.

Самым многочисленным суфийским братством в Чечне являются последователи чеченского шейха Кунта-Хаджи Кишиева, возникшее в конце Кавказской войны, то есть в 50-х годах XIX века, получившее название «зикристов». Шейх Кунта-Хаджи был арестован царскими чиновниками, и сослан в г. Устюжна Вологодской области^{xxxv}. Хотя он в своих проповедях призывал мусульман Чечни к миру, проповедовал ненасилие, считал ошибочной газаватскую идеологию Шамиля, выступал за прекращение чеченцами войны с Россией, мотивируя это тем, что продолжение войны может привести к их физическому исчезновению. Кроме кунтахаджинцев к зикристам относятся последователи ряда более мелких братств (вирдов), отпочковавшихся от них. Это вирдовые братства: Бамат-Гирей-Хаджи, Чиммирзы, Мани-шейха. К зикристам относится и последователи вирда Батал-Хаджи, большинство из которых локализуется в Ингушетии. Роль суфийских братств в духовной и политической жизни чеченцев, всегда оставалась весомой, с их участием проходят все религиозные праздники, похороны, примирение кровников. В прошлом, в частности в XIX веке, последователи суфизма во главе со своими лидерами восставали против царизма, а в 20-30 годах XX века их восстания имели антисоветскую направленность.

Между последователями тариката кадирийа и накшбендийа существуют некоторые ритуальные различия. Так, последователи кадирийа в Чечне исполняют сакральный ритуал зикр (помяновение имени Аллаха) громко, подпрыгивая на месте или бегая по кругу, при этом некоторыми из них используются ряд музыкальных инструментов (ж1ирг1а — барабан; шедаг — флейта;

ладхьокху пондар — двухструнная скрипка). Сторонники же накшбандийа исполняют зикр тихо, без энергичных телодвижений и обходятся без музыкальных инструментов. С нашей точки зрения, по своим духовным основаниям накшбандийа и кадирийа принципиально не отличаются, их различия кроются во внешних атрибутах: в форме исполнения зикра, деталях произносимой молитвы, одежде, формах посвящения в тарикат, принятии обряда (ахд), головном уборе, одеянии и в ряде других, на первый взгляд, незначительных деталях.

На почве влияния на верующих, религиозных споров между последователями накшбандийа и кадирийа в прошлом возникали трения, противоречия. Ряд архивных документов показывает, что в результате политики «разделяй и властвуй», которая осуществлялась царской властью, а в годы советской власти — чекистами и партийными органами эти отношения часто доводились до вражды. Так, на заре советской власти ОГПУ удалось посеять вражду не только между накшбандийцами и кадирийцами, но и между кунтахаджинцами и последователями шейха Баммат-Гирей-Хаджи Митаева^{xxxvi}, а также его сына Али Митаева^{xxxvii}.

Так сложилось, что в годы советской власти наиболее влиятельными в духовной и политической жизни чеченцев становятся последователи накшбандийа, прежде всего вирда шейха Дени Арсанова. Представители или сторонники этого суфийского братства занимали достаточно высокие и «доходные» должности в Чечено-Ингушской АССР. Но в период «чеченской революции» и президентства Д. Дудаева они были оттеснены на периферию общественной жизни и даже подвергались преследованию. Значительная часть накшбандийцев составила ядро антидудаевской оппозиции. Лидер этого суфийского братства Ильяс Арсанов, столкнувшись непосредственно с политическим радикализмом Д. Дудаева, произнес фразу, примерный перевод которого на русский язык означает: «С появлением Д. Дудаева в Чечено-Ингушетии масштабы зла значительно

увеличились». В свою очередь «яндарбиевская пропаганда» изображала духовных противников «новой чеченской власти» врагами народа, агентами Москвы, русских спецслужб. Определенная часть зикристов составила социальную базу режима Д. Дудаева, что приводило к усилению их влияния на политической сцене Чечни. Со временем многие из них отходят от Дудаева, а летом и осенью 1994 года он фактически лишается своей первоначальной социальной базы.

В целом традиционное чеченское духовенство, сложившееся в годы советской власти, не поддерживало «чеченскую революцию», усматривая в ней серьезную опасность не только для своего общественного статуса, но и для существования всего чеченского народа. Оно не поддержало и «яндарбиевско-масхадовскую» исламизацию Чечни в ее ваххабитской упаковке. Традиционный ислам выступил в качестве сдерживающего фактора и своего рода препятствием на пути распространения ваххабизма в Чечне. Проповедники «чистого ислама», коими себя считают ваххабиты, видели в последователях традиционного ислама своих основных политических противников. Имея влияние на Масхадова, пользуясь поддержкой Яндарбиева, Басаева, Удугова, ваххабиты полностью нейтрализовали участие официального духовенства в религиозно-политических процессах Чечни в 1996-1999 годах. При этом известные и уважаемые среди чеченского народа представители официального духовенства подвергались дискредитации, обвинялись в просоветских и пророссийских настроениях. Только муфтий А.-Х. Кадыров, избранный в 1995 году на эту должность по протекции самого Д. Дудаева, все эти годы оставался главным противником ваххабизации Чечни. Несмотря на периодические покушения, совершаемые против него и его близких родственников, он продолжал открыто выступать против ваххабизма. В деяниях ваххабитов он видел большую опасность для чеченского общества, отмечал их раскольническую деятельность среди мусульман, призывал А. Масхадова прекратить поддержку ваххабитов^{xxxviii}. По

инициативе Кадырова в Грозном был созван съезд мусульманского духовенства Северного Кавказа, на котором ваххабиты обвинялись в раскольничестве, экстремизме, стремлении к захвату власти. Официальное духовенство призывало органы власти республик Северного Кавказа «объявить ваххабизм вне закона». На съезде был учрежден Координационный центр мусульман Северного Кавказа, призванный «решать задачи миротворческого характера, сохранения стабильности в регионе и сдерживать распространение ваххабизма»^{xxxix}.

После ваххабитского разгрома в Гудермесе позиция А. Масхадова в отношении ваххабитов подверглась эволюции. Если раньше он заявлял о необходимости единения всех мусульман, то теперь он призывал население Чечни изгонять ваххабитов из населенных пунктов. Отправив в отставку возглавляемое им кабинет министров, Масхадов освободился от министров-ваххабитов — И. Халимова, М. Удугова, А.-В. Хусаинова и ваххабитского лоббиста Ш. Басаева, а позже и председателя Верховного Шариатского Суда, ваххабита Ш. Батукаева. В общественном мнении чеченцев антиваххабитские действия Масхадова получили поддержку.

2. Стратегия ваххабитов

До сих пор не стала предметом пристального анализа стратегия ваххабитов в Чечне, хотя об их деятельности на Северном Кавказе написано немало. Однако более или менее полное изложение программных задач и соответствующих деяний «северокавказского ваххабизма»^{xl} практически невозможно найти. В данном разделе статьи нами отчасти восполняется этот недостаток.

Появление последователей ваххабизма в Чечне отмечено в начале 90-х годов, а в Дагестане это происходит значительно раньше, а точнее в 70-х годах XX столетия. В 1989 году сотрудники управления по делам религии при Совете Министров Чечено-Ингушской АССР относили Адама Дениева, именуемого «Адамом-халифом», к ваххабитам. Но в тот период сам Дениев решительно

отрицал свою причастность к ваххабитам.

В Чечне о ваххабитах заговорили только в ходе первой войны, в связи с их военными успехами, а также, когда они в 1995 году предприняли попытку ликвидировать на горе Эртин-Корт зиярат Хеди, матери Кунта-Хаджи — сакральный центр полоничества зикристов. На этой почве возникает конфликт между зикристами и ваххабитами, который при участии религиозных авторитетов, полевых командиров был приглушен. Но это вовсе не означало, что ваххабиты отказались от борьбы с «мусульманским язычеством» в Чечне, к которому они относят последователей суфизма. В этом отношении примечательна мысль Фатхи Шашани^{xii}, одного из активных распространителей ваххабизма в Чечни. Зимой 1995 года в одном из горных чеченских селений Фатхи в узком кругу своих единомышленников заявил, что, как только окончится войны в Чечне с русскими, то представители «чистого ислама» начнут войну против зикристов.

Ваххабизм, имея относительный успех в Дагестане и более ощутимый — в Чечне, столкнулся с сопротивлением местных мусульман, приверженцев суфизма. С победой чеченских боевиков в 1996 году происходит резкое усиление в Чечне позиций ваххабизма. Что не могло произойти без заинтересованной поддержки сначала З. Яндарбиева, а затем А. Масхадова. Одновременно ваххабиты пользовались поддержкой Басаева, Арсанова, Удугова. Выполняя роль идеологического рупора ваххабизма в Чечне, он через чеченские и российские СМИ регулярно озвучивал некоторые идеи религиозных радикалов как-то: необходимости создания исламской нации, кавказского халифата, установления исламского порядка, исламизации мира (которая, с его точки зрения, должна была начаться именно с Чечни) и пр.

Как реализацию ваххабитского проекта следует рассматривать факт демонтажа светских судов и создание судов шариатских в Чечне. Вследствие этого в Чечне вся судебная система стала функционировать на основе шариата, выносились соответствующие меры наказания

виновных, в числе которых были смертные казни, палочные удары, штрафы и пр. По объяснению ваххабитов, переход к шариатскому судопроизводству им был нужен, чтобы покончить послевоенной преступностью в Чечне. Но на самом-то деле многочисленные факты показывают, что к совершаемым в Чечне преступлениям имели непосредственное отношение и некоторые представители ваххабизма (или же маскирующиеся под ваххабизм). Традиционное чеченское духовенство, придерживающееся в своей деятельности местных суфийских ценностей, противостояло идеологии и практике ваххабизма. На этой почве между ваххабизмом и суфийским исламом зрел конфликт.

Столкновения между ваххабитами и тарикатистами в Дагестане происходят раньше, чем в Чечне и нередко они завершались кровопролитием, и гибелью конфликтующих верующих. Распространение ваххабизма в Дагестане связано с деятельностью аварца Багауддина Кебедова из селения Сантлада Цумадинского района, получившего хорошую духовную подготовку, по признанию одного из моих информаторов, в г. Джидда Саудовской Аравии. Изгнанные из Дагестана правоохрательными органами ваххабиты во главе со своим лидером Багауддином Кебедовым переселяются в Чечню. Кебедов, пользовавшийся покровительством З. Яндарбиева, в г. Гудермесе создает ваххабитский центр, и начинает реализовывать в Чечне, провалившийся в Дагестане, проект «ваххабизации» мусульман Северного Кавказа. А тем временем в Дагестане, в кадарской зоне, возник и действовал до августа 1999 года «шариатский анклав», на территории которого перестали действовать российские законы. Эта ситуация продолжалась несколько лет при бездействии местных органов власти и федерального центра.

14 июня 1998 года между ваххабитами Кебедова и боевиками С. Ямадаева возникает конфликт, переросший в крупное военное сражение, в котором погибли свыше 100 человек, значительное количество которых составили

ваххабиты. В Гудермесе позиции ваххабитов были серьезно поколеблены, хотя они постепенно стали укрепляться в Урус-Мартане, вовлекая в свои военно-религиозные структуры безработную молодежь. Урус-Мартан превращается в центр идеологической и военной подготовки ваххабитов. Руководителем ваххабитов в Урус-Мартане являлся некто эмир Абудурахман, выдававший своим подчиненным фетвы (разрешения) на похищение людей. Во-всяком случае, эту мысль высказывал по чеченскому телевидению А. Масхадов. Братья Ахмадовы из преступной группы А. Бараева, судя по некоторым источникам, в Урус-Мартане в подвале школы №7 держали похищенных, а затем и казненных трех англичан и одного новозеландца.

С осени 1998 года в Чечне формируется антимасхадовская исламская оппозиция, возглавленная Ш. Басаевым, в состав которой вошли ваххабиты, полевые командиры и освобожденные со своих должностей чиновники. Она стремилась лишить А. Масхадова власти, для чего широко применяла религиозно-политическую риторику. Против А. Масхадова выдвигались несколько обвинений: проведение в Чечне пророссийской политики, неспособность обуздать преступность, против создания в Чечне исламского государства, а потому не является мусульманином.

В конфликте между А. Масхадовым и исламской оппозицией чеченский народ поддерживал избранного им президента, видя в ваххабитах, Басаеве и его сторонниках — фактор дестабилизации политической ситуации. Масхадов, несмотря на все еще существующий в народе кредит доверия к нему, оказался совершенно не способен не только противостоять оппозиции, но и предотвратить провокационное вторжение дагестанских и чеченских исламистов в горный Дагестан.

Хаттаб и Басаев, не решившись на свержение А. Масхадова, вместе с дагестанской исламской оппозицией, возглавленной Багауддином Кебедовым, Магомедом Тагаевым, Сираждином Рамазановым, совершают

нападение на горный Дагестан. По их объяснению это было сделано, чтобы изгнать русские войска из Дагестана, свергнуть пророссийское дагестанское руководство, создать объединенное исламское государство Ичкерии и Дагестана.

По утверждению известного аварского поэта Адало Алиева, члена «басаевского конгресса народов Ичкерии и Дагестана», никакого нападения на горный Дагестан чеченцы не совершали. По его мнению, дагестанское правительство предложило Кебедову и его сторонникам (изгнанных из Дагестана) общей сложности до 1000 человек вернуться на родину в полном вооружении с тем, чтобы в последующем начать переговоры о перемирии. Вместо перемирия власть начала против них военные действия, окруженные и избиваемые ваххабиты вызвали на помощь из Чечни своих соратников во главе с Басаевым и Хаттабом. На основе многочисленных фактов, которыми располагает автор, мы также считаем, что данное объяснение начала вторжения исламистов в горный Дагестан ближе к истине, чем многочисленные версии, бессовестно тиражируемые ангажированными СМИ.

3. Как началась провокация ваххабитов ?

Под давлением исламской оппозиции, состоявшейся в основном из ваххабитов, и возглавленной Басаевым, А. Масхадов в начале 1999 года издает указ о введении в Чечне «полного шариатского правления», перечеркивающий конституцию, на основе которой он избирался президентом. Но этот указ в Чечне никем не соблюдался и явился очередным предметом ироний и анекдотов народа. Даже чеченские женщины, которые в условиях массовой безработицы в разрушенной Чечне продолжали оставаться главным кормильцем семьи, торгуя на рынках, негативно высказывались в отношении этого указа. Женщины заявляли, что они готовы в соответствии с шариатом «сидеть дома с детьми», если Масхадов обеспечит их мужей оплачиваемой работой.

По замыслам ваххабитов, Чечня должна была превратиться в исламское государство, а секуляризированное советской властью чеченское общества — в общество религиозное. Вместе с тем преобладающее большинство чеченцев не воспринимало ваххабитские эксперименты и, не без основания, видело в них чуждую их этнокультурным традициям систему.

Масхадовский указ послужил основанием широкомасштабного политического наступления исламистов на светские органы власти. Верховный Шариатский суд ЧРИ приостанавливает деятельность парламента за то, что он признал его антиконституционным. «Решение» же неконституционного Верховного шариатского суда Масхадова вполне устроило. В Чечне к власти возвращаются некоторые ваххабиты. В частности, был назначен секретарем так называемого совета безопасности ЧРИ Ислам Халимов, ранее освобожденный с должности министра шариатской безопасности.

В день, когда Масхадов издал указ о шариатизации Чечни, Басаев заявил, что наконец-то «наш президент принял ислам, он отныне не является президентом, нам необходимо выбрать имама». Этим своим указом Масхадов фактически лишил себя защиты Конституции, на основе которой он избирался президентом. Тем самым, легитимность его власти была поколеблена. По-видимому, Масхадову, окруженному оппозицией, и испытывающему ее давление, было не до этих тонкостей. Пытаясь вырвать у оппозиции исламское знамя, он стал играть на чужом поле, где собственно и потерпел политическое поражение. Это, во-первых. А, во-вторых, он позволил исламской оппозиции спровоцировать Россию на очередную войну против Чечни.

Среди чеченцев сложилось крайне негативное восприятие ваххабизма; его последователи, не без основания, считаются повинными в возникновении второй войны в Чечне. Так, бывший муфтий, а ныне Глава Администрации Чеченской Республики Ахмад-Хаджи Кадыров в своем обращении к соотечественникам говорил,

что «ислам — религия мира», он «не признает насилия, осуждает все, что делается в ущерб мусульманам, призывает к верности в договорах. Напав на Дагестан, Басаев, Удугов и другие нарушили, ранее достигнутые мирные соглашения с Россией, принесли неисчислимые страдания проживающим здесь мусульманам»^{xlii}.

Вместе с тем, Кадыров не учитывает тот факт, что нападение на горный Дагестан совпало с углубленным кризисом власти в России, когда Ельцин и его окружение полностью истратили дефицит доверия российского общества, когда за рубежом воспламенялся скандал, связанный с темными делами «семьи». Война в Дагестане, а затем масштабные военные действия в Чечне явились спасительными кругами для «семьи» и привели на олимп политической власти в России мало известного «политика» В. Путина. Именно провокационный «поход» дагестанских и чеченских ваххабитов на горный Дагестан, возглавленный Басаевым и Хаттабом, детерминировали очередную войну в Чечне. Хотя известно, что «партия войны» в Москве задолго до этой хаттабо-басаевской провокации готовилась к реваншу за свое поражение в предыдущей войне в Чечне.

Развитие военных событий на территории Чечни, колоссальные разрушения, жестокое истребление военными мирного чеченского населения, преследование чеченцев в России, жалкое положение чеченских беженцев убеждают в том, что война в Чечне ведется не против террористов, а против самого народа. Так называемая контртеррористическая операция — объективно явилась войной против народа, цель которой значительно сократить численность чеченцев, уничтожить всю экономическую, социальную, культурную, экологическую среду его обитания, не допустить выхода Чечни из состава России и навсегда лишить его сепаратистских тенденций. Участие в этом процессе дагестанских и чеченских религиозно-политических радикалов у нас не вызывает никакого сомнения.

4. Джихад и дискуссия вокруг него

С начала первой войны в Чечне дискутируется вопрос: является ли сопротивление чеченцев федеральным войскам газаватом? Наиболее авторитетные представители традиционного духовенства сопротивление чеченцев не признали газаватом. Ваххабиты придерживались противоположной точки зрения, они даже заручились письменным подтверждением, полученным от какого-то религиозного авторитета из Саудовской Аравии. Двойственную позицию по этому вопросу занял бывший дудаевский муфтий Х. Алсабеков. Под давлением Д. Дудаева он заявил, что сопротивление российским войскам является газаватом, и призвал всех чеченских мусульман взяться за оружие. Оказавшись в селении Знаменское, среди антидудаевской оппозиции он отрицает сказанное. Подобная интерпретация газавата для Алсабекова обернулась наказанием по шариату. 20 августа 1996 года над ним состоялся шариатский суд, приговоривший его к 80 палочным ударам. И наказание это было исполнено.

В борьбе против своих оппонентов ваххабиты развернули настоящий террор. После первой войны в Чечне последователем ваххабизма был убит 75-летний имам центральной мечети Грозного Х. Яхьяев, последователь накшбендия. Убийца, которого удалось схватить, признался, что убил имама мечети за его антиваххабитские высказывания. В Чечне дело доходило до того, что ваххабиты стали вмешиваться в систему светского образования. Осенью 1998 года ваххабиты в Заводском шариатском суде приняли решение, запрещающее преподавание философии в Грозненском нефтяном институте, мотивируя свое решение тем, что студентов вынуждают изучать атеистические труды классиков марксизма. Только вмешательство А. Масхадова, заявившего на чеченском языке, что запрет преподавания философии «равноценно удалению ума из головы», позволило возобновить преподавание этой дисциплины.

16 июня этого года, ночью, во время сна, в Урус-Мартане был убит 75-летний имам Алхан-юртовской мечети Умар Идрисов, последователь накшбендия. Этот авторитетный

религиозный деятель публично заявлял, что сопротивление чеченцев не является газаватом, а потому гибнущие в ходе очередной войны боевики не мог быть «шахидами». Высказывается предположение, что убийство этого религиозного деятеля — дело рук ваххабитов.

Нынешнюю войну не считает газаватом и бывший дудаевско-масхадовский муфтий, а ныне глава Администрации Чеченской Республики А.-Х. Кадыров, хотя в ходе первой войны он решительно призывал чеченцев на газават против российских войск. Вопрос о газавате становится предметом обсуждения и далеко за пределами Чечни. Так, представители ряда зарубежных исламистских организаций, сопротивление воюющих чеченцев считают газаватом, хотя ни один представитель официального духовенства мусульманских государств это и не подтвердил.

Для ваххабитов существует только одна форма джихада, а именно религиозная война (газават) во имя веры, принятая называть «малым джихадом». Такую интерпретацию джихада часто проповедовалась в проповедях вахабитов по удуговскому каналу «Кавказ» чеченского телевидения с 1996-1999 годы. Ваххабитские идеологи отрицали «большой джихад» или «высший джихад», означающий усилия (трудности) на пути духовного и нравственного самосовершенствования в соответствии с исламом.

Между тем о делении джихада на большой и малый, признают авторитетные мусульманские ученые. Так, Абдуллахи Ахмед ан-Наими утверждает, что «и в Коране, и в Сунне слово джихад используется в более широком смысле любого напряжения или усилия, иногда вне какой-либо связи с применением силы»^{xliii}. Далее он признает, что «хорошо известно высказывание Пророка в Сунне о том, что применение силы в сражении есть малый джихад, а усилия мирного индивидуального исполнения требований ислама — большой или высший джихад»^{xliv}. Интересно высказывание этого ученого, отмечающего, что Пророк Мухаммад «называл наилучшей формой джихада правдивую речь в лицо жесткому правителю»^{xlv}.

Другой мусульманский ученый Хайдар Баш считает, что «джихад — вид поклонения (ибадат) Аллаху, который полон трудностей и испытаний»^{xlvi}. С его точки зрения, «большой джихад — это джихад против нафса и шайтана, которые, подрывая спокойствие и стабильность внутри человека, ведут его к вечной гибели»^{xlvii}. Как видно, мусульманские ученые различают малый и большой джихад, отмечая при этом, важную роль большего джихада в жизни мусульман. Однако подобный подход не укладывается в прокрустово ложе односторонней ваххабитской интерпретации джихада.

5. Зикристы у власти?

«Ваххабитский проект» создания исламского государства в Чечне и Дагестане, а затем и на всей территории Северного Кавказа провалился. Новый муфтий Чеченской Республики Ахмад-Хаджи Шамаев, последователь Кунта-Хаджи, прямо заявляет, что, несмотря на то, что каждый чеченский мусульманин хотел бы видеть в Чечне «полностью исламское государство, но у нас этого не получится». Вряд ли после ваххабитских экспериментов чеченские мусульмане желали бы видеть в Чечне исламское государство. Критикуя так называемый ваххабизм, муфтий Шамаев считает: «Но тот — ваххабизм, что в Чечне, это не ислам, и тех людей, которые называют себя ваххабитами, я знал». По его мнению, «в Чечне — не ваххабизм, а есть люди, использующие ислам для своих целей, для наживы, для бизнеса».

В Шатойском районе А.-Х. Шамаев, будучи кадием, не допустил создания ваххабитами шариатского суда. Во главе зикристов этого района ему удалось ограничить здесь влияние ваххабитов.

Сегодня не без участия федерального центра в Чечне усилилась политическая роль суфийского ислама, в частности, кунтахаджинцев. Глава Администрации ЧР Ахмад-Хаджи Кадыров и муфтий мусульман ЧР Ахмад-Хаджи Шамаев являются последователями Кунта-Хаджи, и оба они — открытые противники ваххабизма. По-видимому, в Москве задались целью противопоставить ваххабитам, более многочисленных зикристов и тем самым окончательно

подорвать ваххабизм. Вместе с тем, такой расклад на религиозно-политической сцене Чечни не устраивает не только ваххабитов, которые не раз покушались и продолжают покушаться на жизнь Кадырова, но и представителей накшбандийа, считающих себя обделенными властью.

Кадыров и Шамаев, судя по их высказываниям, заинтересованы в объединении чеченского народа и достижении в Чечне мира, но у многих мусульманам их деятельность вызывает подозрение, так как относятся к ним как к ставленникам Кремля. Остается загадкой механизм вознесения на олимп политической власти муфтия А.-Х. Кадырова. Понятно одно, что такому взлету способствовал факт сдачи Гудермеса Кадыровым и братьями Ямадаевыми федеральным войскам и установившиеся близкие отношения между Кадыровым и российскими генералами Трошевым и Казанцевым.

Сам факт перехода Кадырова из сферы чисто религиозных дел в сферу светскую даже для современной России — прецедент неожиданный. В истории Чечни нет случая, чтобы духовное лицо добровольно отказывалось от своего сана в пользу светской власти. Но известны случаи, когда репрессивные органы советской власти вынуждали отказываться от своей деятельности многих религиозных авторитетов, принуждали поддерживать сталинский тоталитарный режим, не говоря о том, что они в массовом количестве этими же органами расстреливались.

Ставка Москвы на Кадырова скорее всего вызвана тем, что она нуждалась в союзнике из лагеря воюющих чеченцев, чтобы расколоть их единство. Судя по высказываниям чеченского бизнесмена М. Сайдулаева, сам Кадыров обещал Кремлю в течение двух месяцев добиться сдачи оружия двумя тысячами боевиков и их командирами, однако оружие не сдали даже двести боевиков.

Кроме того, назначив Кадырова на эту должность, Кремль продемонстрировал исламскому миру, что он не против мусульман Чечни, а против террористов. На Всемирном форуме религиозных и духовных лидеров в Нью-Йорке Кадыров заявлял, что эмиссары Масхадова и Басаева

разъехались по всему миру и трубят, что в Чечне идет война против ислама, против мусульман, они собирают большие деньги, которые идут на кровопролитие. Он утверждал, что в Чечне идет война не против ислама, а против международных террористов, являющихся врагами не только ислама, но и всего человечества. Но почему-то больше всех страдают и гибнут мирные люди и об этом предпочитают молчать.

Планы военных и Кадырова, нацеленные на раскол воюющих чеченцев, пока не привели к сколь-нибудь ощутимым результатам. Только этим можно объяснить, часто возникающие слухи о скорой смене Кадырова. Симптоматичными являются два последних покушения, совершенные на Кадырова. Одно из них совершено федеральными войсками, а второе его противниками из лагеря воюющих чеченцев. В общей сложности, по нашим подсчетам, на него совершено всего восемь покушений.

Муфтий Чечни А.-Х. Шамаев решительно выражает намерение оказывать во всем помощь Главе Администрации Чеченской Республики Кадырову. Но муфтий Чечни ныне не менее решительно выступает и против политики федерального центра, оценивая ее, как нацеленную на истребление чеченского народа. И поэтому «считает необходимым обратиться к мировому сообществу с заявлением о том, что чеченскому народу грозит полное уничтожение»^{xlviii}. Это смелое заявление лидера мусульман Чечни может быть негативно воспринято структурами федерального центра, что, возможно, увеличивает вероятность смены муфтия. А потому не исключена возможность появления во главе чеченского духовенства менее радикально настроенного и более покладистого представителя духовенства, возможно и последователя накшбандийа. А это приведет к ослаблению позиции зикристов в Чечне, усилению последователей накшбандийа.

6. Ислам в перспективе

Говорить о перспективах ислама в Чечне, где продолжается жестокая война достаточно сложно. Хотя ясно одно, что в связи с ликвидацией ваххабитских центров в

Дагестане и Чечне перспективы ваххабизма здесь резко ограничены. Понятно, что их деятельность блокируется властью и традиционным духовенством. Вслед за Дагестаном, в Чечне администрацией Кадырова принято положение, запрещающее деятельность ваххабитов. Против ваххабитов в тендеме действуют как органы власти, так и муфтият, состоявший из представителей традиционного ислама и прежде всего зикристов.

Что касается перспектив ваххабизма, то, представляется, что влияние этого течения в Чечне будут все-таки ограничено существенно, если оно вообще не будет пресечено. Но запрет ваххабизма в Дагестане и Чечне не означает, что он будет запрещен в целом в России. Судя по некоторым публикациям, ваххабизм набирает обороты в Кабардино-Балкарии. Так, в газете «Северный Кавказ» сообщается: «То, что еще совсем недавно мы называли отдельными проявлениями ваххабизма, уже приобрело форму, угрожающую целостности Кабардино-Балкарии, безопасности населения республики»^{xlix}. Если это высказывание не является идеологически ангажированным, а отражает действительную ситуацию, то можно представить масштабы укорененности это течения в российском мусульманстве. По-видимому, следует ожидать антиваххабитских действий со стороны властей и Кабардино-Балкарии, скорее всего это будет местный закон, запрещающий ваххабизм. Но запретами проблему ваххабизма ни в Дагестане, ни в Чечне, ни Кабардино-Балкарии, ни в целом в России решить невозможно.

Традиционный ислам столкнулся с такими течениями, которые в прошлом либо не были известны в России, либо не играли заметной религиозно-политической роли среди мусульман. И эта встреча в ряде российских регионов уже привела к столкновениям, конфликтам и дестабилизации политической ситуации. Во многом это связано с тем, что официальное духовенство оказалось совершенно не подготовленным к идеологическому противоборству с исламским радикализмом, уступая в духовной подготовке лидерам ваххабизма. В условиях системного кризиса

общества, его деидеологизации оно не смогло предложить молодежи привлекательную модель выхода из духовного и социального кризиса. Эта задача в специфических формах успешнее решалась теми, кто реализовывает в России ваххабитский проект, а его финансовое обеспечение играет немаловажную роль.

Силовыми методами можно резко ограничить распространение ваххабизма как в Чечне, так и в любом другом месте. Однако, претерпев определенную трансформацию, адаптировавшись к новым условиям, ваххабизм вполне может возродиться. Он может поменять свой облик, приобрести умеренную форму, а при финансовой поддержки от зарубежных мусульманских центров продолжить свое влияние на мусульман России.

Антиваххабитские настроения в современной Чечне широко распространены и шансы на возрождение ваххабизма здесь пока невелики. Так, муфтий Чечни Шамаев считает, что «Чечня никогда не была и не будет базой ваххабизма»¹. Он утверждает, что на территории Чечни вступил в силу закон, запрещающий ваххабизм. Только не ясно кем и когда принят такой антиваххабитский указ. Но указ, запрещающий деятельность ваххабитов, принят Народным Собранием Дагестана. Однако, это вовсе не означает, что в Чечне или в соседнем Дагестане произойдет автоматический демонтаж ваххабизма. Несмотря на преследования, физическую расправу над ваххабитами и запрет их деятельности на Северном Кавказе, не означает, что исчерпаны его организационный и идеологический ресурсы. Запретами и преследованиями духовная и политическая роль ваххабизма на Северном Кавказе ныне сведена к минимуму, хотя в ряде регионов России ваххабиты среди мусульман имеют ощутимое влияние. Меняются и центры влияния ваххабизма на территории страны, из Северного Кавказа они перемещаются, судя по некоторым источникам, в глубь России. С нашей точки зрения, некоторые принимающие ныне ислам представители русской национальности, обращаются в эту религию именно ваххабитами.

Находясь с 1995 по 1999 года в Чечне, автор этих строк изнутри наблюдал и анализировал «ваххабизм», что позволяет прийти к выводу: по целому ряду признаков его можно квалифицировать как экстремистское религиозно-политическое течение. Пропагандисты «северокавказского ваххабизма» не только проявляли открытую нетерпимость в отношении мусульман, придерживающихся иных направлений, мазхабов и течений, но и призывали своих сторонников к всеобщему джихаду против всех, кто не принимал их позицию. Известны многочисленные факты вымогательства, грабежей, похищения и убийства людей и другие формы насилия, к которым непосредственно причастны так называемые ваххабиты. Не к миру, умиротворению, а к насилию и вечному джихаду призывали те ваххабиты, которых автор имел возможность непосредственно наблюдать.

Некоторые исследователи, пишущие о ваххабитах, изображают их как антитрадиционалистское реформаторское движение в российском мусульманстве, союзника демократии. Подобное можно утверждать, работая в светлых кабинетах исследовательских центров столицы, находясь на периферии эпицентра описываемых событий. Но тот, кто непосредственно наблюдал ваххабитский экстремизм во всей его «красе», годами соприкасался с его делами, до подобных утверждений вряд ли дойдет. Деятельность ваххабитов в Дагестане и в Чечне мы рассматриваем не иначе, как фактор дестабилизации политической ситуации в этих республиках, способствовавший к возникновению очередных военных действий в Чечне, что стало возможно в силу политической безволии, нерешительности местных органов власти в Чечне, Дагестане и федерального центра.

В столкновении традиционного ислама с ваххабизмом выявились ряд его слабых мест: не готовность к идеологическому противостоянию с ваххабизмом, теоретическая слабость, отсюда — полная растерянность в противостоянии с религиозным радикализмом, политическая пассивность, отчужденность от духовных запросов молодежи, социальной действительности. Все это предполагает

усиление религиозной подготовки традиционного духовенства при учете гуманистических достижений мусульманской культуры, расширение поле его деятельности в различных социальных группах чеченского общества.

Традиционный ислам в Чечне — нельзя рассматривать как препятствие на пути модернизации, а «ваххабизм» — нечто прогрессивное лишь потому, что он несовместим с ним. Традиционный ислам базируется на местных этнокультурных особенностях региона, обладает внутренним адаптационным потенциалом, близок к отечественным социокультурным ценностям, решительно отличается от радикализма, проявляющегося в деятельности так называемых ваххабитов. Культура, которая навязывалась ваххабитами, в народе получила название «бедуинской», что означает ее неприятие и соответствующий протест.

Лучшие представители официального ислама в Чечне, а и в целом стране, с учетом современного опыта столкновения с ваххабизмом могли бы пересмотреть систему духовного образования, усилив его гуманистическую составляющую и приблизив к «модерну». Модернизация духовного образования в условиях полного разрушения в Чечне невозможна без основательной идейной, политической и финансовой поддержки.

Политика «собираания страны», объединения народов, если это — не пропагандистские лозунги, должна осуществляться от центра к периферии, сверху вниз, а также воспринята, понята и поддержана многомиллионными представителями традиционного российского ислама. Федеральная политика в отношении российского мусульманства требует существенной коррекции, но сегодня она не является определенной, что вызывает недоразумение у его мыслящей части.

¹ Здесь и в последующем, термин «ваххабизм» употребляется не в его классическом значении. Духовные деятели и исламоведы на Северном Кавказе под ваххабизмом понимают религиозно-политическое течение, рассматривающее местный ислам, как засоренным народными верованиями, суфийскими ценностями, а потому подлежащим очищению. И только через освобождение от

заблуждений, нововведений ему можно придать вид, который он имел во времена пророка Мухаммада и праведных халифов.

- ² Под термином «традиционный ислам» мы имеем ввиду, ислам сложившийся в течение многих веков, путем приспособления, адаптации к социокультурным особенностям того или этноса.
- ³ В книге автора «Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение» (Грозный, 1994.) изложены основные этапы жизни и деятельности, а также главные положения религиозно-философского учения чеченского суфия Кунта-Хаджи Кишиева.
- ⁴ Шейх Баммат-Гирей-Хаджи, ученик шейх Кунта-Хаджи, создавший собственное вирдовое братство, в 1911 году царской властью был сослан в Калугу, обвиненный за поддержку народного мстителя абрека Зелимхан, где он умер в 1913 году.
- ⁵ Али Митаев — известный религиозный и политический деятель, сторонник независимости Чечни, член Ревкома Чеченской Автономной Области (1923-25 гг.). Ложно обвиненный в подготовке на Северном Кавказе антисоветского, контрреволюционного восстания, он в 1924 году был арестован чекистами Грозненского ОГПУ, а в 1925 году расстрелян в центральной тюрьме г. Ростова-на-Дону. С этого момента в Чечне начался процесс уничтожения советской властью религиозных и политических деятелей чеченского народа.
- ⁶ Более подробная информация об антиваххабитской деятельности Кадырова можно найти в наших публикациях: «Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: миф или реальность» // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 3; «Муфтий А.-Х. Кадыров: человек, религиозный деятель и политик» // Центральная Азия и Кавказ. — № 5(11). — 2000. — С. 158-164.
- ⁷ Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 127. — М., 1999. — С. 16.
- ⁸ Определенный интерес представляет монография «Исламский радикализм в международной политике» И.П. Добаева (Ростов-на-Дону, 2000.). Некоторые соображения на этот счет можно найти и в таких наших публикациях, как «Исламский радикализм на Северном Кавказе: миф или реальность» (Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 3.), «Северокавказский ваххабизм — разновидность исламского радикализма» (Научная мысль Кавказа. — 2000. — №3.), а также в работе «Проблемы ваххабизма на Северном Кавказе» А.А. Ярлыкапова (М., 2000.) и др.
- ⁹ Фатхи также, как и Хаттаб, прибыл на первую российско-чеченскую войну из зарубежа. Он — потомок чеченцев насильно переселенных

царизмом в Турцию. Материально помогая воюющим чеченцам, он распространял среди них идеи «чистого ислама», то есть ваххабизма. Фатхи вынашивал план устранения традиционного ислама, препятствующего реализации стратегии ваххабитов. Летом 1997 года Фатхи умер в возрасте 50-ти лет, но планы ваххабитов на Северном Кавказе приобрели реальные очертания.

¹⁰ Маршо (зональная газета Урус-Мартановского района ЧР). — 2000. — 29 июня.

¹¹ Абдуллахи Ахмед ан-Наими. На пути к исламской реформации. — М., 1999. — С. 164.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Хайдар Баш. Макалат. Ислам: секрет становления. — Ярославль, 2000. — С. 246.

¹⁵ Там же. — С. 248.

¹⁶ Независимая газета. — 2000. — 23 декабря.

¹⁷ Северный Кавказ. — 2000. — № 37 (495). — С. 4.

¹⁸ См.: <http://www.ntv.ru/>. 30 октября 2000 года.

О НЕКОТОРЫХ ПАРАДОКСАЛИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СЕПАРАТИСТСКОМ КОНФЛИКТЕ

Глубоко антигуманный бесчеловечный эксперимент по запуску сепаратистского конфликта в Чеченской республике и все трагические события, связанные с ним, показывают со всей очевидностью, что большие массы людей, целые социальные слои общества, особенно маргинальные и люмпенизированные элементы можно продуманно и расчетливо заставить действовать вопреки их собственным коренным жизненным интересам.

Это называется манипулированием массовым сознанием и поведением людей, и имеет своей целью прикрытие, камуфлирование процесса разграбления и разрушения страны. Другая цель — это сраствливание грядущих поколений: и тех, которые подрастают и тех, которые придут им на смену, унаследовав родовую травму, нанесенную войной. В этих целях между обоими участниками конфликта распространяются клеветнические измышления, уничтожающие их человеческое и национальное достоинство. Фальсифицируется прошлая история, из нее выискиваются все факты, связанные с насилием, взаимными обидами, травмировавшие национальное сознание в прошлом.

Главным инструментом всей этой огромной деструктивной работы были средства массовой информации, которые вдруг, в одночасье, оказались в руках некоего клана и проводили без преувеличения можно сказать политику разрушения межнационального доверия, усиливали вражду, подозрительность между враждующими сторонами. Не было ни одного конфликта на всем постсоветском пространстве, который получил бы в СМИ объективное, беспристрастное освещение.

Применяется также раскладка: попеременное унижение обеих сторон, распространение грязных слухов, оскорбительных

намеков, якобы сделанных одной стороной против другой. Нередко все это делалось с демонстрацией чисто внешней доброжелательности к участникам конфликта и фарисейским выражением сочувствия то одному, то другому участнику конфликта. Это по аналогии с попеременными поставками оружия воюющим сторонам. С момента формирования оппозиции в Чечне оружие и деньги поступали обеим сторонам почти синхронно. Убивайте, дескать, друг друга, да побольше, а оружие найдется. Говорят, каждый дельный политик должен иметь в своем политическом арсенале хотя бы одну войну для использования ее в качестве идеологического манипулирования и в качестве экономического балансира. Это правило полностью подтвердилось на примере чеченского конфликта: почти каждый политический кризис или обострение ситуации и даже избирательные кампании в стране сопровождались очередной, как правило синхронной, акцией со стороны т.н. чеченских боевиков, которые то приезжали якобы в Москву устраивать взрывы домов, троллейбусов, то совершали набеги в Буденовск и Кизляр, как это было во время встречи т.н. восьмерки в Белфасте, то собирались взорвать плотину на Волге. После этого необходимого предварительного замечания целесообразно перейти к существу дела.

В социологии давно описана такая ситуация: люди вступают в существующую систему общественных отношений, в поле приложения своих сущностных сил и каждый из них или солидарные группы, в которые они собираются, преследует определенные цели, отвечающие каким-то их потребностям, совершают действия, направленные на достижение этих целей. Замечу, кстати, что речь идет о реализации каких-то разумных, логически обосновываемых целей и действиях, направленных на достижение каких-то конструктивных результатов, заранее имевшихся в умах, намерениях действующих лиц. Парадокс, однако, состоит в том, что из усилий множества людей, групп появляется в качестве итога этих усилий некий среднестатистический результат, который совершенно отличается от целей, преследовавшихся участниками социального действия. Это и есть парадоксалистское последствие общественного действия.

Закономерность эта замечена давно и, к сожалению, как это и бывает в истории, она мало чему научила людей.

В нашем же случае речь идет о деструктивной, а не позитивной цели неких социальных сил, которые не только ломают экономический хребет страны, но и добиваются развала страны, государства, разрушения ее культуры, национальных ценностей, добиваются межэтнических конфликтов.

Возьмем отношение чеченского народа к войне. Чеченцы, даже участники войны, не желали ее, за исключением специально засланных функционеров. Здоровый народный дух, народная мудрость, жизненный опыт многих поколений людей, проживавших совместно в рамках Российского государства, а потом СССР, подсказывают народам, что война — это братоубийство, это действие, направленное против законов божеских и человеческих.

Народы не допускали мысли, что может быть большая война внутри страны. Самый худший прогноз событий, который допускали мыслящие современники и участники событий, в Чечне состоял в следующем: придут свои, российские солдаты, из армии, в которой служили и продолжают служить чеченские ребята, постреляют в воздух, а боевики разбегутся, поняв, наконец, всю бессмысленность своих затей. Кого-то арестуют и дело завершится миром. Жители Грозного в течение нескольких месяцев не покидали свои дома, прятались в подвалах. Даже когда начались массовые бомбежки, повлекшие гибель мирного населения — посчитали, что это чья-то ошибка, в которой скоро разберутся и виновные будут наказаны. Страна, в которой в Великую Отечественную войну действительно сложилось морально-политическое единство всех народов и социальных групп, в которой народ и армия действительно стали едины, страна, в которой сама мысль о том, что вооруженные силы страны станут истреблять мирное население, собственных сограждан — сама эта мысль не могла возникнуть даже в самых мрачных фантазиях, в антиутопиях... Это была такая смена декораций, такое перевертывание мира, которая вызывала жестокую ломку мировоззренческих векторов, т.е. с точки зрения логики, разума, здравого смысла сама война была ирреальностью, т.е. родом общественного сумасшествия, неизъяснимого

парадокса. Возможно это и одна из причин того, что в перечне медико-биологических последствий войны психические аномалии в Чечне занимают такой большой процент. Выживание в условиях войны в перевернутом мире намного трудней, чем в обычной войне, где люди различают своих и чужих, знают с кем воевать и кого защищать, где проходит линия фронта. Здесь не было детей, их убивали не только с воздуха, но и снайперы никогда не щадили (некоторые военачальники придерживались правила, сформулированного одним из них публично во время теледебатов по ЦТ с депутатом Государственной Думы Аслахановым А. (январь 2001 г.): «чеченцы — волки, их дети — волчата, и из волчат могут вырасти только волки. Значит надо уничтожать их в колыбелях»).

В этой войне противостояли друг другу не этносы, не нации; в Чечне не было сколько-нибудь оформившегося национализма, здесь не было национальных конфронтаций, а российские солдаты убивали, ставили к стенке вместе с чеченцами и тех русских, которые оставались в республике. Русские убивали русских. Да, по целому ряду параметров эта война уже в истоках была ирреальной, парадоксальной.

Ирреальность эта является воплощением самой мрачной и зловещей антиутопией в духе Оруэлла; ирреальна сама ситуация, когда руководство огромной страны принимает решение бомбить часть собственной территории, убивать собственных граждан, среди которых мятежников было ничтожное количество, особенно в начале. Принимая такое решение, высшее руководство нарушает целый ряд статей Конституции страны (причем, излюбленная, сотни раз повторяющаяся форма обращения руководителя к народу была такая: «Я, как Президент и Гарант Конституции России»).

И все-таки население воевать отказывалось, оно ни в чем не провинилось, перед Основным Законом, ему некого было опасаться, т.к. в массе своей население это состояло из законопослушных граждан. И тогда был придуман один из самых коварных и подлых тактических приемов ведения военных действий: боевики (многие были завербованными сотрудниками) выстреливают по БТР, или вертолету, или даже по пехоте, прячась за забором жилого дома, из подворотни и быстро

убегают. И тогда самолеты или артиллерия наносят по дому мощный огневой удар и дом, возле которого был произведен выстрел, взлетает на воздух. Это не единичные случаи, это правило. Этот прием применялся сотни и тысячи раз на протяжении всей войны.

А вот в Шатой боевиков не пустили, жители нейтралитет объявили. Так Дудаев публично, всенародно грозил шатоевцам, что по его первому сигналу российская авиация вдребезги разнесет село. Между прочим, так оно и вышло, только через некоторый промежуток времени.

Или еще: приезжает в село потрепанная банда Басаева. Его просят уйти по-добру, по-здорову, чтоб не навлекать налеты авиации. Обычай гостеприимства жив и свят среди горцев, однако, даже в войну; в соответствии с ними на свой страх и риск дал ночлег и еду басаевцам старый мулла, живший на окраине села.

Басаев с сотоварищи переночевал, да еще и рекрутов для джихада попросил через того муллу. Правда, получил твердый отказ. Басаевцы ушли и тотчас налетела авиация — погибли десятки жителей.

Итак, война парадоксальна с той точки зрения, что она не имеет ни тыла, ни противостоящих друг другу фронтов. Здесь фронты постоянно смыкаются, боевики действуют вместе с федеральными частями; здесь нет размежевания по национальному признаку: через мясорубку войны без фронтов перемалывается гражданское население всех национальностей, которое не знает куда приткнуться, кого считать своими, а кого противником. Идет броуновское взвихривание людей, все неопределенно, одинаково зыбко и агрессивно в этом перевернувшемся мире. Человек нередко вынужден действовать в таком мире вопреки общепринятой логике, отрешившись от разума и руководствуясь единственной максимой — спасти себя и тех, кто рядом. Эта война всех против всех.

С разумной и логической точки зрения, несомненно, иррациональной является война государства против части собственной территории и населения. Причем, оружие для войны против Центра, даже секретную информацию о планах государства сепаратистам доставляют чиновники из самых

высоких кабинетов. На это сетовал и тогдашний премьер В. Черномырдин (информация об этом часто встречается в тогдашней периодической печати). И с точки зрения методов войны — она ведется с вопиющим нарушением норм Международного права, применением средств массового поражения гражданского населения. В соотношении числа погибших из гражданских лиц и людей в военной форме количество первых во много раз превышает аналогичные показатели во всех подобных войнах. Тактика ведения войны с массовым поражением гражданского населения и тотальным уничтожением объектов гражданского назначения получила название тактики выжженной земли. Развалины Грозного выглядят сегодня более ужасающе, чем Сталинград или Дрезден после англо-американской бомбардировки во второй мировой войне. Вместе с тем, нефтяные вышки и заводы по переработке нефти остались совершенно нетронутыми в первой войне — ни один снаряд и ни одна бомба не поразили эти объекты. Это тоже парадоксы войны.

После первой войны на восстановление народного хозяйства Чечни из государственного бюджета выделяются значительные средства, но их львиная доля так и осталась в Москве, в пределах Садового кольца, а те деньги, что дошли по назначению опять были расхищены. И вот один из самых жестоких и кровопролитных абсурдов первой войны: в августе 1996 г. по распоряжению федеральных военных властей с блокпостов вокруг Грозного убираются боеспособные силы, новая пророссийская милиция Чечни частично разоружается, а частично отвлекается от охраны второстепенных объектов, а в город, почти не встречая сопротивления, входят сепаратисты. Российские войска, с тяжелыми боями закрепившиеся высоко в горах, вынуждены отступить с занятых позиций...

Дальше — больше. Уже после заключения перемирия и прекращения боевых действий самолеты без опознавательных знаков бомбят мирные чеченские аулы с единственной целью — как можно больше убить гражданского населения. У чеченцев авиации не было, федеральная сторона так никогда и не признала, что самолеты были российские. Так и осталась иррациональным миражем история убийства десятков и сотен мирных жителей

самолетами без опознавательных знаков. Кошмары антиутопических романов стали повседневной явью чеченской войны.

В мире абсурда, перевернутых ориентиров произвольных правил игры не могут адекватно ориентироваться в происходящем не только гражданские лица, не имеющие прямого отношения к войне, но лица высокого начальственного состава, обладающие в силу своего служебного положения значительно большим объемом информации. Но и они не посвящены во все правила игры в кровавом театре абсурда; даже они не могут отделить реальность от ирреальных миражей, запускаемых для введения людей в заблуждение; их запутывают, разум оказывается бессильным уследить за двойной и тройной игрой закулисных режиссеров.

Вот конкретный пример. Генерал Романов, командующий российскими войсками в первой чеченской войне. С точки зрения разума, нравственности, интересов государства, он действовал совершенно логично, когда, осознав, что война грязная, коммерческая и вместе с тем братоубийственная, решил ее остановить и заключить мирное соглашение. Оно должно было вот-вот быть подписано, он ехал собственно его подписывать, когда его машину подорвали взрывом ужасающей силы в единственном в Грозном тоннеле. И вот уже несколько лет он обездвижен, почти лишен речи и лежит в состоянии психического оцепенения. Это сделали не чеченцы, это сделали те силы, которые делают деньги из чеченской и русской крови. В тот период заключение мира могло приостановить их бизнес и они «заказали» генерала.

...Понижение порога сознательности, разумности, становится очевидным с самого начала конфликта. Выходу за пределы рациональности, разумного сознания способствовали неоднократные заявления высокопоставленных деятелей, оскорбляющих национальную честь и достоинство народа. У многих это вызывает состояние аффекта, вызванного незаслуженным оскорблением — а это есть пограничное состояние психики, которое ближе к иррациональному, чем разумному.

Возьмем заявление тогдашнего министра обороны П. Грачева о том, что он за несколько часов разгонит чеченских мятежников, «сброд». Несомненно, такие заявления делались не с кондачка: тот, кто посоветовал Грачеву подобным образом угрожать горцам знал, что невозможно нанести им большее оскорбление. Это один из немногих народов, у которого само объявление о намерении причинить физическую боль, нанести удар, а тем более угроза оружием, само желание нанести удар рассматривается как совершенное преступление, смертельное оскорбление. Возможно, на это и рассчитывал Грачев — война была запланирована задолго до этого беспардонного заявления.

Теперь подойдем к проблеме с точки зрения целей войны — обретение суверенитета.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что большинство населения и сегодня, когда убит каждый пятый чеченец из живущих на земле, не знают, что такое суверенитет. Разумеется, речь идет не о дефиниции, а о тех смысловых ассоциациях, которые это слово вызывает в массовом сознании.

Не раз и не два вездесущее ТВ, корреспонденты радио и газет опрашивали в Чечне чеченцев на улицах, базарах, автобусных остановках, студенческих аудиториях: как Вы относитесь к суверенитету, какие блага он Вам принес? Абсолютное большинство опрашиваемых только пожимало плечами или молчали, и ни один человек не смог объяснить, что же это такое суверенитет? Опрашиваемые уточняли заданные им вопросы, смешно искажали произношение слова «суверенитет», и ровным счетом ничего не могли объяснить, что он обозначает, и что лично приобрели за время войны за суверенитет.

Не зная самого термина некоторые все-таки пытались разобраться в смысле вопроса и отвечали по существу его, что ни до, ни в период войны выйти из России они не собирались и не представляют себе жизни без России. Выходило, что цель войны — не больше чем призрак, звук пустой. Если же иметь в виду стихийное, не во всем рационализированное, основанное на чутье, интуиции, понимание суверенитета, то при откровенном, доверительном разговоре граждане сообщали, что самое большее, чего они хотели бы — это иметь гарантии, что геноцид типа 1944 года не повторится. Да еще язык, да еще обычаи предков

сохранить хотелось. «Иначе с чем к предкам вернешься?!» Это была программа-максимум. Правда, потом журналисты (не специалисты), несостоявшиеся поэты, преподаватели научного коммунизма пытались «подогнать» происходящее под рубрику национально-освободительного освобождения от колониализма, которого не было.

Так вот простые люди, с которыми нам доводилось встречаться, беседовать (а иногда удавалось и анкетировать, хотя это было небезопасно) говорили однозначно:

- суверенитет не стоит и капли крови людской;
- нам суверенитет не нужен, если он несет голод, нищету, безработицу;
- наверное, мы избрали не ту дорогу на суверенитет, если для

этого пришлось идти походом на наших соседей;

- суверенитет, как и демократия, — это обман; голодному человеку не нужно ни то, ни другое.

Люди, на которых лежит нечеловечески тяжелая ответственность за развал страны, смертельно боятся главного вопроса, который долго еще будет ждать ответа: ради чего было убито, искалечено сотни тысяч людей в межнациональных конфликтах, возникших после развала СССР? Кто и с какой целью разжег братоубийственную бойню, в которой погибли тысячи и тысячи российских солдат, сотни тысяч чеченцев? Потому-то и пытаются так исступленно и изощренно люди, уничтожившие СССР доказать, что Советский Союз был обречен, он де сам себя изжил, а они только оформили то, что уже сложилось в жизни. Одним из последствий этого злонамеренного развала и стало братоубийство в Чечне. Вопрос этот можно ставить в другой формулировке: какова мера исторической ответственности людей, которые спекулируют на национальных чувствах, используя межнациональную рознь для достижения корыстных, социально-эгоистических целей? Этот вопрос, может принимать и такую формулировку: каков размер той цены — экономической, политической,

духовной, а главное каковы пределы возможных людских потерь, которые предстоит заплатить народу за сепаратистские игры вождей, есть ли хотя бы какое-то историческое оправдание им? При этом следует учитывать не только выражаемые в количественных показателях потери войны: разрушение экономики, уничтожение памятников культуры, но и неизбежную моральную деградацию общества, криминализацию больших групп людей, ухудшение психологического климата. В чеченской войне, как уже говорилось, погиб каждый пятый чеченец — соразмерна ли такая плата той цели, которой увлекают народ сепаратисты?!

Да, игры в суверенитет это тяжелая ответственность перед судом живых и грядущих поколений, ответственность за убитых, искалеченных, изнасилованных, духовно опустошенных и даже за генофонд, за не родившихся, за всех, кто обманным образом был вовлечен в сепаратистские смертельные игрища самонадеянными, безответственными новоявленными вождями. И будут прокляты на веки веков они сами и потомство тех вождей, которые ради преходящих благ суетного мира поставили под нож войны народ, среди которого они были рождены.

Сепаратизм изначально содержал в себе элемент иррационального и прослеживается он на всем пути к конечной цели. Вполне логично предположить сегодня, что не существует рационально обоснованного предела, который можно было бы считать той последней чертой, дальше которой нельзя было бы продолжить деление государства, общества по сепаратистским мотивациям.

Другими словами, разумно допустимой, конечной ступени, на которой необходимо остановить парад суверенитетов, остановить бесконечное дробление народов, этнических групп, национальных меньшинств по все более различающимся критериям — такой ступени не существует. В самом деле, если этнос «А» смог отделиться и образовать самостоятельное государство, то на каком основании можно лишить этого права этнос «Б», в любом полиэтническом государстве?

Даже если допустить, что по согласованным основаниям право на сецессию предоставлено всем желающим и оно реализовано,

то нет никаких разумных гарантий, что, во-первых, уже внутри новообразовавшихся государств дробление не продолжится. Для него могут быть изысканы другие основания отделения различающиеся до бесконечности. По существу это есть дурная бесконечность, ситуация *ad infinitum*.

В реальной жизни возможны ситуации, когда первая сецессия осуществляется усилиями нескольких этносов. И рано или поздно наступает ситуация, когда этносы, образовавшие новое государство, поставят вопрос об отделении, о выходе из новообразованного государства и учреждении собственных независимых государств.

В чеченском сепаратизме тенденция к бесконечному распаду наметилась очень рано: почти автоматически произошло разделение Чечни и Ингушетии. Затем о своей автономии объявили ряд регионов, например, притеречных; даже в предгорной полосе с.Шалажи объявило о своей независимости и автономии; самое большое чеченское село Урус-Мартан в дудаевский период отторгало этот режим и трижды сходились с дудаевскими прихвостнями, возглавляемыми Басаевым в смертном бою. Басаев каждый раз ретировался не солоно хлебавши, уходил от неминуемой кары. И только при масхадовском режиме глава местной Урус-мартановской администрации обманным образом, глубокой ночью ввел ваххабитов в большое здание бывшего интерната в центре села, которое тотчас было укреплено и превращено в цитадель, битком набитую оружием.

С самого начала трагических событий стал резче обозначаться водораздел между горными и плоскостными частями республики. Жители первых были более активными во всем политических событиях, начавшихся в 1991 году и, следовательно, были более широко представлены во властных структурах всего этого периода. Это вызывало недовольство жителей равнинной части. Одновременно этот водораздел проходил между сторонниками кунта-хаджинской и накшбендийского тариката, сторонившегося активной политической деятельности. А потом наступила ситуация *ad infinitum* в настоящем виде. Начались съезды тейпов, т.е. родов — основной структурной единицы, из которой сложился этнос. Многие из них провозгласили свои особые

позиции, нередко резко расходящиеся с дудаевским и последующим режимами.

Главное, что предотвратило полное разложение этноса — разразившаяся война и необходимость объединения в целях самозащиты. Тем не менее, представители некоторых тейпов при получении документов отказывались от самоидентификации с чеченским этносом, а некоторым и удалось записать себе в графу «национальность» название тейпа.

Здесь невольно напрашивается сравнение с иррациональными числами. Ну возьмем к примеру самое элементарное, со школы известное число « π », выражающее отношение длины окружности к ее диаметру. Или другое: несоизмеримость стороны прямоугольника к его диагонали. Это примеры из ряда бесконечных иррациональных чисел. По аналогии с этим нельзя указать научно аргументированный критерий для определения границы распада исторической общности людей. Конечно, и разум и практическая целесообразность, и конкретные исторические обстоятельства, условия места и времени при наличии доброй воли позволят выработать какие-то более или менее приемлемые пределы, на которых необходимо остановить дальнейший распад, но он не будет научно доказуемым. В этом иррационализм ситуации *ad infinitum*.

...На практике актуализируется, выдвигается на первое место, нередко попеременно, та или иная мотивация сепаратизма, т.е. сецессии.

При отделении прибалтийских республик больше всего говорили о восстановлении существовавших в прошлом собственных национальных государств и тем самым о восстановлении исторической справедливости. Затем сепаратисты приступили к поиску такого обоснования сецессии, как вопрос о том был ли тот или иной народ присоединен к российскому государству насильственно и вошел добровольно. Или еще: имел ли тот или иной народ свою государственность или находился на догосударственном уровне развития.

Но, обретая статус независимости лидеры новообразованного государства тотчас пресекали всякие претензии нетитульных этносов даже на автономию в составе новообразовавшихся государств. Ограничивали даже в получении гражданства или в

получении компенсации за жилье или имущество в случае выезда в Россию.

В Канаде сепаратизм мотивировался имевшими в прошлом несправедливостями со стороны англоязычных квебекцев по отношению к франкоязычным.

Иррационализм, однако, в том, что когда в подобных ситуациях совершается насилие за обиды прошлого, сама эта цепь насилия нарастает новым звеном. Вчерашние жертвы национальной несправедливости и насилия превращаются в злейших притеснителей других малочисленных этносов; формируется узел нового напряжения и цепь напряжения и насилия может тянуться весьма долго.

Вернемся, однако, к Чечне.

В ноябре 1991 года Москва объявила о введении в республике чрезвычайного положения. Указ об этом был объявлен поздно ночью, но вступал в силу этот указ только со следующего дня. То есть указ как будто специально оставлял время для того, чтобы население успело выйти на улицу утром следующего дня. Это, во-первых. А во-вторых, даже и при всем желании за несколько оставшихся до наступления следующего дня часов, никакие структуры власти все равно не успели бы предотвратить выход населения на демонстрацию.

Как и следовало ожидать, утром весь народ вышел на улицу, оскорбленный откровенной и грубой угрозой, содержащейся в Указе о введении чрезвычайного положения. Для генерала указ действительно стал манной небесной.

Здесь иррациональная тенденция в том, что угроза, содержавшаяся в указе, подвигла народ действовать вопреки собственным коренным жизненно важным кровным интересам. Перед этим у народа, в массе людей, появилось смутное, еще инстинктивное чутье, что добром дудаевская затея не кончится. Еще накануне этого дня на его отчаянные призывы на митинги в поддержку Дудаева являлось не более 10-15 человек. Генерал, клятвенно обещавший прежде не домогаться никаких властных рычагов, для себя объявил о намерении участвовать в президентских выборах и народ отпрянул от него.

До этого мгновения он удерживал имидж человека, чуждого всякой коррупции, мздоимства. Бескорыстный честный генерал,

ничем не связанный с местными кланами, всю жизнь служил вне республики — таково было общее мнение. ...Словом, чист как стеклышко. Он неоднократно объявлял публично, что после свержения прежнего режима вообще уйдет из политики. И вдруг — претензии на главный пост в республике. Уже поползли слухи о незаконной продаже нефти новой властью и их баснословном обогащении, словом было людям отчего насторожиться.

Но вот угроза извне — и весь народ, который вчера еще безмолвствовал, вышел на улицу в поддержку новой власти, потому что указ о введении ЧП содержал угрозу в адрес народа, в том числе и в адрес Дудаева. И люди постарались прогнать от себя свои прозрения и предчувствия и выразили поддержку своему смертельному врагу. Дудаев олицетворял власть, вокруг которой можно собраться, когда постучалась беда; другой власти в тот момент просто не было. Угроза извне заставила людей сплотиться вокруг Дудаева и тем самым подписать смертный приговор каждому пятому чеченцу на земле.

В поддержку Дудаева вышли самые упорные недруги генерала. Они признавались, что с Дудаевым их ничто и никогда не может примирить. Но на сегодняшний день нет другой власти кроме бесноватого отставного генерала. Потому именно опасная ситуация заставила людей выйти на улицу, что стало и косвенной поддержкой Дудаева. Ситуация, когда самая высокая волна энтузиазма, солидарности, готовности умереть в этом высоком воодушевлении, святом чувстве единения всего народа, когда этот национальный подъем выносит на гребень волны, укрепляет на вершине власти Дудаева, который изначально ведет народ к гибели — это и есть проявление иррационального в истории этого конфликта.

Никогда еще до этого дня, ни тем более после него, народ не был охвачен таким единодушием как в тот незабываемый день 10 ноября 1991 года после ввода чрезвычайного положения. Весь народ, от мала до велика, считая себя оскорбленным угрозой ввода войск и применения силы, решил умереть всем миром, если понадобится. Ничто так не могло оскорбить народ, как угроза физической расправы и поэтому все до единого испытали прилив решимости умереть, но не отступить перед тем, кто оскорбил

народ. Так это было. Позднее в народе сложилось впечатление, что весь спектакль с вводом чрезвычайного положения был разыгран специально, как бы для пробы: некто вычислил менталитет народа и теперь хотел убедиться в том, что вычислял правильно. Этот некто решал вопрос, годятся ли чеченцы для задуманного грандиозного злодейского эксперимента по развалу России, проверял, годятся ли они на роль пушечного мяса. Ни в Карабахе, ни в Южной Осетии, ни в Абхазии не удавалось разжечь настоящий пожар; нужен был народ настолько же отважный, насколько и безрассудный, настолько же упорный, насколько и легковверный, народ, который в состоянии аффекта, вызванного оскорблением, может быть жестоким и пренебречь религиозным милосердием, народ, который в этом состоянии может действовать вопреки собственным интересам, действовать в интересах своих смертельных врагов. Нужен был не просто народ самоубийца, молчаливо соглашающийся погибнуть, будучи поставлен в безвыходные условия. Нужен был народ яркий, отважный, дерзкий, а в горячке — безрассудный; нужно было, чтобы гром войны был слышен повсюду, так легче отвлечь внимание от тотального разграбления страны.

Надо сказать, что расчет оправдался, и чеченцы заплатили своей кровью за шкурные интересы своих врагов, разрушителей России. То, что народ продали, за деньги, что предводители получали огромные суммы еще до будущего похода в Дагестан — это едва ли что-то меняет в этом сатанинском жертвоприношении. Тогда народ действовал в состоянии коллективного аффекта.

Может показаться невероятным, но ситуация повторилась один к одному спустя ровно три года, осенью 1994 года в самом конце войны.

...Народ войны не хотел, не принимал ее всеми фибрами души.

Некоему режиссеру, который написал сценарий ЧП для Чечни в 1991 г. была уже известна ментальность народа.

Теперь предстояло сломить глухое, долгое и упорное сопротивление народа войне, перестроить, переориентировать хотя бы и на время психологию народа, переделать общенародный, воспитанный десятилетиями стереотип общественного сознания, что армия это часть самого народа и что по этой причине она никогда не поднимет руку на собственный народ.

А уж возможность настоящей большой войны однозначно исключалась народным сознанием совершенно.

Многие обратили внимание, как хорошо говорят чеченцы по-русски — даже в начале 90-х годов более 90% чеченцев свободно владели русским языком, как показали результаты исследований, проводившихся ИЭА РАН. И потому, должно быть, не верилось, что против детей народа, создавшего этот язык, против молоденьких ребят, по существу, новобранцев, заставят, буквально вынудят чеченцев воевать; этого они не могли допустить. Дудаев имел основание сомневаться, что войну удастся развязать, вопреки своим ожиданиям, он не нашел здесь ни руссофобии, ни национализма. Он видел, как уважительно относятся чеченцы к России, как простые люди обеих национальностей хорошо ладят друг с другом. Это потом уже, когда от Грозного остались только руины, когда с генералом Лебедем будет заключено странное соглашение, на единственной оставшейся стене от большого кинотеатра «Россия», кто-то напишет слова Лермонтова «прощай немытая Россия», то другие чеченцы будут из всех сил затушевывать, закрашивать эти слова, считая, что они недостойны чеченцев.

Вот и вторая чеченская война имела заранее составленный сценарий.

Поход в Дагестан начался с тайной встречи во Франции Басаева с людьми из президентской администрации. Война нужна была режиму и готовилась втайне от народа по сговору с режимом: ходившие в этот злосчастный дагестанский поход отряды Басаева охранялись с воздуха российскими вертолетами (обо всем этом подробно пишется в периодике тех дней). Вот почему мы говорим: это не была война чеченского народа против России, народ опять-таки, как и в первой войне, бросили в огонь вопреки его отчаянному противодействию.

Но вернемся к первой чеченской войне. Чем больше приближалась война к порогу, тем откровенней и циничней вел себя Дудаев: он отлично усвоил сформулированную позднее публично А. Чубайсом максиму всей этой камарильи: чем наглее, циничнее мы действуем в политике, тем больше гарантии успеха. Еще задолго до войны Дудаев на предложение известного

мусульманского общественного деятеля А. Джамо оставить республику прежде, чем грянет беда, в присутствии свидетелей нагло ухмыляясь: «Я уеду, когда выполню данное мне задание».

Никто и никогда не смог объяснить, почему Дудаева, ставшего во главе воевавших против России боевиков неоднократно видели в расположении российских войск в самый разгар войны. Да и как объяснить, что войной против России руководил посланец России?

Позже накопятся многочисленные наблюдения, обрисовывающие контуры тех сил, которые планировали использовать чеченскую войну для развала России. Это, однако, тема, выходящая за пределы настоящей статьи.

Между тем, есть множество свидетельств того, что целые отряды боевиков сотрудничали с федеральными войсками даже в период самых ожесточенных боев в июле-августе 1996 года: те и другие снабжали друг друга информацией, пропускали отдельные группы сквозь линию фронта в тыл друг друга для выполнения секретных заданий. Потом стали достоянием гласности факты, когда отдельные т.н. полевые командиры сознательно выставляли отряды несовершеннолетних добровольцев в качестве живого щита перед линией обороны своих соединений, заведомо зная, что необстрелянные подростки погибнут на абсолютно безнадежных для обороны позициях.

В августе 1996 г. чеченский отряд, имевший задание уничтожить документации по выплатам компенсаций, хранившиеся в отделе соцобеспечения Октябрьского района Грозного, свободно прошел сквозь позиции российских войск. Это подтверждается многочисленными свидетельскими показаниями очевидцев. Примеров подобного рода бесчисленное количество.

Мы не специалисты по истории войн, и не знаем, есть ли подобные примеры в истории другой войны, когда воюющие смертным боем вооруженные формирования по взаимной договоренности сторон проходили в тыл друг друга, и даже помогали друг другу. Это несообразно, абсурдно с точки зрения рациональной логики, разума. Это, несомненно, иррационально, а с точки зрения нравственной абсолютно аморально, с юридической стороны — преступно, так как разменной монетой в этой грязной коммерческой войне становится жизнь и смерть

гражданского населения, совершенно безвинных людей, которые не могут и не пытаются уже понять, кто с кем воюет, за что их убивают.

Вот эту ситуацию, когда разум не в состоянии дать рациональное объяснение происходящему, мы называем иррациональной ситуацией, театром абсурда. Не в плане мистификации и капитуляции перед всесилием абсурда. Можно понять, просчитать материальные, экономические, финансовые интересы тех, кто стоит за искусственно созданным хаосом, можно выявить виновников. Но с точки зрения традиционной нравственности, разума сама такая ситуация попиранья разума и морали иррациональна, абсурдна, но это не означает, что абсурд не имеет своего творца, что он — только слепое проявление стихии: это был такой абсурд, которым имел своего творца и «свою систему», как говаривал один из героев Шекспира.

Итак, чтобы заставить народ воевать, его сначала оскорбили.

Поначалу в средствах информации ему откровенно льстили: он и отважный, самый свободолюбивый, и непокорный, и рыцарски гордый, словом, весь букет добродетелей рыцарского кодекса. Другие средства информации, напротив, чернили народ. Тут шел в дело арсенал высказываний классиков русской культуры о горцах, которые выхватывались из контекста. Надо отдать должное, большинство деятелей русской культуры были весьма доброжелательны к горцам. Борзописцы стали тогда выдергивать из контекста строки великих творений. Один из номеров «Комсомольской правды» накануне первой чеченской войны вышел с аршинным заголовком «Злой чечен ползет на берег — точит свой кинжал». Слова из колыбельной М.Ю. Лермонтова, ну а с классиком кто станет спорить?!

С одной стороны, стравливали, готовили к войне, а с другой — пугали именем этого народа, изображали его жестоким, коварным, буйным, безудержным. Главное же в том, чтобы запугать одних, стравливать обоих. Так обманом, то грубой лезть, то откровенным оскорблением заставляли народ потерять самообладание и трезвость мысли; его упорно вели на заклание.

Для того, чтобы заставить народ воевать, надо было оскорбить честь и национальное достоинство, высказать угрозу его жизни и

начать систематическое уничтожение его массовыми бомбежками. Понадобилось уничтожить тысячи и тысячи мирных жителей, обратить в руины главные города и села республики, превратить в груды обломков школы, больницы, детские сады вместе с детьми, чтобы заставить чеченцев воевать, вынуждая их защищать своих близких, родные очаги, честь женщин.

Когда мы пишем, что в чеченских войнах наблюдаются глубоко иррациональные тенденции, мы имеем в виду такой абсурд, хаос, которые сродни тем несчастьям и бедам, которые высвободила Пандора из запретного ящика. Современные открыватели таких ящиков, подвижны в отличие от мифической Пандоры, отнюдь не любопытством, но куда более прагматическими интересами.

Однако даже и после бомбардировок мирного населения, настоящая война не получилась сразу — народ чувствовал к чему его подталкивают. В ноябре 1994 г. ситуация ноября 1991 года повторилась один к одному. И в октябре и в ноябре 1994 г. Дудаев сидел во дворце и денно и нощно заклинал население собираться на митинг в свою поддержку. И теперь, как и в ноябре 1991 года на митинг приходило 10-15 человек, вокруг которых периодически совершал бег с длинным шестом известный городской придурок с длинной козлиной бородой, самозванный лжепотомок шейха Мансура.

И тут, точно по расчету, затевается несообразный, не подготовленный, а точнее изначально запланированный на неудачу антидудаевский поход оппозиции на танках, ведомых российскими военными служащими. Старые, давно выработавшие свой ресурс танки, горели как спички. Есть данные о том, что маршрут движения танкистов был известен и пристрелен дудаевцами заранее. На этих маршрутах были заранее подготовлены огневые точки. Невозможно было придумать для Дудаева лучшего подарка, чем этот нелепый танковый поход. Только что всеми заброшенный и преданный, оставленный, даже частью obsługi, Дудаев вдруг вновь воспрянул, когда танки были подожжены, а оппозиция разбежалась. Он стал героем, победителем, враги позорно ретировались, а Дудаев, приготовившийся было бежать, вновь воссел в президентское

кресло. Его сторонники тотчас стали распускать слухи, что это угодно Провидению и Дудаев послан им. Так и во второй раз за неполные три года Центр буквально за уши вытащил катившегося в небытие Дудаева, организовав совместно с оппозицией тот нелепый танковый поход. Теперь Дудаев стал отцом нации, казалось, что только он и способен защитить республику; он везучий, он то сумеет защитить женщин, детей, стариков — говорили разосланные повсюду стукачи.

Условно можно назвать такие ситуации эффектом углубляющейся занозы. Здоровый инстинкт народа, чуть подсказывает ему, что ситуация чревата бедой, он пытается уйти от опасной черты и отказывается поддержать Дудаева, но тогда создается внешняя угроза в виде ЧП или похода оппозиции с участием российских военнослужащих и он вынужден возвращаться к правителю. Дело происходит так, как случается иногда с занозой: ее пытаются вытащить, а оно все глубже вонзается в тело.

Разница в том, что в нашем случае целый народ загоняли в молох войны обманным путем, искусно ставили его в такое положение, когда другого выхода не оставалось. Похожая ситуация складывается между прочим и в экономике с кредитами: для обслуживания старых долгов берут новые кредиты. Даже при условии реструктуризации старых долгов новых кредитов не хватает для выплаты долгов, а существенная часть их расхищается людьми, приближенными к финансовым потокам. В принципе стараниями таких людей страна оказывается в долговой яме: не успеют оплатить прежний долг очередным кредитом, как уже по этому кредиту надо платить и к недоплаченному прежнему присоединяется новый долг. Это очень похоже на ситуацию ростовщичества. Выплаты все нарастающих долгов — это тоже своего рода дурная бесконечность или иррациональные числа нарастающих долгов.

Иррациональная тенденция не является химерой, порождаемой большим травмированным сознанием загнанного в западню народа. Эта тенденция пропитывала все поры общества сверху до низу; по существу обреченных людей заставили играть трагические роли, но только не в театральной условности, а в превращенной в ирреальность жизни.

* * *

Рассмотрим теперь, как проявляется иррациональность войны на уровне поведения, жизни и смерти отдельных участников и жертв трагедии. Иначе, как иррациональным не назовешь различные лики этой войны, которые предстали простым людям, в разные периоды этой кровавой бойни.

В начале второй войны, осенью 1999 года большинство населения искренне приветствовало федеральные войска. Искренними и трогательными были демонстрировавшиеся по ТВ сцены, показывавшие как люди всех национальностей и возрастов, особенно женщины, обращались с вопросом к федеральным войскам: «А вы не уйдете больше? Вы не оставите нас как в прошлой войне?». Это спрашивали люди, страдавшие от беспредела бандитов: от похищений близких, от грабежей, убийств из-за угла, издевательств ваххабитов. Много людей выходило навстречу войскам, угощали хлебом, солью. Особенно радужными были настроения пожилых мужчин и женщин, у них сложилось впечатление, что возвращается советская армия, они выражали готовность помогать ей. Люди истосковались по России, с которой связана жизнь большинства из них от рождения: многие работали в России, учились и лечились в российских городах, были связаны с россиянами множеством деловых и родственных отношений. Спецслужбы сепаратистов называли таких чеченцев руссаками, ваххабиты — кяфирами и грозились повернуть, сломать им шеи или свернуть им головы в сторону России. Это говорилось открыто, через СМИ и даже на совещаниях по вопросам образования.

Их бросали в застенки, пытали, заставляли родственников собирать средства на их выкуп у тех же спецслужб. Кстати, чеченских заложников погибло в невольничьих подземельях в десятки раз больше, чем пришлых людей.

По мере развертывания боевых действий населению рекомендовалось покинуть Грозный и аулы в районе боевых действий. Законопослушные граждане двинулись вместе с детьми и частью домашнего скарба в сторону Ингушетии. Однако единственный контрольно-пропускной пункт не мог пропустить всех желающих, более того, он по несколько дней вообще закрывался. Старики, женщины с детьми, мирные граждане, не

принимавшие войны, оказались в чистом поле под открытым небом холодной дождливой осенью. А на дороги, ведущие в Ингушетию, выливались все новые и новые потоки беженцев, колонны выстраивались на десятки километров, задние напирали на впереди стоящих, начались болезни от переохлаждения и голода. И тогда федеральная авиация стала совершать авианалеты на незащищенные колонны. Погибло десятки и сотни людей и среди них бывший мэр Грозного, племянник бесноватого Дудаева. Людей расстреливали с воздуха, многие умирали от потрясений и болезней. Некоторые пытались повернуть обратно, но война была уже в полном разгаре и их уничтожали на обратном пути.

Потом пришли в Чечню контрактники, а вместе с ними и повальное мародерство, вымогательство, насилие, расстрелы гражданского населения без суда и следствия. Ряд случаев массовых убийств известен и зарегистрирован международными правозащитными организациями; есть обращение в Международный трибунал родственников безвинно расстрелянных мирных жителей; факты убийств доказаны, как бы ни открещивались военные. Иррациональность пропитывала войну с первого дня и проявлялась множеством ликов. Гражданское население было поставлено в безвыходное положение: попытаются вперед пройти — грабят и расстреливают федералы, назад пойдешь — убивают и федералы и ваххабиты.

Накануне и непосредственно в период двух чеченских кампаний Чеченскую республику покинуло более 700 тысяч человек, т.е. 2/3 довоенного населения республики. Основная масса русскоязычного населения стала покидать республику еще накануне первой войны.

Те, кто выехал из республики непосредственно перед началом первой войны, получили статус вынужденных переселенцев. Этот статус давал право хотя бы на какую-то компенсацию за утраченное жилье, имущество, право на работу и медицинское обслуживание. Однако статус вынужденного переселенца получили только выехавшие в период до ноября 1996 года. Все остальные — а их несколько сот тысяч человек — как бы зависли между небом и землей; у них вообще нет никаких прав. Они

убегали от войны, от верной гибели, немалое количество из них не хотело воевать против России, а некоторые были занесены дудаевцами, а потом и масхадовцами в проскрипционные списки. И вот когда они с невероятным трудом, лишениями добирались до российских городов, особенно до Москвы, Ленинграда их тотчас начинали травить как диких зверей: их ловили в общественном транспорте, на базарах, дома у знакомых и родных и во время задержания подбрасывали в карман гильзы, оружие, наркотики и дело передавали в суд. По таким делам задержек не бывало. В лучшем случае в период массовых облав и зачисток их сажали в поезда, автобусы дальнего следования после издевательств, побоев, зверских пыток и советовали никогда больше не показываться в российских городах. Им ничего не оставалось, как взять оружие; они не хотели воевать, а их заставили сознательно. Властями целого ряда городов были даны негласные указания всячески затруднять людям чеченской национальности регистрацию, трудоустройство, занятие предпринимательской деятельностью.

Беженцы из Чечни не хотели воевать против России и к боевикам они не имели никакого отношения. И вот люди, оказавшиеся без средств к существованию, лишённые возможности трудоустройства, нещадно битые, оскорбленные и озлобившиеся от несправедливости, вынуждены бывают возвращаться в Чечню. По существу, их насильственно принуждают братья за оружие. Всюду и везде говорят и пишут, что режим добивается умиротворения Чечни, а на самом деле подталкивают чеченцев снова братья за оружие. Была объявлена кампания по обмену документов. Предстояло срочно заменить документы дудаевско-масхадовского режима с изображением силуэта волка — государственного символа Ичкерии на общероссийские. Население расставалось с «волчьими» документами без сожаления. Однако обмен только начали и тотчас прекратили под предлогом, что нет больше бланков. И вот карательные органы, воспользовавшись этим, усилили тотальные зачистки и задерживали сотни молодых людей; избивали их, подвергали пыткам до тех пор, пока родственники не соглашались заплатить выкуп. У кого не было средств для этого, те пропали бесследно. В Чечне уже тысячи пропавших без вести, еще больше тех, кто бессудно расстрелян.

После долгой полосы издевательств, разрешили людям пользоваться временными справками, удостоверяющими личность. Но и за них надо было платить несколько сот рублей. У большинства людей, лишившихся в ходе войны и имущества, у не работающих несколько лет не было и этих денег. И вот новые зачистки и новые жертвы. Родственники считают, что им повезло, если удастся выкупить у федералов трупы бессудно расстрелянных, т.е. тех, кого захватили при зачистках, а потом расстреляли без суда.

Бывало так, что вернувшийся после бомбежек в свой дом человек обнаруживал его полностью разграбленным, если он пытался покинуть республику без документов, то его грабили на КПП, а чаще убивали. Загнанному человеку все казались врагами: и контрактники, и федералы, и ваххабиты, и боевики, он метался, оказываясь в смертельной западне. У человека в такой ситуации нередко сдавал рассудок, помешавшихся в этой войне было немало. Они утрачивали способность адекватно реагировать на окружающее, не могли даже понять, когда им давали команду: «Стой! Руки вверх». Их расстреливали без промедления, как это было с 20-летним Дангой из Урус-Мартана, 60-летним мужчиной Януркаевым Ахмедом из Валерика. Это только случаи, которые рассказали авторам настоящей работы люди, которым удалось спасти.

Все это зримые, трагически осязаемые проявления абсурда, который пропитал все поры общества, всю общественную и личную жизнь людей. Иррациональность — неизбежный спутник сепаратизма во всех его проявлениях.

Игорь Косиков

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР И ЧЕЧНЯ: О НОВОЙ СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ (формирование госаппарата)

Нынешний подход федеральной власти к урегулированию в Чечне заключается в комбинировании силовых и политических мер. Пока он недостаточно эффективен, а заявленное завершение контртеррористической операции на территории ЧР все время откладывается. Контуры политического решения чеченского конфликта также пока что четко не обозначены. Одна из узловых проблем здесь заключается в том, что Центр не видит реального авторитетного партнера для переговоров, который представлял бы и мятежную часть чеченцев, и их зарубежных покровителей. В то же время на федеральном уровне власти неоднократно было четко заявлено, что Чечня — неотъемлемая часть Российской Федерации, один из составляющих ее субъектов, хотя и больной, и наиболее проблемный. Отсюда логично вытекает линия поведения федерального центра — попытка формирования в Чеченской Республике местных органов власти и выстраивание системы отношений в сфере государственного управления и экономики на переходный период (до полного политического урегулирования конфликта). Эта новая система взаимных отношений исполнительной власти в Чечне с федеральными органами власти, подчеркнем еще раз, создается уже сейчас, до окончательного военного и политического урегулирования.

Рассмотрим важнейшие тенденции и проблемы становления новой системы отношений Центра с Чечней, как с субъектом РФ, который предстоит постепенно реинтегрировать в общегосударственное правовое и экономическое пространство.

Тенденции и проблемы формирования системы органов власти на переходный период

Прежде всего о том, что происходит в сфере госуправления. Предпринимаются попытки выстраивания властной вертикали, включающей в себя в порядке соподчиненности и отчетности все звенья управления, в том числе местного управления в Чеченской Республике. Задача формирования новой власти решается федеральным центром сложно, методом проб и ошибок. Те или иные управленческие схемы периодически корректируются, пока нет целостного видения будущих контуров мирной республики в составе Российской Федерации.

В период с конца 1999 г. и по настоящее время концепция госуправления в Чечне, какой она видится из Центра, неоднократно менялась.

На начальном этапе проведения контртеррористической операции, осенью 1999 г. уже стоял вопрос об органах гражданского управления на освобожденных от боевиков территориях, в основном, в северных районах Чечни. Тогда же Москвой был назначен спецпредставитель Правительства РФ в Чеченской Республике в ранге вице-премьера — Николай Кошман. Представительство Правительства России в Чечне являлось органом исполнительной власти, призванным решать первоочередные задачи по налаживанию мирной жизни в республике. По кадровому составу оно в значительной мере было укомплектовано выходцами из команды Д.Завгаева, промосковского главы Чечни в период 1995-1996 г., при котором были расхищены крупные суммы денег, выделенные республике из федерального бюджета на восстановительные цели. Институт спецпредставителя Правительства РФ просуществовал в Чечне до середины 2000 г., и по указу президента В. Путина был заменен в июне на временную администрацию ЧР.

Идея формирования в Чечне местных структур исполнительной власти, лояльных центру, зародилась еще весной 2000 г., после выборов президента в Российской Федерации. Новая администрация в Кремле, не удовлетворенная деятельностью Н. Кошмана, долго и сложно подыскивала подходящую кандидатуру среди чеченцев. В результате многочисленных консультаций и согласований Президент РФ

издал Указ «Об организации временной системы органов исполнительной власти в Чеченской Республике» (№ 1071 от 8 июня 2000 г.)¹. Было упразднено Представительство правительства РФ в Чечне, образована временная администрация ЧР, утверждено «Положение об организации временной системы органов исполнительной власти в Чеченской Республике»².

В соответствии с Положением, во временную систему органов исполнительной власти в Чеченской республике, вошли:

Администрация Чеченской Республики

Территориальные органы федеральных органов исполнительной власти (пункт 4).

Все без исключения временные органы исполнительной власти назначались на тот период из Москвы, включая Главу администрации, о чем четко сказано в пунктах 5 и 6 данного Положения:

«Федеральные органы исполнительной власти для осуществления своих полномочий создают на территории Чеченской Республики свои территориальные органы и назначают в установленном порядке соответствующих должностных лиц».

«Администрация включает в себя органы исполнительной власти Чеченской республики, администрации районов и населенных пунктов Республики. Глава Администрации исполняет обязанности руководителя высшего исполнительного органа государственной власти Чеченской Республики. Глава Администрации назначается на должность и освобождается от должности Президентом РФ, подотчетен и подконтролен Президенту РФ и Правительству РФ и осуществляет полномочия исполнительной власти, за исключением полномочий, относящихся к компетенции территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации».

Кроме того, контроль за деятельностью временной администрации обязан был осуществлять полпред Президента РФ в Южном Федеральном округе.

Таким образом, летом 2000 г., впервые после длительного периода безвластия и беззакония в Чечне появилась местная

исполнительная власть, непосредственно подчиненная высшему руководству страны. Правительству РФ предписывалось обеспечить финансирование и деятельность новой администрации республики и территориальных органов федеральных министерств и ведомств в Чеченской Республике.

Главой временной администрации ЧР президент РФ назначил Ахмада Кадырова, занимавшего до этого пост муфтия Чечни. По мнению многих наблюдателей, А. Кадыров не стал фигурой, консолидирующей чеченское общество, сумев заручиться поддержкой лишь определенной части его тейпов. Потенциальным противником А. Кадырова в самой Чечне был и остается Бислан Гантамиров, назначенный мэром г. Грозного. Для Б. Гантамирова серьезной опорой стали как свои, подчиненные ему чеченские милицейские формирования, так и некоторые руководители российских силовых структур, о чем много писали отечественные и зарубежные СМИ.

Процесс передачи власти от администрации Н. Кошмана к администрации А. Кадырова проходил весьма болезненно и сопровождался взаимными претензиями, а также финансовыми скандалами. Планы начального периода восстановительных работ, намеченных еще при Н. Кошмане, новой чеченской администрацией были фактически сорваны, и прежде всего, это касалось г. Грозного, куда должны были переехать представительства федеральных и республиканских структур власти.

В этих условиях то и дело появлялись слухи о том, что федеральный центр рассматривает вопрос о снятии А. Кадырова с должности главы временной администрации, что подыскиваются другие кандидатуры. В российской прессе даже проходила информация о том, что после проверок Счетной палатой освоения средств на восстановление ЧР и последующей констатации неудовлетворительного положения дел в этой области, Москва рассматривала вариант возврата к управлению через Представительство Правительства РФ в Чечне. Сам же глава временной администрации — А. Кадыров — упорно и последовательно добивался от федеральных властей преобразования своей администрации в полноценное правительство Чечни, способное самостоятельно формировать

кадровый состав исполнительной власти в республике и распоряжаться выделяемыми из бюджета РФ финансовыми потоками. Но в Москве к этим предложениям А. Кадырова относились очень осторожно и повышать его статус никто не спешил.

Проработка различных вариантов управленческих схем для Чечни, которая велась в федеральном центре в течение 2000 года, отражает, на наш взгляд, несколько моментов, осложнявших принятие решений. Это, во-первых, отсутствие четкого представления по проблеме политического урегулирования и будущего статуса Чечни в составе Российской Федерации. Во-вторых, сохранялось определенное недоверие к республиканским властям, которым оказалось не под силу консолидировать чеченское общество, сильно дифференцированное, особенно в результате войны, на группы по интересам. И, в-третьих, этому мешала внутривнутриполитическая конъюнктура в самой России в год президентских выборов. Стоит напомнить, что отстранение Н. Кошмана по времени совпало с переизбранием Президента в России, когда чиновники в президентской администрации пожелали иметь дело с новым, подконтрольным им человеком. Нельзя не упомянуть и о влиянии, на Чечню, всего процесса выстраивания «властной вертикали» в РФ, начатого В. Путиным. Наряду с назначением временной администрации ЧР в 2000 году было введено промежуточное управленческое звено между региональной властью и федеральным центром — институт полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, в семи новых, укрупненных административно-территориальных образованиях на карте России. В этих условиях временная администрация Чечни в своих действиях оказалась подконтрольна не только Москве, но и полпреду в Южном федеральном округе В. Казанцеву, имеющему ранг вице-премьера и курирующему весь Северный Кавказ. Тем самым статус главы временной администрации Чечни снизился даже по сравнению с полномочиями специального представителя правительства РФ в Чечне. В этой связи понятно и упоминавшееся нами стремление чеченских властей на местах поднять уровень их компетенции до уровня полноценного правительства ЧР — самостоятельной исполнительной власти в

республике. Как выглядит система органов власти в Чечне при временной администрации и как она взаимодействовала с федеральной властью? Анализируя сложившуюся к концу 2000 г. систему исполнительных органов в Чеченской республике, невольно приходишь к выводу о том, что действенная управленческая вертикаль, к созданию которой стремится федеральный Центр, так и не была выстроена. Существовал некий «властный гибрид». В чем это конкретно проявлялось:

полномочия гражданских властей в ЧР отчасти пересекались с функциями силовых структур федеральной власти (МВД, Минобороны и др.);

не до конца были разграничены сферы полномочий и компетенции Временной администрации ЧР и аппарата полпреда в Южном федеральном округе;

исполнительная власть в республике не обладала необходимыми финансовыми и материальными ресурсами для выполнения поставленных перед нею задач в рамках собственных полномочий, так как эти ресурсы по-прежнему концентрировались в Центре и распределялись федеральным правительством;

отсутствовали законодательная и отчасти судебная ветви власти;

Приведем лишь несколько примеров в подтверждение этих тезисов. Глава временной администрации не мог самостоятельно назначать глав районов, все кадровые изменения на уровне районов проходили только после согласования с военным комендантом — генералом И. Бабичевым, утвержденным Москвой. В конце сентября 2000 г. А. Кадыров был лишен такой своей прерогативы, как самостоятельно назначать чиновников в администрацию республики. Поскольку полпред в Южном федеральном округе (ЮФО) — В. Казанцев своим собственным распоряжением создал так называемую аттестационную комиссию для кандидатов в исполнительные органы власти всех субъектов, входящих в состав ЮФО³, А. Кадыров, который ранее согласовывал с полпредом Президента РФ в ЮФО лишь ключевые фигуры, после образования комиссии по кадрам должен был отныне утверждать совместно с В. Казанцевым любую кандидатуру в республиканскую администрацию. Кроме

того, комиссия занималась переаттестацией уже назначенных главой администрации Чечни руководителей, чтобы «выявить несоответствующих должностям по деловым и моральным качествам». В республиканскую комиссию по отбору кандидатов на должности в исполнительных органах власти входят представители Управления по налогам и сборам, УФСБ, МВД, Минюста РФ, возглавляет ее военный комендант — генерал-лейтенант И. Бабичев. Такие же комиссии, по образцу республиканской, предполагалось создать в каждом районе Чеченской республики. Таким образом, кадровая политика чеченской администрации полностью находилась под контролем Центра, в т.ч. федеральных силовых структур, прежде всего военных.

Незавидным было положение временной администрации и в финансовом отношении. Реальных средств из бюджета федерации для выполнения программ восстановления в рамках своих полномочий она почти не имела. В постановлении правительства Российской Федерации⁴, принятом во исполнение Указа Президента от 8 июня 2000 г., первым пунктом было записано, что администрация ЧР — «главный распорядитель средств федерального бюджета, предназначенных для финансирования Чеченской Республики» и предписывалось открыть ей счет в органах федерального казначейства, на который будут поступать бюджетные средства. В то же время в указанном постановлении содержалось положение о том, что до утверждения комплекса первоочередных мер по обеспечению нормального функционирования экономики и социальной сферы Чечни в 2000 году (а его приняли лишь в конце августа) финансирование всех расходов будет осуществляться на основании распоряжений Правительства России, через органы казначейства по расчетам, представленным временной администрацией.

Отношение к этой ситуации в самой Чечне разное. От многих чеченцев приходилось не раз слышать, что на переходный период руководителем в республике должен быть кто угодно, но только не представитель титульной нации. Критикуют личность самого А. Кадырова, вспоминают его прошлое. Некоторые представители чеченской политической элиты считают, что

возглавить исполнительную власть в республике должен был высококлассный специалист, знающий местную специфику, достаточно популярный среди жителей ЧР, но не чеченец, неизбежно связанный клановыми и групповыми обязательствами. Прямо противоположное мнение — как можно скорее установить в Чечне работоспособную власть, состоящую преимущественно из самих чеченцев — неоднократно высказывал мэр Грозного Б. Гантамиров и называл это «чеченизацией конфликта»⁵. Без этого, по мнению Б. Гантамирова, трудно будет завершить войну, но переход к «чеченизации» власти зависит от политического решения в Москве. Б. Гантамиров ставит проблему управления широко, говоря о всей системе и имея в виду, в первую очередь блок силовых структур. До сих пор его основу составляли прикомандированные на три месяца служащие внутренних войск и Федеральной службы безопасности, тогда как собственных силовых структур власти Чеченская республика не имеет, в том числе и в северных, давно освобожденных от боевиков районах. Б. Гантамиров считает, что уничтожать чеченских бандитов должны сами чеченцы — те, кто настроен пророссийски, а это — не меньше половины населения ЧР. По мнению Б. Гантамирова, такой подход требует создания МВД Чеченской республики и внедрения в сознание народа идеи, что идет война между бандитами и честной властью, а не между русскими и чеченцами, но этому мешает недоверие к чеченцам со стороны федеральных властей.

Похоже, что Б. Гантамиров был отчасти прав, заявляя о существующем недоверии, так, например, хорошо известный в Чечне генерал В. Шаманов заявлял, что Чеченской республике остро необходимо иметь свое Министерство внутренних дел, но это должно быть не «МВД Кадырова или Гантамирова», а республиканское МВД, находящееся под началом федерального министерства⁶. Создание федеральной структуры МВД, постоянно действующей на территории Чечни и управляемой из Центра необходимо, по мнению В. Шаманова, чтобы «защитить действующую администрацию А. Кадырова и не позволить отдельным руководителям республики создать партизанские карманные отряды»⁷. Сам же А. Кадыров хотел бы иметь именно свою, чеченскую милицию: в подготовленных осенью 2000 г.

временной администрацией ЧР предложениях В.Путину по формированию республиканского правительства, отмечалось, что «для восстановления порядка в республике необходимо опираться не на войска, а на подразделения чеченской милиции; для этого усиливать республиканское МВД — призывать в ряды милиции чеченцев и оснащать их оружием и техникой»⁸. На это предложение резко отреагировал помощник Президента РФ С. Ястржембский: «Откровенно говоря, я слабо представляю эффективную работу чеченских милиционеров против чеченских же боевиков»⁹.

Некоторые высокопоставленные чиновники в Москве также резко выступали против создания в Чечне самостоятельной судебной системы. Так, на заседании специальной комиссии Госдумы¹⁰ генеральный прокурор РФ В. Устинов поставил под сомнение объективность судей чеченской национальности¹¹. Лишь в конце 2000 г., накануне посещения Чечни делегацией ОБСЕ, федеральный центр дал разрешение на формирование в Чечне районных судов.

Первые суды общей юрисдикции начали работу в ЧР с 27 декабря 2000 г.; к началу февраля 2001 г. насчитывалось 10 районных судов в четырех районах, а в перспективе их число должно увеличиться до 15. Верховный суд республики расположен в г. Гудермесе. Судьи республиканского и районных судов — всего 22 человека — назначены пока временно, сроком на 1 год, по распоряжению председателя Верховного суда РФ В.Лебедева. Фактически свои прежние должности заняли те, кто прежде работал в чеченских судах. В дальнейшем планируется увеличить количество судей до 57 человек — столько было в Чеченской Республике в довоенное время, а уже назначенным продлить срок судейских полномочий¹². Нынешний временный статус судей в ЧР, опять-таки связан с переходным характером органов местной власти, поэтому регулируется «сверху», из Москвы и, если подходить строго, то не вполне в соответствии с Конституцией РФ. По действующему российскому законодательству кандидатуры судей в субъектах федерации должны быть согласованы с местными законодательными органами власти, но в Чечне парламент не избран. По самым оптимистичным прогнозам выборы могут состояться в конце 2002-2003 года. Пока же во многих сельских районах фактически

действуют законы шариата и обычаи, которые для многих местных жителей выше российской Конституции, что создает трудности и с исполнением судебных решений.

Прокуратуры в Чечне начали работу раньше, чем районные суды — еще в I-ом полугодии 2000 г. На этих должностях — в основном граждане из других районов России, которые приезжают как во временную командировку (по «вахтовому методу»). Постоянно находится в Чечне, в г. Гудермесе только прокурор республики — В. Чернов.

Институт прокуроров, как важнейшая составляющая судебной власти, сталкивается в своей работе с серьезными объективными трудностями, в том числе с противодействием различных федеральных ведомств, особенно силовых. Дело в том, что за 2000 год немало уголовных дел было возбуждено по фактам нарушений законности среди российских военнослужащих, особенно воюющих в Чечне по контракту (мародерство, разбой, убийства), а такие уголовные дела военное командование старается «замять»¹³.

В российских СМИ проходила информация о том, что в Кремле на каком-то этапе склонялись к идее кардинально увеличить военную составляющую в управлении Чечней¹⁴, в связи с тем, что обстановка в республике пока не отвечает стандартам мирного времени, а следовательно, трудно полагаться только на временную администрацию. Возможные изменения в этом случае предполагали введение предложенного Госдумой поста спецпредставителя Президента РФ по Чеченской Республике¹⁵. На эту должность, в частности, прочили командующего Северо-Кавказским военным кругом Г. Трошева, к которому могли бы перейти все реальные рычаги управления республикой (в первую очередь, финансовые)¹⁶. В этом случае у главы временной администрации могли бы сохраниться чисто представительские функции, не исключалось, что в дальнейшем саму эту должность и аппарат администрации ЧР предполагалось и вовсе упразднить. Но подобный вариант системы управления был все-таки отклонен (если он вообще когда-либо существовал).

В середине ноября 2000 г. В. Путин и А. Кадыров на встрече в Ростове-на-Дону обсуждали проект федерального закона «Об организации временных органов государственной власти в Чеченской Республике» (как известно, первоначальный вариант

Госдума отклонила)¹⁷. В новой редакции закона статус местной администрации предлагалось приравнять к статусу республиканского правительства, что расширяло бы полномочия самого главы администрации. Этого Кадыров добивался давно: он настойчиво напоминал Кремлю, что у главы Чечни, помимо ответственности, должны быть и реальные полномочия, а в дополнение к действующим в ЧР федеральным органам исполнительной власти должно быть создано республиканское правительство. В проекте содержались и другие важные предложения по усилению позиций временной администрации. Но, несмотря на инициативы чеченской стороны до конца прошлого года крупных изменений в системе управления Чеченской Республикой не произошло. Этому мешали и активизация военных действий со стороны боевиков, отвлекающая силы и средства от мирного строительства, и неразбериха с федеральными программами помощи республике (в т.ч. с расчетами объемов конкретных средств на восстановление), и перманентные противоречия среди пророссийски настроенных чеченцев, уже наделенных полномочиями руководителей органов власти и др. К активным изменениям в системе госуправления Чечней федеральная власть приступила на рубеже 2000-2001 годов. Первым шагом в этом направлении стало введение в ноябре 2000 г. новой должности в федеральном правительстве — министра РФ по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти (министерств и ведомств), задействованных в процессе восстановления и социально-экономического развития Чеченской Республики¹⁸. На эту должность был назначен В. Елагин¹⁹. Главной функцией нового министра должно стать обеспечение слаженной работы федеральных министерств и ведомств, которым поручено выделять необходимые ресурсы, осуществлять восстановительные работы, организовывать снабжение населения и т. д. Всего в настоящее время, по нашим подсчетам, в программе восстановления экономики и социальной сферы Чечни постоянно участвуют более 20 министерств и ведомств. Работа нового министра РФ тесно связана и с деятельностью администрации Чечни, по заявкам которой уточняются объемы ресурсов, выделяемых из Центра. Совместными усилиями федеральное руководство, усиленное

специальным «министром по Чечне», и власти ЧР должны добиться реальных улучшений жизни чеченского населения, обеспечить возвращение в места прежнего проживания вынужденных переселенцев — так поставлена задача, от решения которой зависит исход силовой кампании в республике.

Следующим важным политическим решением Кремля стала окончательная выработка принципиальной позиции по отношению к администрации А. Кадырова: не менять, а укреплять. В январе 2001 г. В. Путин подписал Указ «О системе органов исполнительной власти Чеченской Республики»²⁰. Этим документом внесены серьезные изменения в предыдущий указ по Чечне (от 8 июня 2000 г.), и намечены дальнейшие изменения в сфере госуправления:

бывшая временная администрация получила статус постоянной и отныне именуется просто «администрация ЧР»;

в Чечне, как и во всех других субъектах Российской Федерации формируется собственное правительство;

финансирование республики будет осуществляться из федерального, а в ближайшем будущем, по мере восстановления экономики, и из собственного бюджетов.

Председателем правительства (премьером) Чечни был назначен С. Ильясов, уроженец Ставропольского края, хорошо знающий Северный Кавказ и Чечню.

В соответствии с указом от 19 января, прописаны статус главы администрации и правительства Чечни (пункт 6): «Глава администрации исполняет обязанности высшего должностного лица ЧР», а «Председатель правительства ЧР — это заместитель главы администрации, и он назначается на должность и освобождается с должности непосредственно главой администрации по согласованию с полномочным представителем Президента РФ в Южном федеральном округе. Председатель правительства осуществляет полномочия руководителя высшего исполнительного органа государственной власти Чеченской Республики».

Функции главы администрации ЧР включают: формирование правительства Чеченской Республики, утверждение положения об администрации и ее структуре; общее руководство деятельностью администрации; представительство ЧР в отношениях с федеральными органами государственной власти, с

органами госвласти субъектов РФ и с органами местного самоуправления; формирование аппарата главы администрации²¹. Кандидатуры в правительство республики глава администрации подбирает и назначает не единолично, а по согласованию с полпредом Президента РФ в ЮФО.

Функции правительства ЧР заключаются в следующем: разрабатывать и осуществлять меры по обеспечению комплексного социально-экономического развития Чеченской Республики, участвовать в проведении единой государственной политики в области финансов, образования, здравоохранения, социального обеспечения и экологии; осуществлять в пределах своих полномочий меры по защите прав и свобод человека и гражданина, охране собственности и общественного порядка, по борьбе с преступностью; представлять Администрацию ЧР в качестве главного распорядителя средств федерального бюджета для целей финансирования республики; исполнять бюджет Чеченской Республики и готовить отчет об исполнении указанного бюджета, а также отчитываться о выполнении программ социально-экономического развития Чеченской Республики для представления их в Правительство РФ; формировать иные органы исполнительной власти ЧР, управлять и распоряжаться собственностью Чеченской Республики и др.²².

Проведенные изменения в системе органов республиканской власти — наделение администрации ЧР широкими полномочиями и создание правительства — безусловно свидетельствуют о том, что вопросы социально-экономического и политического урегулирования выходят в Чечне на первый план. Это — большая заслуга федеральных властей, хотя окончательного завершения военной стадии операции, по-видимому, придется ждать еще долго. Тем не менее, впервые появились предпосылки для разработки Конституции республики и нормативной базы для проведения выборов. По заявлению А. Кадырова, разработкой Конституции и подготовкой к выборам займется специальный консультативный совет²³. Какой республикой станет в перспективе Чечня — президентской или парламентской — должен будет определить общечеченский референдум. Никто также пока не берется прогнозировать и сроки, когда будут избраны местные органы власти.

Если выборы и принятие республиканской Конституции, при самых благоприятных условиях проведения контртеррористической операции — все же среднесрочная перспектива, то в ближайших планах руководства Чечни, по заявлению А. Кадырова, — создание республиканского МВД, которое наравне с федеральными спецслужбами возьмет на себя ответственность за проведение спецопераций и сокращение группировки федеральных войск. В настоящее время в Чечне действует территориальное управление российского МВД по ЧР.

В Кремле благожелательно воспринята идея сокращения регулярных войск в зоне конфликта и необходимости определения политического статуса ЧР²⁴. По имеющейся информации, подготовлены предложения по сокращению численности войск из федеральных соединений на постоянной основе останутся в республике 42-я мотострелковая дивизия численностью 15 тыс. чел. и бригада внутренних войск МВД (численностью 6-7 тыс. чел.)²⁵. В Чечне продолжит находиться пока и дополнительный воинский контингент, который будет выводиться постепенно, по мере создания соответствующих условий. Кроме того, в соответствии с Указом В.Путина²⁶, создается оперативный штаб по управлению контртеррористическими операциями под руководством директора ФСБ Н. Патрушева. Впервые за время чеченской войны ФСБ становится во главе всей группировки силовиков и берет на себя ответственность за всю контртеррористическую операцию. Наблюдатели уже дали определение новой формуле управления Чечней — «республиканская администрация плюс ФСБ»²⁷.

К середине февраля 2001 г. Правительство ЧР еще не было окончательно сформировано. Кабинет министров размещается пока в г. Гудермесе, но твердо намерен переехать в г. Грозный. В составе правительства, которое планируется укомплектовать до конца марта, будут и функционеры, осуществляющие координацию деятельности федеральных силовых структур в республике.

Утвержденный 10 февраля кадровый состав Правительства республики, включая на тот момент: Председатель правительства (назначенного Москвой) — С. Ильясова и 7 его заместителей, курирующих 34 отраслевых министерства и ведомства. Среди вновь

создаваемых в Чечне министерств пока нет Министерства внутренних дел, как ни добивалась этого администрация республики.

На посты двух первых заместителей Председателя Правительства (вице-премьеров) утверждены Х. Идрисов и В. Алексенцев. Первый был министром сельского хозяйства в правительства Д. Дудаева; В. Алексенцев имеет опыт работы управляющего делами в правительства Ставропольского края; в новом кабинете он руководит аппаратом правительства ЧР. Еще одним вице-премьером, курирующим силовые структуры, назначен Герой России — полковник Ю. Эм, командовавший парашютно-десантным полком. Министром печати стал В. Василенко (из Москвы), министром культуры — М. Осмаев, бывший главный редактор районной газеты Гудермесского района и замминистра информации и печати в правительстве Д. Завгаева. Среди вероятных кандидатов в правительство называют также такие имена как: А. Бугаев — работал в правительстве Д. Завгаева вице-премьером по социальным вопросам. В настоящее время выполняет обязанности заместителя А. Кадырова; Н. Дааев — бывший начальник строительно-ремонтной организации «Автодор»; Н. Магомадов — бывший заместитель полпреда РФ в Чечне²⁸.

Подбор кабинета министров ЧР, формально порученный Председателю правительства, фактически жестко контролируется федеральным центром. Утверждает кандидатов специальная кадровая комиссия, в состав которой входят: военный комендант Чечни, руководитель УФСБ по Чеченской республике и заместитель главы администрации ЧР. В правительстве ЧР помимо чеченцев есть русские, украинец, кореец, еврей и др.

Помимо собственного правительства в Чечне ожидается создание консультативного органа — Совета Безопасности. Его возглавит замглавы администрации республики — А. Дудаев²⁹. Этой структуре придается важная роль, как авторитетному совещательному органу, члены которого будут в то же время нести ответственность за принятие решений.

О явных признаках некоторой нормализации жизни в Чечне свидетельствует начало паспортизации местных жителей, совпавшее с проведением по всей стране паспортной реформы - замены прежних документов на российские паспорта. Следует

подчеркнуть, что в последние 7-8 лет на территории ЧР паспорта вообще не выдавались, ни старые «советские», ни новые «российские». Получить паспорт образца 1974 года можно было лишь на коммерческой основе — купив его за 300 долларов³⁰. В результате многие чеченцы в возрасте от 16 до 22 лет имеют лишь свидетельство о рождении. Сейчас в Чечне идет плановая замена паспортов. Тем ее жителям, что волею судеб оказались без документов за пределами республики, например, в лагерях беженцев в Ингушетии, выдают временные удостоверения личности. Обмен и выдачу паспортов жителям Чечни почти полностью осуществляют федеральные службы — сотрудники паспортно-визовых отделов МВД РФ и органы ФСБ. В 2001 г. жители Чечни смогут получать и заграничные российские паспорта. По данным МВД РФ, на начало года в Чечне уже более 80 тысяч граждан получили российские общегражданские паспорта нового образца, еще 120 тысячам человек выданы временные удостоверения личности, 160 тыс. граждан прошли перерегистрацию³¹.

Благодаря совместным действиям федеральных структур и администрации Чечни, отвечающих за безопасность в республике, ситуация, хоть и медленно, но постепенно нормализуется. Явный прогресс наметился при президенте В. Путине, что признают в том числе и международные организации (ОБСЕ). Так, в интервью газете «Век», полпред Чечни при президенте РФ Шамиль Бено заявлял: «В последнее время политические решение по Чечне в общем и целом не вызывают нареканий. Этому способствует и то, что во главе Кремля стоит разумный политик, и то, что в ходе принятия этих решений центральная власть обычно консультируется с чеченской администрацией. Чтобы ситуация в республике стала полностью управляемой, власть должна показать, что она действительно сильна, и люди могут на нее положиться. Для этого нужны предельно четкие, грамотные, продуманные действия по защите прав граждан РФ, проживающих на территории Чеченской Республики»³².

От характера и качества системы управления республикой напрямую зависит не только стабильность в Чечне, но и эффективность использования выделяемых ей немалых средств. В текущем 2001 году на восстановление республики и

социальные выплаты ее населению предполагается направить более 14 млрд. руб.³³ Между тем опыт «восстановления» в 1995-1996 гг. и реализации первоочередных мер по созданию нормальных условий жизни в республике в период 1999-2000 гг. пока следует признать негативным. Поэтому и в этой сфере от федерального центра ожидают оптимизации решений.

Проблемы взаимодействия федеральных и республиканских органов власти в процессе восстановления экономики и социальной сферы ЧР

Несмотря на неурегулированность чеченского конфликта, продолжающиеся военные действия и террористические акции, федеральный центр планирует и частично уже осуществляет меры по восстановлению экономики и социальной сферы.

Еще осенью 1999 г., после первых успехов контртеррористической операции, Чечне были выделены средства из бюджета РФ для поддержки мирного населения в освобожденных районах, поступавшие на специальный счет, открытый в отделении федерального казначейства в г. Моздоке (Северная Осетия-Алания) для Постоянного представительства правительства России в Чечне. В ноябре-декабре 1999 г. было перечислено 102,2 млн. руб. «для решения социальных проблем республики» и дополнительно — 230 млн. руб. — на восстановительные работы в северных районах ЧР — Надтеречном, Наурском и Шелковском³⁴. Средствами федерального бюджета распоряжалось в тот же период Постпредство правительства РФ во главе с Н. Кошманом, перед которым были поставлены задачи — обеспечить работающих в бюджетной сфере (прежде всего учителей и врачей) зарплатой, выплатить задолженности, накопленные с начала 1999 г. по пенсиям и социальным пособиям для детей и инвалидов, начать работы по восстановлению жилищного фонда, дорог, энергосистем и прочей жизнеобеспечивающей инфраструктуры.

На 2000 г. расходы в федеральном бюджете на финансирование Чеченской Республики первоначально предусматривались в ограниченном масштабе и только по следующим направлениям: целевая помощь по выплате детских пособий — 516 млн. руб. (из фонда федеральной поддержки

регионов); создание фонда поддержки завоза нефтепродуктов и продовольствия — 58 млн.; выплата компенсаций за утраченное жилье и имущество — 428 млн. руб.

Таким образом, еще до завершения военной операции федеральный центр считал нужным запланировать расходы на Чечню и профинансировать их, считая территорию республики неотъемлемой частью России, а проживающих там мирных граждан — гражданами РФ. Твердая позиция руководства страны в данном концептуальном вопросе определяет и перспективу финансовых отношений: федеральный бюджет тратил и будет тратить значительные средства для приближения условий существования населения в Чечне сначала к минимально приемлемым, а в перспективе — к нормальным, среднероссийским.

Однако, с сожалением приходится констатировать, что в 2000 году затраты из бюджета в федеральном Центре на «мирную Чечню» были явно несопоставимы с реальными потребностями региона; более того, к началу года они и не просчитывались с необходимой тщательностью. Ведь в тот период велись активные военные действия, и немалые средства изыскивались в первую очередь для армии, войск МВД и т.п. Составить более или менее реалистичный план восстановительных мероприятий на 1-е полугодие 2000 г. было просто невозможно, т. к. в самой Чечне еще не было исполнительной власти, владеющей обстановкой на местах и взаимодействующей с Москвой. Первая федеральная правительственная программа по Чечне появилась лишь 29 августа 2000 г., уже после назначения местной администрации в республике.

Что же касается федерального финансирования в течение 2000 г., то поскольку в бюджете РФ-2000 не было статей расходов на Чечню в полном объеме (кроме трансфертов — 516 млн. руб.), становятся понятными во-первых, трудности, с которыми столкнулось Правительство РФ, изыскивая средства в «пожарном порядке», и, во-вторых, неизбежность в таком случае «нецелевых расходов». Российское правительство разработало схему, согласно которой финансирование Чеченской Республики в течение 2000 г. велось на основе перераспределения средств по некоторым плановым статьям федерального бюджета, плюс из внебюджетных источников.

Источниками дополнительных финансовых ресурсов для ЧР стали, в частности, повышенные общероссийские тарифы на использование электроэнергии, на железнодорожный транспорт, услуги телефонной связи; средства правительственного резервного фонда и некоторые другие. В первом полугодии 2000 г., по данным Минфина РФ, федеральный центр профинансировал восстановительные мероприятия в Чечне на общую сумму 846,6 млн. руб., а за 8 месяцев 2000 г. (январь-август) затраты федерального бюджета составили уже свыше миллиарда — 1138,8 млн. руб.³⁵. Часть из этих средств, как показали впоследствии проверки Счетной палаты, не были использованы по назначению или же из-за несовершенства финансовой системы и отсутствия банков в самой Чечне просто пропали.

Особые сложности с финансированием были отмечены в период перехода функций распоряжения федеральными средствами от Постпредства правительства РФ в Чечне к временной администрации, тем более, что остатки средств на счете Постпредства в Моздоке были заблокированы Центробанком РФ по причине обнаруженных финансовых злоупотреблений. После передачи в июне 2000 г. функций управления в ЧР от Постпредства к временной администрации, именно к последней перешли обязанности главного распорядителя предназначенных республике средств федерального бюджета и координатора всех восстановительных работ на ее территории. Предполагалось, что администрация ЧР должна была действовать под контролем и в тесном взаимодействии с федеральным центром, который сформировал для этих целей Правительственную Комиссию во главе с вице-премьером В. Христенко³⁶. Названная комиссия в Москве была призвана выполнять функции координации деятельности всех федеральных органов исполнительной власти, так или иначе имеющих отношение к Чечне. Мы подсчитали, что в восстановительных работах 2000 г. участвовали более двух десятков федеральных ведомств — министерств, госкомитетов, служб и фондов. (см. Табл. 1)

Таблица 1.

Федеральные ведомства, участвующие в процессе восстановления экономики и социальной сферы Чеченской Республики в 2000 г.

Правительственная комиссия по вопросам восстановления экономики и социальной сферы ЧР (главный координатор работ)

Ведомства	Функции и сферы ответственности
Пенсионный Фонд РФ	Социальная помощь населению
Министерство труда и социального развития РФ	
МЧС России	Мероприятия чрезвычайного характера по оказанию помощи вынужденным переселенцам и первоочередному жизнеобеспечению пострадавшего населения
Министерство РФ по делам федерации, национальной и миграционной политики	Восстановление энерго-, газо-, водоснабжения и канализации
Минэнерго России	Восстановление железных и автомобильных дорог, городского электрического и воздушного транспорта
Министерство путей сообщения России	
Федеральная служба железнодорожных войск РФ	Мероприятия в агропромышленной сфере
Минтранс России	Экологический контроль и ликвидация экологического ущерба
Министерство сельского хозяйства РФ	Восстановление лечебных учреждений и обеспечение их функционирования
Министерство природных ресурсов РФ	Восстановление учрежд. образования и обеспечение учебного процесса
Министерство здравоохранения РФ (с МЧС России)	Восстановление объектов связи и информационное обеспечение населения
Министерство образования РФ	
Министерство связи РФ	Развитие в республике физкультуры и спорта
Министерство РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций	
Государственный комитет РФ по физической культуре, спорту и туризму	Организация таможни Чеченской Республики
Государственный таможенный комитет РФ	Организация статистической службы и статистического учета
Государственный комитет РФ по статистике	Инвентаризация земель
Федеральная служба земельного кадастра России	
Министерство имуществ. отношений РФ	Инвентаризация имущества

Впоследствии, в дополнение к Правительственной Комиссии был введен новый пост в правительстве РФ — министра-координатора по Чечне (В. Елагин), что свидетельствует и о растущем масштабе восстановительных задач, и о сложностях контрольных и управленческих функций федерального центра на переходном этапе становления новой системы органов исполнительной власти в республике.

Федеральная Правительственная комиссия по Чечне совместно с Министерством экономического развития и торговли РФ подготовила к концу лета 2000 г. специальный документ — «Комплекс первоочередных мер по обеспечению нормального функционирования экономики и социальной сферы Чеченской Республики в 2000 году»³⁷. Из самого названия следует, что речь в нем шла только о первоочередных, «пожарных» мероприятиях, а не о восстановлении в той или иной степени хозяйства региона. «Комплекс...» — это план промежуточной стадии восстановительных работ. По их завершении планировалось начать собственно восстановление. Суммарный объем затрат на первоочередные мероприятия, согласно «Комплексу мер...» должен был составить в 2000 г. около 8 млрд. руб., причем, как предполагалось лишь 2,37 млрд. из них могли быть профинансированы за счет федерального бюджета, а остальное предстояло изыскать из внебюджетных источников. За счет внебюджетных средств должно идти восстановление объектов энерго- и газоснабжения, а также железнодорожного транспорта.

Итоги выполнения «Комплекса первоочередных мер..», или как его окрестили журналисты «программы восстановления жизнедеятельности республики» были проведены на заседании правительственной комиссии по Чечне, состоявшейся 28 декабря 2000 г. Министр В. Елагин заявил, что эта программа выполнена всего на 30% и, в основном, за счет средств федерального бюджета — т.е. по сути прямой финансовой помощи ЧР. Федеральное бюджетное финансирование обеспечивало регулярную выплату текущих пенсий во II-м полугодии 2000 г.³⁸.

В целом, за 2000-й год, несмотря на декларированный приоритетный характер работ по восстановлению экономики ЧР, их финансирование велось по остаточному принципу, особенно в I-м полугодии, когда было освоено лишь 10% запланированных

средств. К концу года ситуация относительно улучшилась, но, как видим, даже первоочередные мероприятия, намеченные федеральным правительством, удалось профинансировать менее, чем на треть от запланированных объемов. Безусловно, процесс восстановления Чечни существенно осложняется продолжающимися военными действиями, но главной проблемой в 2000 г. было также отсутствие четкой структуры управления восстановительным процессом, сформировать которую в силу разных причин до конца не удалось. Для оказания финансовой и материальной помощи республике необходимо иметь оперативно и слаженно работающую систему взаимодействия органов федеральной власти с исполнительными органами в республике. Эта система начала формироваться к концу минувшего года, а правительство Чечни как главный орган исполнительной власти, по всей видимости, будет окончательно сформировано только весной 2001 г. Финансово-экономические полномочия временной администрации долгое время существовали лишь номинально, а реальные функции сохранялись за территориальными органами федеральных министерств и ведомств, не подчиненных администрации Чечни.

Одним из наиболее сложных остается вопрос эффективного контроля за целевым использованием бюджетных средств и товарно-материальных ценностей, выделяемых на восстановление ЧР. Как отмечалось в ходе прошедших в Госдуме РФ в конце сентября 2000 г. парламентских слушаний по Чечне, такой контроль практически отсутствовал и имелись многочисленные свидетельства злоупотреблений. Эти факты установлены Генеральной прокуратурой РФ, проверки которой показали, что в ЧР сохранялись самые благоприятные условия для различного рода хищений и злоупотреблений. Во-первых, длительное время не функционировало специализированное на ЧР управление Федерального казначейства. Перечисление бюджетных денег шло прежде через «проблемные» московские банки, что способствовало «уводу» выделяемых средств. Во-вторых, местная банковская система как совокупность финансово-кредитных учреждений на всей территории ЧР отсутствовала. Банк России создал свои отделения лишь в виде «полевых учреждений» «а в военно-полевом отделении ЦБР,

расположенном в Гудермесе, открыты счета органов Федерального казначейства и государственных внебюджетных фондов по Чеченской республике. Но этого явно недостаточно, ибо отсутствие банков не позволяет свести к необходимому минимуму оборот наличных денег и сдерживает работу с перечислением безналичных средств. С этим же были связаны затруднения с организацией выплат пособий по государственному социальному страхованию. Перечисление в республику пенсий и социальных пособий осуществлялось с перебоями и распространялось только на работников, занятых в бюджетной сфере.

Все эти сбои в системе хозяйственного и финансового взаимодействия центра и Чечни предстоит срочно устранить, т.к. на ближайшую перспективу федеральное правительство выделяет республике немалые средства на восстановительные цели.

25 января 2001 г. была утверждена «Федеральная целевая программа восстановления экономики и социальной сферы Чеченской Республики в 2001 г.»³⁹. Она подготовлена Министерством экономического развития и торговли РФ (Минэкономразвития) в соответствии с поручением Президента РФ и по согласованию с Правительственной комиссией по вопросам восстановления Чечни. Работа над программой велась с октября 2000 г.; первоначально предполагалось, что она станет первым этапом выполнения долгосрочной, пятилетней программы восстановления, рассчитанной на 2001-2006 гг., но впоследствии от этой идеи отказались. Предварительные варианты федеральной целевой программы (ФЦП) на 2001 г. предполагали, что суммарные затраты составят 17 млрд. руб. (из них: в счет федерального бюджета — 9 млрд. руб., а 8 млрд. руб. — из внебюджетных фондов), а в последующих вариантах объемы расходов снижены до 15-16 млрд. руб.

В окончательном варианте утвержденной ФЦП суммарные затраты занижены до 14,7 млрд. руб., при этом пропорции бюджетных и внебюджетных средств пересмотрены радикально: всего 30% — 4,4 млрд. руб. предоставит федеральный бюджет, а остальное — внебюджетные фонды и примерно 5 млрд. «вложат отрасли»⁴⁰.

Основная цель Программы — «создание условий для обеспечения нормального функционирования социальной сферы и экономики Чеченской Республики»⁴¹. Важнейшие целевые направления и задачи — «организация энерго-, газо- и водоснабжения городов и населенных пунктов; восстановление жилых домов и объектов коммунального хозяйства; восстановление объектов здравоохранения, образования, культуры; восстановление транспорта; обеспечение функционирования средств массовой информации; создание условий для восстановления базовых отраслей экономики Чеченской Республики».

Резюмируя официальную формулировку, можно сказать, что перед властями ЧР стоят 3 основные задачи: жилье и рабочие места для населения, восстановление средств массовой информации, начало промышленного возрождения. На восстановление жилья выделено 1081 млн. руб., причем к его ремонту решено привлечь самих домовладельцев: им будут выделяться стройматериалы, оборудование, выплачиваться зарплата. Так, частично будет решена вторая задача — создание рабочих мест. Пока же на содержание потерявших жилье чеченцев выделено 500 млн. руб. и еще 63,7 млн. — на переоборудование общественных зданий на территории Чечни под пункты временного содержания беженцев.

На оплату общественных работ (предполагается, что будет создано 35 тыс. рабочих мест) запланировано выделить 17,1 млн. руб. То есть граждане ЧР должны будут получать за общественные работы (ремонт жилого фонда, обслуживание транспорта и связи, сельхозработы, ремонт дорог и разбор завалов и т. д.) — 489 руб. в год(!), причем в эти 17,1 млн. руб. входит, согласно программе, и содержание службы занятости. В первую очередь предстоит обеспечить население республики жильем, теплом, водой, транспортом, связью, продовольствием, товарами первой необходимости, создать условия для возвращения вынужденных переселенцев, численность которых может составить от 300 до 340 тысяч человек. Реализация программы предусматривает также восстановление предприятий стройиндустрии, агропромышленного и нефтегазового комплексов, торговли, общественного питания, бытового

обслуживания. Это позволит обеспечить занятость значительной части населения, наладить производство товаров для внутреннего потребления, создаст предпосылки для формирования республиканского бюджета.

Согласно федеральной целевой программе, на обеспечение выплаты пенсий и в Чечне в 2001 году предполагается выделить 1,1 миллиарда рублей. Выплаты пособий на детей предусмотрены в размере 312,96 миллиона рублей, пособия на погребение — 5,6 миллиона, компенсации льгот по федеральным законам «О ветеранах» и «Об инвалидах» — 46,52 миллиона. На содержание и питание жителей Чечни, «временно покинувших места своего проживания», потратят 500 миллионов рублей. Объем затрат на восстановление объектов энергетики оценивается в 2 миллиарда рублей.

Проведение строительно-восстановительных работ организуют государственные заказчики — федеральные органы исполнительной власти совместно с администрацией Чеченской Республики.

Если суммарно представить основные, наиболее крупные статьи затрат по Программе, то они выглядят следующим образом:⁴²

социальные расходы (пенсии, зарплата бюджетникам и др) — 1,5 млрд. руб.

восстановление жилья и возвращение вынужденных переселенцев — 1,5 млрд. руб.

восстановление транспорта, электричества, газоснабжения — 2,5 млрд. руб.

восстановление отраслей: АПК, нефтедобыча, стройиндустрия — 1,5 млрд. руб.

По оценке председателя правительства Чечни С. Ильясова, для восстановления нормальной жизни в республике сумма в 14 млрд. руб. явно недостаточна, а необходимо, как минимум, 40 млрд. руб. (1,5 млрд. долларов США), тогда как по данным Минфина РФ, затраты на контртеррористическую операцию в Чечне в 2000 г. составили около 60 млрд. руб.⁴³. На наш взгляд, приводимые С.Ильясовым затраты сильно занижены, если вспомнить, что в 1995-1996 гг. республике выделялось 3,5 млрд. долларов⁴⁴ на ликвидацию последствий первой чеченской войны

при гораздо меньших масштабах разрушений и потерь. По признанию вице-преьера В.Христенко, возглавляющего правительственную комиссию по Чечне, заложенные в Программу затраты на восстановление жилья — в 1,5 млрд. руб. составляют лишь 10-15% от требуемой суммы⁴⁵.

Но даже при этих заниженных затратах изыскать необходимые источники финансирования будет непросто. В федеральной целевой программе они перечислены: средства самой программы, внесенные в соответствующие статьи закона «О федеральном бюджете РФ на 2001 год»; финансовая помощь из Фонда федеральной поддержки (ФФП) субъектов РФ; доходы Чеченской республики, зачисляемые в федеральный бюджет; единый социальный налог; средства хозяйствующих организаций и прочие внебюджетные средства.

Поиск финансовых средств «на Чечню» заметно осложнился по сравнению с ситуацией середины 90-х годов. Тому есть минимум два объяснения. Во-первых, сегодня федеральный бюджет может быть только чистым донором для этого региона, ибо степень разрушений и дезорганизации хозяйства в ЧР не позволяет рассчитывать на поступление сколь-нибудь крупных сумм налогов из республики еще длительное время⁴⁶. Во-вторых, прогнозируемые нами грядущие сложности с финансированием Чечни из бюджета РФ просматриваются и в планируемых федеральным центром расходах на ее восстановление: затраты из внебюджетных фондов в 2001 г., как и в 2000 г., примерно вдвое превышают затраты из бюджета. Это свидетельствует о том, что суммарные расходы планируются исходя не из реальных бюджетных возможностей, а из желаемых (необходимых) затрат по сумме основных статей, тогда как в бюджет заложена лишь треть всей суммы.

Привлечение внебюджетных источников финансирования — трудноразрешимая проблема, как и задача заинтересовать частный бизнес. Если в первую чеченскую войну коммерческие структуры еще задолго до перемирия буквально конкурировали друг с другом за право участвовать в федеральной программе восстановления, то теперь ситуация совершенно иная. Во-первых, по замыслу разработчиков схемы финансирования, коммерческие банки и коммерческие страховые компании

заранее от него «отсечены» (превентивная мера против расхищения средств). Во-вторых, для частного бизнеса нет аналогичным прошлым «приманок» (доступа к чеченской нефти, экспортным квотам и к транзитному трубопроводу), а значит, нет и перспективы гарантированного быстрого получения прибыли от своих вложений в регион. Организация свободных экономических зон в Чечне (за которую ратуют некоторые сторонники быстрой аккумуляции инвестиций для республики) — пока нереалистичный проект.

С внебюджетными источниками и средствами хозяйствующих организаций, как показал опыт восстановления в 2000 г., все также обстоит непросто. Главные дополнительные средства правительство РФ намерено изыскать за счет таких монополистов как РАО «ЕЭС», ОАО «Газпром» и Министерство путей сообщения (МПС). Затраты «Газпрома» на восстановление газотранспортной системы составят почти 1 млрд. руб., а двух других компаний — по 2 млрд. руб. каждая на профильную инфраструктуру. В счет этих затрат федеральное правительство обещает компенсировать названным компаниям расходы путем увеличения тарифов для всего населения страны. Сами компании неохотно идут на затраты, так как не могут быть уверены в обещаниях правительства, а регулирование тарифов — не их право. Более мелкие компании — те самые «хозяйствующие субъекты», о которых сказано в Программе, могут оказаться в еще более сложном положении, что уже наблюдалось в 2000 г. Так, например, компания «Южэнерго» обеспечивала электроэнергией часть территории Чечни и в долг восстанавливала в республике районные электросети: формальным должником числилось объединение «Грозэнерго», давно не работавшая как самостоятельная структура, но являющаяся потребителем с чеченской стороны. На государственном уровне проблема взаимных расчетов между ведомствами пока не решена, и понятие «задолженность Чечни за российские ресурсы» оборачивается головной болью для конкретных организаций, работающих по правительственным заданиям в этом «проблемном» субъекте РФ. Очередной призыв правительства «поделиться с Чечней» в российских акционерных обществах энтузиазма не вызывает.

Правительство России работает сейчас над механизмом финансирования Программы — 2001 г. Планируется направить первые средства в марте с.г., но пока сохраняются препятствия: не согласованы интересы всех заказчиков — министерств и ведомств, и не отработан механизм контроля за расходованием бюджетных средств. По заявлению министра В. Елагина, система контроля будет включать несколько составляющих:⁴⁷

минимум перечислений бюджетных средств в виде «чистых денег» (только на зарплаты и пенсии), а в основном — материалами, оборудованием, ресурсами;

кроме официальных контролирующих органов, а также МВД, ФСБ и военного коменданта ЧР за расходованием средств должны следить и общественные организации;

прозрачность действий властей и общественного контроля: публикация Программы в прессе, ознакомление с ней каждого района Чечни, чтобы люди знали, когда и что будет восстановлено;

введение системы госприемки на восстановленных объектах.

Госкомстату РФ поручено ежемесячно предоставлять информацию о ходе работ и расходах⁴⁸. Правительство Чечни также намерено наладить жесткий контроль за прохождением денежных потоков, когда финансовые вопросы будут решаться коллегиально, с участием всех членов правительства ЧР и представителей территориальных управлений федеральных министерств и ведомств, включая казначейство и отделения Минфина РФ. В целях контроля за соблюдением бюджетного и налогового законодательства, а также предотвращения злоупотреблений все средства на восстановление экономики и социальной сферы Чечни, а также добровольные пожертвования должны зачисляться на счета органов федерального казначейства. Сводная смета доходов и расходов Чеченской Республики утверждается главой администрации Чеченской Республики по согласованию с Министерством финансов РФ. Расходы федерального бюджета на восстановление экономики и социальной сферы Чечни осуществляются в порядке, установленном для получателей средств федерального бюджета⁴⁹.

Сегодня в российском обществе по-прежнему нет единодушия по поводу помощи Чеченской Республике. Во многих регионах России люди живут в крайней бедности, не получают вовремя зарплату, сидят без света и тепла, а потому не склонны делиться

скудными средствами с чеченцами. Кроме того, в общественном сознании, не секрет, сформировался самый негативный образ чеченца, усиливаемый личными трагедиями многих семей, потерявших родственников на чеченской войне.

По итогам проведенного весной 2000 г. ВЦИОМом социологического опроса взрослого населения РФ относительно того, следует ли сейчас восстанавливать разрушенное хозяйство Чечни, и если да, то за чей счет, 63% респондентов сказали «да», а 20% — твердое «нет» (17% затруднились ответить); из числа ответивших «да» только 12% считают, что восстановительный процесс должен идти за счет российского бюджета, 18% — за счет возможной международной помощи и большинство — за счет самого населения Чечни. Это свидетельствует о том, что должной общественной поддержки идея восстановления Чечни не имеет; точнее говоря, население других территорий России не готово к финансовым и материальным затратам на реконструкцию ЧР.

Возложив на себя ответственность за восстановление нормальной жизни в Чечне как обычном субъекте РФ, федеральный центр не имеет для этого сегодня ни достаточных финансовых средств, ни механизма их перераспределения в пользу ЧР. Объективно этому препятствует и продолжающаяся контртеррористическая операция. На наш взгляд, положительных сдвигов можно будет ожидать лишь после полного завершения военной фазы конфликта и его политического урегулирования, а также после окончательного формирования новых органов власти в Чечне, подконтрольных как и все региональные власти, Москве.

В заключение необходимо отметить, что за последний год федеральный центр, как никогда прежде, многое сделал для налаживания мирной жизни в республике. Впервые функционирует местная администрация, взаимодействующая с Москвой, в стадии завершения находится формирование правительства ЧР, возрождается судебная гражданская власть. В экономической сфере обозначились приоритеты начального этапа восстановления и дальнейшего развития хозяйства Чечни; Федеральная целевая программа восстановления на 2001 г. заняла свое место в бюджете страны, прорабатывается механизм ее реализации, создается система жесткого государственного контроля за расходованием средств.

Вышеизложенное дает основания утверждать, что процесс восстановления Чеченской Республики будет сложным, долгим и весьма проблемным. Это — не вина, а беда нынешней федеральной власти, которая унаследовала чеченскую проблему от прежних руководителей страны, а не создала ее. У России долгое время не было внятной политики на Северном Кавказе, в том числе и в Чечне, сейчас она обозначилась: завершить войну и наладить мирную жизнь в республике как на российской территории. Определенные противоречия и непоследовательность в осуществлении этой линии центра, очевидно, были и связаны с тем, что на принятие решений в администрации Президента, Госдуме, силовых ведомствах влияют представители разных групп интересов. Нельзя сбрасывать со счетов и внешний фактор, «вес» которого за все эти годы существенно увеличился. Что же касается разработки конкретных федеральных программ и их осуществления, то следовало бы идти по пути концентрации сил и средств, выбирая приоритеты на каждом этапе реализации и четко выстраивая управленческий и хозяйственный механизмы.

¹ Собрание Законодательства Российской Федерации, 2000, № 24, ст.2545.

² Российская газета, 10.06.2000 г.

³ Время новостей, 21.09.2000г.

⁴ «О мерах по обеспечению деятельности Администрации Чеченской республики» — Постановление правительства РФ от 13 июля 2000 г. — Бизнес в России, 15.08.2000 г.

⁵ Трибуна, 21.09.2000 г.

⁶ ИТАР-ТАСС, 17.11.2000 г.

⁷ Там же.

⁸ Известия, 9.11.2000 г.

⁹ Там же.

¹⁰ Комиссия по содействию нормализации ситуации в Чеченской Республике. Заседание в Госдуме от 3 ноября 2000 г. включало в повестку дня два вопроса: «Об экстренных мерах по обеспечению правопорядка в ЧР, соблюдению прав и свобод жителей и выходцев из ЧР; «Об экстренных мерах по организации жизнеобеспечения жителей ЧР в зимний период».

¹¹ Сегодня, 4.11. 2000 г.

¹² По данным судебного департамента при Верховном суде РФ.

¹³ Российская газета, 10.02.2001 г.

- ¹⁴ Сегодня, 4.11.2000 г.
- ¹⁵ ИТАР-ТАСС, 3.11.2000 г.
- ¹⁶ Сегодня, 4.11.2000 г. и Московский комсомолец, 10.11. 2000 г.
- ¹⁷ Коммерсант, № 211, 10.11. 2000 г.
- ¹⁸ Указ Президента РФ «О министре Российской федерации», (№ 1944 от 28.11.2000 г.)
- ¹⁹ Фигуры и лица (приложение к Независимой газете), № 1, 11.01. 2001 г.
- ²⁰ Российская газета, 20.01.2001 г.
- ²¹ Указ Президента РФ «О системе органов исполнительной власти Чеченской Республики» (№ 52, от 19.01.2001 г., Москва), пункт 8.
- ²² Цит. Указ № 52 от 19.01.2001 г., пункт 9.
- ²³ Коммерсант, 20.01. 2001 г.
- ²⁴ Известия, 20.01. 2001 г.
- ²⁵ Независимая газета, 20.01.2001 г. и 23.01. 2001 г.
- ²⁶ Указ Президента РФ «О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона РФ» от 22.01. 2001 г.
- ²⁷ Независимая газета, 23.01.2001 г.
- ²⁸ По сообщениям из газет: Время новостей, 12.02.2001 г.; Труд, 9.02.2001г.; Коммерсант, 5.02.2001 г.
- ²⁹ Независимая газета, 2.02.2001 г.
- ³⁰ Российская газета, 5.01.2001 г.
- ³¹ Интерфакс, 22.01.2001 г.
- ³² Век, 9-15.02. 2001 г.
- ³³ Известия, 26.01.2001 г.
- ³⁴ Российский экономический журнал, № 10, 2000 г., с.24.
- ³⁵ Российский экономический журнал, №10, 2000 г., с.30-31; Коммерсант-Власть, 14.11.2000г., с.36
- ³⁶ Согласно постановлению №616 от 22.08.2000 г. Правительство РФ преобразовало ранее действовавшую Комиссию по нормализации общественно-политической ситуации на территории Чеченской республики (с 14.01.2000г.) в Правительственную Комиссию по вопросам восстановления социальной сферы и экономики Чеченской Республики.
- ³⁷ Утвержден постановлением правительства РФ № 639 от 29.08.2000 г.
- ³⁸ Интерфакс, 28 и 29.11. 2000 г.
- ³⁹ Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе восстановления экономики и социальной сферы Чеченской Республики в 2001 году», 25.01.2001 г.
- ⁴⁰ Время новостей, 26.01.2001 г.
- ⁴¹ Здесь и далее цитируется по тексту Программы, с.4 и 5.
- ⁴² Программа...(Приложение № 1) и Время новостей, 08.02.2001 г.
- ⁴³ Известия, 26.01.2001 г.

- ⁴⁴ Российский экономический журнал, 2000, №10, с.27
- ⁴⁵ Время новостей, 08.02.2001 г.
- ⁴⁶ Руководители в Правительстве ЧР и в российском Правительстве настроены более оптимистично: С. Ильясов и В. Елагин считают, что уже в 2002 г. Чеченская Республика сформирует собственный бюджет, обеспечив самостоятельно часть поступлений в доходную часть и начнет перечислять налоги в федеральный бюджет.
- ⁴⁷ Время новостей. 12.02.2001 г.
- ⁴⁸ Известия, 26.01.2001 г.
- ⁴⁹ Век, 2001, № 4.

ИТОГИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЧЕЧНИ

Для того, чтобы осмыслить масштабы предстоящих задач по выходу или выводу Чеченской Республики из того глубокого кризиса, в котором она сейчас находится, и оценить его масштабы, необходимо рассмотреть все факторы, в том числе обратиться к результатам последней Всесоюзной переписи населения 1989 года, которые в главных чертах характеризуют итоги национальной политики советского периода развития. В этом плане предполагается рассмотреть в общих чертах образовательный, кадровый и языковой аспекты национальной политики в указанном периоде. Характерной особенностью этих данных являются крайне низкие показатели, которые свидетельствуют о значительном отставании чеченского народа от других народов Российской Федерации и бывшего Советского Союза по уровню образования, подготовке кадров, а также о неудовлетворительном состоянии функционирования национального языка в республике.

Итак, по данным на 1989 год состоянию Республики в указанных сферах и ее чеченскому населению свойственны следующие характеристики:

1. Самый высокий показатель по численности лиц, не имевших полного и неполного среднего образования среди автономных республик и автономных областей России;
2. Одно из самых последних мест среди коренных и наиболее многочисленных национальностей России и последнее место в Северо-Кавказском регионе по удельному весу лиц с высшим образованием;
3. Самый низкий среди народов автономных республик бывшего Советского Союза удельный вес научных работников;
4. Самая высокая детская (младенческая) смертность, уровень которой в 2,2 раза выше среднего уровня по Российской Федерации на тот период (Срв.: коэффициент младенческой

смертности детей чеченской национальности — 39,3 — средний коэффициент по России — 17,7) [1, с.50-51].

5. Один из самых низких показателей по занятости умственным трудом.

На наш взгляд, эти факторы сыграли определенную роль в тех процессах, которые происходили на территории Чеченской Республики с 1991 года, и в настоящее время, в период возрождения республики, они должны быть учтены.

Далее приведем количественные характеристики по перечисленным пунктам.

Так, в 1989 году на 1 тыс. человек в возрасте 15 лет и старше в бывшей ЧИ АССР приходилось 250 человек, не имевших полного и неполного общего среднего образования, говоря обычным языком, 8-летнего и 10-летнего школьного образования (см. табл. 1-[2, с. 57-58]).

Это самый высокий, самый крайний показатель по РФ. Если бы он был определен не по всему, а по чеченскому населению, то он был бы еще выше, так как уровень образования русского и ингушского населения Республики значительно выше, чем у чеченского. Обычно такие средние показатели по республике из-за недифференцированности по национальностям не позволяли увидеть реального состояния дел. Например, по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года в бывшей ЧИ АССР на 1 тыс. человек в возрасте 10 лет и старше приходился 21 человек с высшим образованием, что соответствовало средним параметрам по стране, но при распределении их по национальностям чеченская доля этого числа оказалась равной только 1 человеку, а ингушей из них — 5 человек. Естественно, 15 — представители русского и русскоязычного населения. [В 1970 г., например, соответственно из 30 человек — 7 человек чеченской национальности].

Далее, по уровню высшего образования или, как иначе это называют, по уровню интеллекта в 1989 году чеченцы занимали одно из последних мест в РСФСР и СССР с коэффициентом 45 человек на 1 тыс. человек в возрасте 15 лет и старше. Средний коэффициент по России — 113 человек. Таким образом, коэффициент уровня высшего образования чеченцев ниже среднего Российского в 2,5 раза (табл.2-[3, с.17-19]). Это 37-й

показатель среди 40 коренных и наиболее многочисленных народов республик Северного Кавказа, то есть от других **“лиц кавказской национальности”** чеченцы отставали в среднем в 2,2 раза. По РФ ниже по соответствующему показателю находились только 3 народности, относящиеся к малочисленным — ханты, чукчи и ненцы. А между тем по численности населения чеченцы находились на шестом месте среди коренных народов России и на первом месте среди титульных народов республик Северного Кавказа. К тому же и динамика **коэффициента интеллекта** населения республики была одной из самых низких по России, несмотря на имеющее место отставание. (Табл. 5 [2, с.69]).

В 1990 году по удельному весу студентов вузов чеченцы также находились значительно ниже среднего Российского уровня — =142 студента чеченской национальности на 10 тысяч человек населения при среднем показателе по России 190 студентов (Табл. 3-[2, с.139]). Это предполагало дальнейшее отставание по этому важнейшему показателю даже без учета той катастрофы в образовательной сфере Чеченской Республики в последние 9 лет. Основная причина такого низкого уровня общего и особенно профессионального образования у лиц чеченской национальности — недостаточность принятых мер по выравниванию образовательного уровня чеченцев в период восстановления автономии Республики (1957 год) после депортации.

Так, если в период установления Советской власти народы окраин России, в том числе и чеченцы, имели приблизительно одинаковый уровень грамотности, равной 1-2%, то по данным на 1957 год — через 13 лет депортации- по численности специалистов с высшим и средним специальным образованием по национальностям союзных, автономных республик и автономных областей СССР (в расчете на 10 тыс. человек каждой национальности) чеченцы занимали последнее место по Советскому Союзу с показателем 19,1 на 10 тыс. населения при среднем показателе по стране 326,3, т.е. отставали от всех народов страны в среднем в 17 раз, при этом даже от других депортированных народов — балкарцев, калмыков, ингушей, карачаевцев — отставали в среднем в 4 раза (табл. 4-[2,с.53]).

О недостаточности темпов роста образовательного уровня чеченцев в период с 1957 года свидетельствует и следующий факт, что и в 1989 году по числу лиц с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием чеченцы находились на последнем месте в РФ с показателем 172 человека на 1 тыс. человек в возрасте 15 лет и старше. Средний показатель по России — 322 человека. Таким образом, имело место отставание почти в 2 раза) [1, с.94-96].

В настоящее время ситуация в Чеченской Республике в области образования напоминает состояние 1957 года. Но сейчас, в отличие от того периода, образование важно не только с точки зрения его результата — не менее важен сам процесс учебы.

Далее, в тесной связи с уровнем профессионального образования находится и показатель занятости умственным трудом. По данным на 1989 год у лиц чеченской национальности он составляет 20,7 %. Средний показатель по РФ — 35,1% (табл.6- [2, с. 78-79]). Основная масса чеченского населения — около 79% — в 1989 году была занята физическим трудом. По удельному весу научных работников чеченцы также находились на последнем месте среди народов автономных республик СССР. По данным переписи 1979 года, например, число научных работников чеченской национальности составляло 0,04% от общей численности чеченского населения, что ниже среднего показателя по титульным народам автономных республик Советского Союза, в т.ч. и Северного Кавказа, в среднем в 5 раз. (табл. 7- [4, с. 143]). При этом от бурятов, например, имело место отставание по этому показателю в 12 раз, от осетин — в 11 раз, от балкарцев — в 8 раз, ингушей — 2,5 раза. В 1980 году научные кадры из чеченской среды составляли в общем научном потенциале Республики 14,1%.

В этой связи особую озабоченность вызывает подготовка кадров высшей квалификации — кандидатов и докторов наук. С учетом того, что основная масса научных и научно-педагогических кадров — представителей русского населения, а также часть кадров чеченской национальности в последнее десятилетие выехала из Республики или перешла в Ингушский госуниверситет после его образования, в настоящее время научных кадров в республике недостаточно для решения

предстоящих масштабных задач. Поэтому, на наш взгляд, гораздо шире, чем раньше, необходимо использовать все формы повышения квалификации и подготовки кадров — аспирантуру, докторантуру, стажировки, ФПК и т.д. К примеру, если в 1988 году во время аттестационной проверки ЧИТУ в его штате числилось около 40 докторов наук и 200 кандидатов наук, то 1999 году в ЧГУ было 20 докторов и 100 кандидатов наук, а специальностей стало в два раза больше. Приблизительно такое же кадровое состояние имеет место и в двух других ВУЗах: нефтяном и педагогическом институтах. Все это говорит о том, что кадровая ситуация в ВУЗах республики характеризуется серьезными проблемами и решать эти проблемы надо эффективными мерами.

Говоря о кадровой политике в советский период, считаем возможным подчеркнуть факт исключительно строгого контроля за расстановкой кадров в некоторых сферах. Главная из этих сфер — сфера государственного управления. Так, в графе **“Руководители органов государственного управления и их структурных подразделений”** по материалам переписей 1979 и 1989 гг. на 1 тыс. человек занятого населения чеченской национальности приходится одно и то же число руководителей-чеченцев — 2, ([6, с.62] -табл. 8), хотя за эти же 30 лет удельный вес лиц чеченской национальности с высшим образованием вырос в 37 раз — с 1 чел. в 1959 году — до 37 человек в 1989 году. Конечно, это говорит о степени доверия и об отношении к народу со стороны власти и еще раз подчеркивает тот факт, что национальная политика в последепартационный период и в кадровом отношении, как и в образовательном аспекте, не была достаточно эффективной и равнозначной с точки зрения развития всех народов страны.

Однако это не означает, что события последнего десятилетия в Чечне были обусловлены перечисленными факторами. В конце 80-х годов в республике ничто не предвещало такого поворота событий, что свидетельствует о привнесении предпосылок этого конфликта извне. Перечисленные нами факторы только усугубили ситуацию и с точки зрения того, что итоги национальной политики советского периода были использованы в спекулятивных целях, и с точки зрения возможностей

противодействия. Да, это не этнический, не межнациональный, не межконфессиональный конфликт. И это доказывает, что он созрел не в недрах Чеченской Республики и не на основе чеченской национальной природы. Некоторое внимание хотелось бы уделить и языковому аспекту национальной политики, который в основных чертах соответствует перечисленным выше характеристикам в сфере образования.

Прежде всего следует сказать о том, что объем функций чеченского языка в республике в 80-е годы был явно недостаточным для овладения его письменной литературной формой. Объем преподавания чеченского языка и литературы в школах республики в 70-80 гг. был равен в среднем 3-3,5 часам в неделю. При этом в городе Грозном — в столице республики, чеченское население которого по-своему значительно более высокому образовательному и культурному уровню должно было составлять основу социальной базы чеченского национального литературного языка, он вообще не преподавался, за исключением 1-2 школ на окраине города. А между тем в г. Грозном, например, в 1979 году проживало 90 тыс. чеченцев, а в 1989 году — 121 тыс. Объем вещания республиканского телевидения на чеченском языке составлял в среднем 20-25 минут в сутки, на радио — 1,5 часа в сутки.

Объем издания литературы на чеченском и ингушском языках, впрочем, как и на языках народов некоторых других автономий, сократился к 1985 году по сравнению, например, с 1940 годом в 4 раза, а ее тираж — в 3 раза. А население тем временем удвоилось. Так, если в 1940 году на чеченском и ингушском языках было издано 154 наименования книг и брошюр общим тиражом 673 тыс. экземпляров, то в 1985 году — только 39 наименований тиражом 234 тыс. экземпляров (табл. 9.-[5, с.576-577]). По объему функций и сферам использования письменной литературной формы национальный язык чеченского народа в 80-е годы носил, в основном, декоративный характер. А между тем, отсутствие преподавания чеченского языка в школах г. Грозного, а также невладение его письменной формой (да и устной) в тот период некоторыми руководителями республиканского масштаба из среды чеченцев и практическое неиспользование его даже в устных выступлениях (в некоторой мере) приводило к

негативному отношению к ним со стороны чеченского населения и в первую очередь сельского (которое составляло 80% всего чеченского населения республики).

Чтобы не сложилось мнения о том, что в **“период чеченского суверенитета”**, так сказать, объем преподавания и вообще функционирования чеченского языка в республике **“пошел в гору”**, приведем следующие цифры. Так, если объем преподавания чеченского языка и литературы в школах в 80-е гг. был равен 1497 часам за весь период обучения, что составляло в среднем 3-3,5 часа в неделю, то в 1998 году общий объем составлял 1787 часов, т.е. приблизительно 4-4,5 часа в неделю. С учетом характера работы школ республики в 90-е гг., можно сказать, что и преподавание чеченского языка, и других дисциплин, и вообще обучения ухудшилось во много раз. В этот период не наблюдается заметной и значительной активизации использования в каких-либо сферах письменного чеченского литературного языка. Основная причина — невладение им. В достаточной степени большинством населения, а также недостаточная развитость его терминологической и стилистической систем для широкого использования в государственном управлении, делопроизводстве и т.д. К тому же и большинство лидеров Ичкерии не владели письменным чеченским языком, и Указы Президента, Постановления кабинета министров. Парламента, и даже шариатских судов издавались на русском языке.

Постсоветский период Чечни характеризуется разрушением системы образования — в 1991-94 гг. — постепенно, затем в результате военных событий 1994-96 годов с последующим обвальным добиванием в 1996-1999 годах министерством образования Ичкерии. В результате новое поколение чеченской молодежи выросло в течении 9 лет без системного изучения не только чеченского литературного языка, но и без получения соответствующего школьного образования вообще.

Работа Чеченского телевидения в тот период содействовала разрушению не совсем еще устоявшихся норм литературного чеченского языка в результате допуска на телевидение случайных людей, **“зашедших поговорить”** и бесконечным звучанием митингового просторечия. Основная тема выступлений: “Наш

суверенитет” и “Разыскивается”. Действительность усугублялась отсутствием, причем почти полным, терминологических справочников, нормативных словарей и т.д. В том же направлении ослабления влияния литературной нормы действовало свертывание издательской деятельности на чеченском языке, в том числе даже республиканских газет, не говоря о районных, которых в 80-е в республике издавалось 10 (в том числе 1 республиканская). План приема на специальность “чеченский язык и литература” в университете был сокращен министерством образования Ичкерии с 75 человек (в советское время) до 15 человек в 1998 году (имеется в виду дневная форма обучения).

Главный результат национально- языковой политики этого периода- значительное ослабление влияния национального литературного языка на чеченское население, во- первых, в результате сокращения многих письменных сфер его применения-печати, издательской деятельности, в образовании — в результате его разрушения, на телевидении — в результате преобладания просторечного и диалектного языка, во- вторых, в результате миграции большей части чеченского населения за пределы Республики. Основные усилия осуществлять языковую политику в рассматриваемый период заключались в попытках перевода чеченского алфавита с русской графической основы на латинскую.

Возможно, эта акция была стимулирована тенденцией переориентации на Запад, т.е. вестернизацией. На наш взгляд, эта идея была **“подброшена”** с целью усугубить и без того сложную ситуацию с функционированием национального языка и сделать в один миг безграмотными всех чеченцев, которые и так еле читали и писали на чеченском языке. Но реального воплощения в условиях Республики в 1991-1999 годах ни вестернизация, ни другая ориентация в плане осуществления языковой политики не могла иметь успеха в первую очередь из-за отсутствия планомерной, научно-обоснованной, конструктивной национально-языко-вой политики, а во- вторых, не первостепенным характером этой проблемы по сравнению со всеми остальными и намного более важными, в том числе и проблемой выживания народа.

Национально-языковая политика периода Ичкерии имела крайне деструктивный, губительный характер.

В настоящее время, в период очередного возрождения Республики, необходимо расширение функций чеченского языка которые необходимы для усвоения его письменной формы и использования и без того ограниченных сферах функционировать.

Отношение к национальному языку должно быть не только как к средству бытового общения чеченцев, но и как к средству выражения национальной культуры чеченского народа, как к средству воспитания подрастающего поколения и как к эффективному средству влияния на народ. По крайней мере, по истечении этих 9 лет спекулятивной болтовни на чеченском языке мы должны понять факт эффективности воздействия родного языка на его носителей и разумно его использовать.

Вместе с тем, мы считаем, что русский язык должен быть языком обучения в Чеченской Республике и его преподаванию и изучению в настоящее время должно уделяться значительно больше внимания, так как без его надлежащего знания, тем более с учетом последствий прошедшего периода, невозможно будет получение общего и особенно профессионального образования и, соответственно, — решение задач кадрового характера.

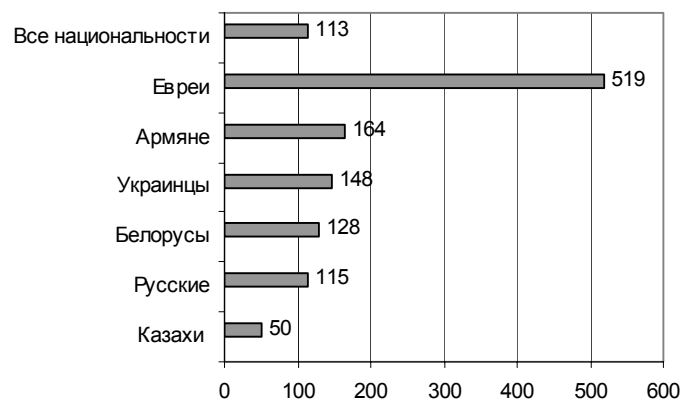
И в заключение, как человеку из республики проживавшему там все эти долгие годы, хотелось бы сказать о том, что особое внимание сейчас надо обращать на подбор и расстановку кадров. Любое неудачное назначение вызывает крайне негативное отношение со стороны трудовых коллективов и населения и напрямую связывается с властью, а говоря прямо — вызывает недоверие народа к власти. В тех коллективах, где руководитель должен быть избранным лицом, следует, на наш взгляд, избирать его всем коллективом, а не выборщиками или конференциями, потому что это сопровождается всевозможными неблагоприятными комбинациями. Руководитель должен чувствовать свою активность перед всем коллективом, а не только перед группой выборщиков. Это самый справедливый, демократичный и целесообразный в данное время в Чеченской Республике путь определения руководителей. Единственным критерием должен быть профессионализм, а также порядочность, авторитет в коллективе и здоровая политическая ориентация.

Таблица 1.

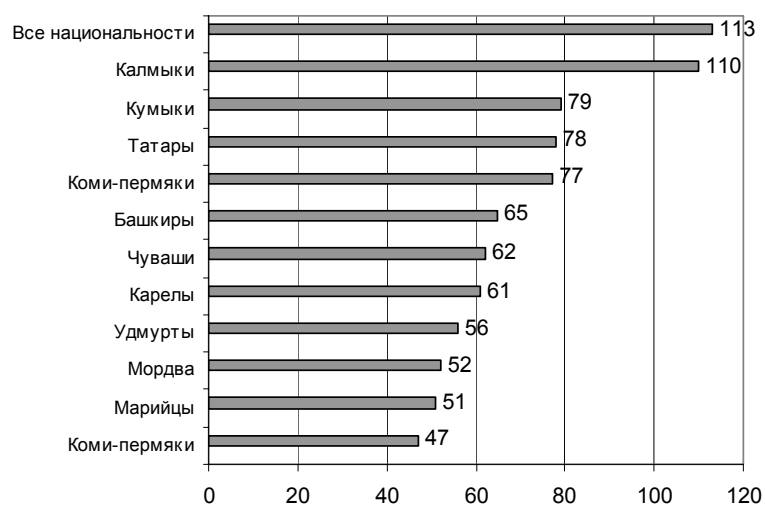
Национальности	На 1 тыс. человек в возрасте 15 лет и старше в 1989 году приходилось лиц, не имевших общего среднего образования (полного и неполного) в АССР и автономных областях России [2, с.57-58]
Буряты	351
Калмыки	299
Хакасы	262
Балкарцы	259
Якуты	243
Адыгейцы	232
Осетины	227
Народы Дагестана	226
Черкесы	212
Кабардинцы	204
Карачаевцы	199
Ингуши	194
Тувинцы	193
Башкиры	163
Русские	158
Алтайцы	155
Чеченцы	142
Чуваши	142
Татары	140
Коми-пермяки	130
Евреи	122
Мордва	114
Марийцы	113
Удмурты	112
Народности Севера, Сибири и Дальнего Востока	108
Карелы	99
Коми-пермяки	85

Таблица 2.

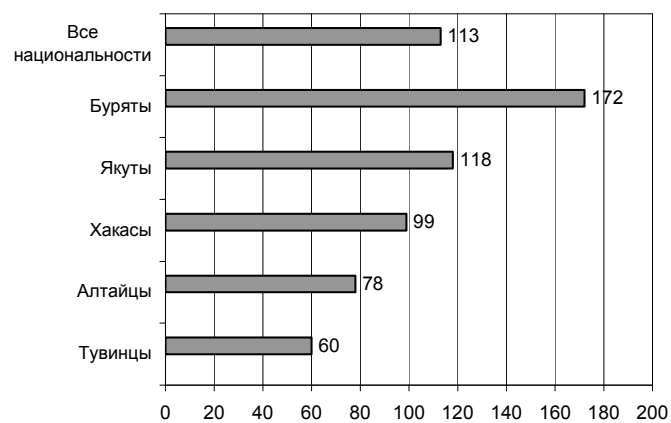
Коэффициент интеллекта коренных и наиболее многочисленных национальностей России, 1989 г. (на 1000 человек 15 лет и старше приходится лиц с высшим образованием) [3, с.17-19].



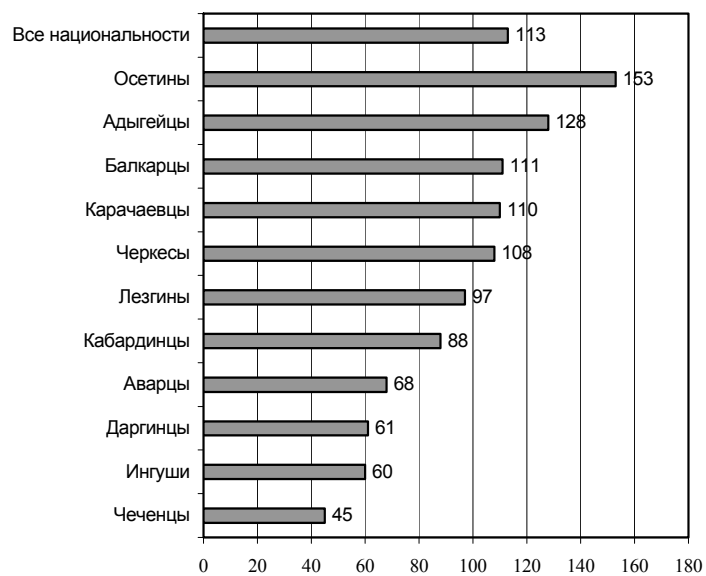
Народы европейской части России



Народы Сибири



Народы Северного Кавказа



Народы Севера и Дальнего Востока

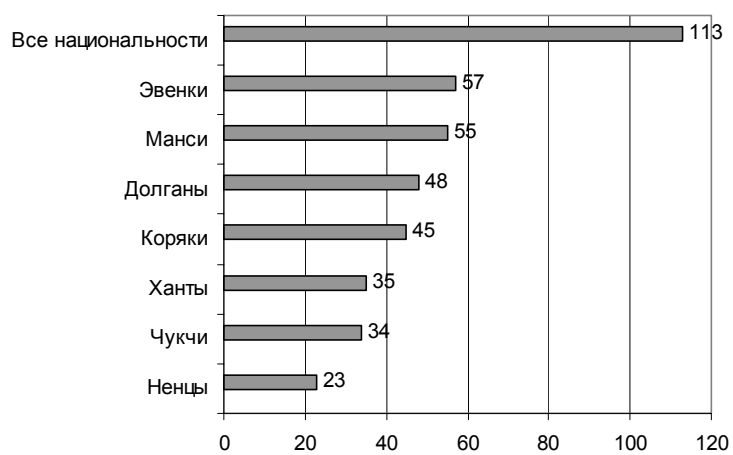


Таблица 3

Численность студентов высших учебных заведений России по национальностям в 1990 г. (в расчете на 10 тыс. человек каждой национальности) [2, с.139].

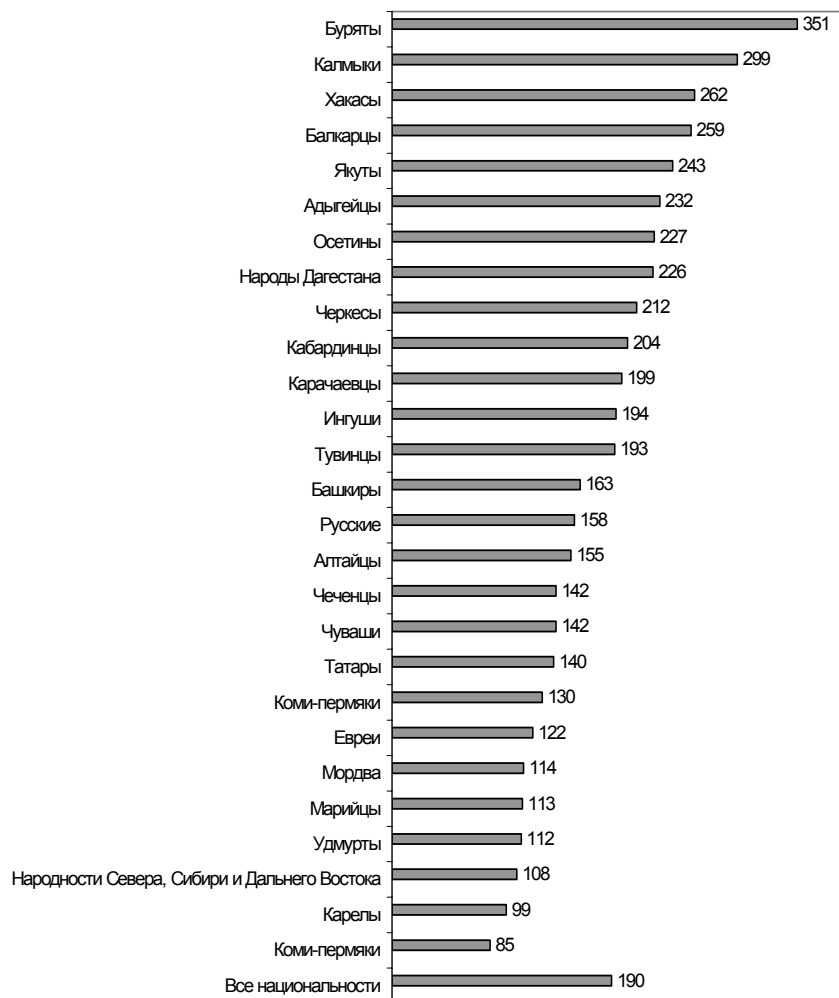


Таблица 4.

Национальности	Численность специалистов с высшим и средним специальным образованием по национальностям союзных, автономных республик и автономных областей СССР в 1957 году (в расчете на 10 тыс. человек каждой национальности) [2, с.53]
Евреи	1626,6
Грузины	484,4
Эстонцы	389,4
Армяне	389,3
Латыши	349,4
Осетины	341,7
Адыгейцы	326,6
Русские	296,2
Якуты	287,7
Алтайцы	287
Буряты	280,7
Коми	278,4
Украинцы	275
Азербайджанцы	258,8
Белорусы	248
Карелы	245
Абхазцы	229,4
Литовцы	227
Татары	206,9
Чуваши	200
Черкесы	197,4
Хакасы	194,3
Каракалпаки	189,6
Удмурты	169,2
Казахи	153,2
Кабардинцы	147,3

Продолжение таблицы 4

Национальности	Численность специалистов с высшим и средним специальным образованием по национальностям союзных, автономных республик и автономных областей СССР в 1957 году (в расчете на 10 тыс. человек каждой национальности) [2, с.53]
Туркмены	145,8
Киргизы	145,5
Башкиры	135,5
Таджики	125,3
Марийцы	124,9
Народы Дагестана	119,6
Тувинцы	119,6
Балкарцы	117,9
Мордва	117,5
Узбеки	110
Молдаване	93,5
Калмыки	75,4
Карачаевцы	73,7
Ингуши	37,7
Чеченцы	19,1
СССР	326,3

Таблица 5
Динамика “коэффициента интеллекта” населения автономных республик и автономных областей России [2, с.69].

Автономные республики и области России	На 1000 человек населения в возрасте 10 лет и старше (1989 – 15 лет и старше) приходится лиц с высшим образованием			
	1959 г.	1989 г.	1989 к 1939 г. = 1,0	
	1 9 3 9 г.			
Северо-Осетинская	1 33 0	133	13,3	
Кабардино-Балкарская	6 21	101	16,8	
Чечено-Ингушская	6 21	76	12,7	
Карачаево-Черкесская	4 13	96	24,0	
Дагестанская	4 14	83	28,8	
Адыгейская	4 16	91	22,8	
Карельская	8 19	96	12,0	
Коми	7 20	89	12,7	
Татарская	6 18	95	15,8	
Удмуртская	4 15	92	23,0	
Чувашская	4 12	79	19,8	
Марийская	3 14	97	32,3	
Мордовская	3 12	88	29,3	
Башкирская	3 12	76	25,3	
Калмыцкая	3 14	92	30,7	
Еврейская	1 10 0	77	7,7	
Якутская	7 14	113	16,7	
Бурятская	6 23	118	19,7	

Горно-Алтайская	3	11	80	26,7
Хакасская	3	13	80	26,7
Тувинская	—	13	79	—
Россия	9	24	113	12,5

Таблица 6.

Национальности	Распределение населения коренных и наиболее многочисленных национальностей России по занятости преимущественно умственным трудом. 1989 г. (удельный вес) [2, с.78-79]
Евреи	78,1
Буряты	41,3
Украинцы	40,4
Адыгейцы	38,3
Осетины	38,3
Армяне	37,7
Калмыки	37
Белорусы	36,2
Якуты	36
Русские	35,9
Черкесы	32,1
Балкарцы	31,5
Кабардинцы	30,5
Коми-пермяки	30
Кумыки	29,1
Татары	28,6
Хакасы	
Лезгины	28,4

Манси	28,2
Алтайцы	27,7
Ингуши	27
Карелы	
Карачаевцы	26,6
Тувинцы	26,6
Коми-пермяки	25,8
Башкиры	25,5
Эвенки	24,2
Аварцы	24

Продолжение таблицы 6

Национальности	Распределение населения коренных и наиболее многочисленных национальностей России по занятости преимущественно умственным трудом. 1989 г. (удельный вес) [2, с.78-79]
Чуваши	23,9
Долганы	23,5
Казахи	23,4
Удмурты	23,4
Мордва	23,3
Чеченцы	20,7
Ханты	20,3
Марийцы	20,2

Даргинцы	19,7
Коряки	17,5
Чукчи	15,8
Ненцы	14,3
Все национальности России	35,1

Таблица 7.

Удельный вес научных работников народов автономных республик СССР [4; с.143]

Ч и с л е н н а о у с ч т н ь ы х н Р а б о т н и к я о в 1 9 5 9 г. — . , %	Ч и с л е н н а о у с ч т н ь ы х н Р а б о т н и к я о в 1 9 5 9 г. — . , %	Численно сть населения 1979 г. тыс. чел.	Число научных работников 1979 г. — %
Т ы с . ч е л .	Т ы с . ч е л .		

Буряты	2 3 353	1736-0,4
	5 5	
	3 7	
	-	
	0	
	,	
	1	
	4	
Осетины	4 5 542	2444-0,45
	1 9	
	3 2	
	-	
	0	
	,	
	1	
	4	
Балкарцы	4 1 66	212-0,32
	2 4	
	-	
	0	
	,	
	0	
	3	
Татары	4 3 6317	18244-0,29
	9 6	
	6 9	
	8 1	
	-	
	0	
	,	
	0	
	7	
Абхазцы	6 8 91	251-0,28
	5 4	
	-	
	0	
	,	
	1	
	3	

Якуты	2 1 328	899-0,27
	3 6	
	7 8	
	-	
	0	
	,	
	0	
	7	
Кабардинцы	2 9 322	764-0,24
	0 2	
	4 -	
	0	
	,	
	0	
	5	
Калмыки	1 5 147	341-0,23
	0 3	
	6 -	
	0	
	,	
	0	
	5	
Народности Дагестана	9 4 1657	2904-0,18
	4 5	
	4 4	
	-	
	0	
	,	
	0	
	5	
Карелы	1 6 138	238-0,17
	6 8	
	7 -	
	0	
	,	
	0	
	4	

Башкиры	9 3 8 9 9 1 - 0 , 0 4	1371	2287-0,17
Чуваши	1 6 4 0 7 6 0 - 0 , 0 4	1751	2884-0,16
Каракалпаки	1 1 7 3 3 7 - 0 , 0 8	303	467-0,15
Коми	4 2 3 8 1 6 - 0 , 0 7	478	670-0,14
Мордва	1 3 2 5 8 1 6 - 0 , 0 3	1192	1578-0,13

Удмурты	6 1 2 8 5 8 - 0 , 0 3	714	858-0,12
Ингуши	1 2 0 3 6 - 0 , 0 2	186	180-0,10
Тувинцы	1 1 0 7 0 - 0 , 0 2	166	139-0,08
Марийцы	5 1 0 0 4 9 - 0 , 0 3	622	450-0,07
Чеченцы	4 3 1 6 9 - 0 , 0 0 9	756	332-0,04

Таблица 8
**На 1000 человек занятого населения соответствующей
национальности [6, с.62]**

Все население				<u>И Чеченцы</u>		
				<u>И</u>	<u>Г</u>	<u>У</u>
				<u>Ш</u>	<u>И</u>	
				1970	1979	1989
Все население, имеющее занятия	1000	1000	1000	1000	1000	1000
Занятые преимущественно умственным трудом	182	196	283	122	140	218
Занятые преимущественно физическим трудом	818	804	717	878	860	782
Руководители органов государственного управления и их структурных подразделений	3	2	2	2	2	2
Руководители предприятий	12	15	15	4	8	9
Инженерно-технические работники	29	37	49	13	21	33
Агрономы, зоотехники	6	7	10	4	5	7
Медицинские работники	9	15	27	7	12	21

Научные работники, педагоги, воспитатели	38	43	66	30	33	54
Работники торговли, общепита, заготовок, снабжения и сбыта	20	13	23	12	10	16

Продолжение таблицы 8

Все население				<u>И Чеченцы</u>		
				<u>И</u>	<u>Г</u>	<u>У</u>
	1970	1979	1989	1970	1979	1989
Юридический персонал	1	2	2	1	1	2
Занятия горняков	15	5	6	7	5	6
Занятия в машиностроении и металлообработке	61	86	65	43	57	55
Занятия химиков	3	3	1	2	7	2
Занятия швейников	39	56	49	9	21	24

Таблица 9.

Издание книг и брошюр на отдельных языках народов СССР [5, с.576-577]

Наименование языков	<u>1940</u>		<u>1960</u>		<u>1970</u>		<u>1980</u>		<u>1985</u>		<u>1986</u>	
	Число книг и брошюр, печатных единиц	Тираж, тыс. экз.	Число книг и брошюр, печатных единиц	Тираж, тыс. экз.	Число книг и брошюр, печатных единиц	Тираж, тыс. экз.	Число книг и брошюр, печатных единиц	Тираж, тыс. экз.	Число книг и брошюр, печатных единиц	Тираж, тыс. экз.	Число книг и брошюр, печатных единиц	Тираж, тыс. экз.
Чеченский и ингушский	154	673	96	252	49	155	37	186	39	234	50	229
Башкирский	187	914	198	836	119	967	113	1013	133	1104	127	1112
Осетинский	108	414	88	173	71	137	63	118	70	130	91	201
Чувашский	125	1024	232	1198	94	942	84	730	79	455	74	491
Якутский	413	1111	153	598	70	556	75	714	76	980	78	988
Татарский	329	4922	395	4086	195	2891	183	2157	183	1172	181	1368
Тувинский	—	—	68	179	57	285	55	305	32	150	37	182
Удмуртский	65	388	48	205	28	124	28	70	27	145	33	104
Языки народов Дагестана	302	910	202	463	151	624	138	456	136	352	160	437
Калмыцкий	58	267	52	116	28	59	32	67	27	31	25	47
Кабардинский и балкарский	41	172	99	199	58	173	51	226	61	115	54	125

ЛИТЕРАТУРА :

1. Неравенство и смертность в России: коллективная монография (Под редакцией Школьников В., Андреева Е. и Малевой Т.; Московский Центр Карнеги. — М.: Сигналь, 2000. — 107 с.).
2. Волков Ю.А., Субетта А.И., Чекмарев В.В., Волков А.Ю, Сидло А.А. Образование и интеллектуальный потенциал России. Статистико-социологический квалиметрический мониторинг воспроизводства. Ч. 1.— Москва — Кострома, 1998.
3. Волков Ю.А., Субетта А.И., Волков А.Ю. Образование и интеллектуальный потенциал России. Статистика социологический квалиметрический мониторинг воспроизводства. Ч.2.— Москва — Санкт-Петербург, 1999.
4. Цамерян И.П. Национальные отношения в СССР. (под редакцией Тадевосяна Э.В. — М.: Мысль, 1987).
5. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический сборник (Госкомстат СССР. — М.: Финансы и статистика, 1987).
6. Численность и состав коренных национальностей Чечено-Ингушской республики (По материалам Всесоюзной переписи населения 1989 года). — Чечено-Ингушское управление статистики. — Грозный, 1991.

Василий Мижериков

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Министерство образования России приступило к активной деятельности разрушенного войнами образовательного хозяйства республики ровно год назад: сразу после освобождения трех северных районов Чеченской Республики — Щелковского, Наурского и Надтеречного. За неполный десяток лет система образования ЧР было доведена почти до полного разорения: из 450 школ полностью разрушено — 80, с различными степенями разрушений — порядка 250. Многие дети в течение ряда лет не имели возможности учиться, а если имели, то условия, в которых это происходило, никак нельзя назвать было нормальными. Материальная база школ пришла в полную негодность, книгофонд безнадежно устарел, не получающие в течение ряда лет зарплату учителя потеряли желание творчески работать, повышать свою квалификацию. Часть из них, причем наиболее квалифицированную, выгнали из школ в ходе так называемых аттестаций, проводимых бородатыми борцами за независимость от России по единственному признаку: на чьей стороне был во время конфликта.

Прекрасно понимая, что предстояло сделать. Министерство образования Российской Федерации в первоочередном порядке в ноябре-декабре прошлого года направило около 70 тысяч учебников, большое количество стекла, мела, школьной мебели учащимся школ освобожденных районов, и зарплату учителям.

В феврале 2000 года была принята Программа мер Минобразования России по восстановлению системы образования ЧР, которая предусматривала восстановление всех

уровней образования — от дошкольного до высшего. Речь шла не только о физическом восстановлении объектов образования, его материальной базы, контингента учащихся и учителей. Необходимо было вернуть людям надежду на мирное, спокойное будущее. Простая и гениальная мысль В.А. Сухомлинского о том, что сегодняшние дети — это завтрашние взрослые, приобрела в Чечне трагический смысл: с глубоким сожалением можно констатировать, что целое поколение детей в течение последних 9 лет конфликта почти потеряно для цивилизации. Можно восстановить фабрики и заводы, здания школ больниц, но душу ребенка, наблюдавшего уничтожение в течение ряда лет всего того, что составляет основные жизненные ценности сохранить чрезвычайно трудно.

Страшно подумать, не поддается осознанию, что в огне войны погибло (по данным одного из предыдущих ораторов) около 5 тысяч детей, часть из них скитаются по углам в составе 300-тысячного отряда вынужденных переселенцев, живущих где компактно, где рассеяно, еще около 6 тысяч детей беспризорничают и попрошайничают, болеют и участвуют в различного рода криминальных делах, вплоть до выполнения поручений боевиков, неся охрану заложников или подкладывая фугасы в места планируемых терактов. Ребенка очень легко обмануть, посулив ему сладости, романтику, деньги. Потом, когда он выполнит страшное, нечеловечески жестокое задание, эти двуногие звери будут снова его обманывать, называя героем, и снова посылать его на гибель, развращая и убивая его неокрепшую, свободную от цивилизованной мысли душу.

Даже те, кто ходил в эти годы в школу, не получали полноценного образования из-за того, что масхадовы и иже с ними либо присваивали деньги, предназначенные на зарплату учителям, либо покупали на них оружие. А это приводило к уходу чеченских учителей или в другую сферу деятельности, или за пределы республики.

Минобразование шло буквально по пятам за военными, освобождавшими чеченскую землю от бандитов, развивая наступление на фронте борьбы за достойное образование для каждого ребенка, проживающего на территории Чеченской Республики.

Минобразованием России в этом году было направлено больше миллиона экземпляров школьных учебников, что, однако, покрыло потребности республики на всего 30%. Была налажена выплата зарплат работникам образования. Восстановили свою деятельность около 400 общеобразовательных школ, однако следует отметить, что в ряде школ занятия проводятся в уцелевших от сильного разрушения классных комнатах или в арендуемых для этого помещениях частного сектора.

Минобразованием России был составлен и утвержден реестр объектов общеобразовательных учреждений Чеченской Республики, подлежащих ремонтно-восстановительным работам, составлены план-заявки, которые ежемесячно представляются в Минфин России для финансирования ремонтно-восстановительных работ объектов образования. Финансирование осуществляется распоряжениями Правительства Российской Федерации.

Выплата заработной платы осуществлялась руководителями общеобразовательных учреждений на основании предоставления ведомостей на выплату заработной платы учителям и техперсоналу общеобразовательных учреждений республики, заверенных главой администрации и военным комендантом соответствующего района.

В целом на восстановление системы образования Чеченской Республики из запланированных Минобразованием России на 2000 год 356 млн. руб., на первое полугодие Правительством Российской Федерации выделено 203 млн. руб. Первоочередными вопросами в финансировании являются

средства, выделенные на питание учащихся, приобретение учебников и школьно-письменных принадлежностей, мебели, инвентаря и оборудования, транспорта и компьютеров.

В рамках выполнения Программы мер проводится работа по переподготовке и повышению квалификации работников образования Чеченской Республики. В Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования прошли курсовую подготовку около 600 работников образования Чеченской Республики, в том числе: руководители районных и городских отделов образования, директоров школ и их заместители по учебно-воспитательной работе, методик рай (гор) отделов образования и специалисты этих отделов по охране прав детей. Каждый слушатель курсов получил набор учебно-методической литературы.

Прделана определенная работа и до конца текущего года предполагается осуществить ряд мероприятий по реабилитации детей, пострадавших в ходе антитеррористической операции в Чеченской Республике на базе «Центра защиты от стресса» (г.Махачкала, Республика Дагестан). После консультаций с органами управления образованием ряда субъектов Российской Федерации выразили готовность принять детей-сирот Чеченской Республики г.Москва, Республика Адыгея, Калужская и Курская области.

В ходе работы по возобновлению деятельности министерства образования Чеченской Республики были подготовлены такие основополагающие документы, как новое Положение о нём, его, структура, штатное расписание и пр. Помещения здания министерства, которое расположилось по прежнему адресу в Грозном, отремонтированы. Сотрудники Минобразования России приняли участие в проводимой аппаратом республиканского министерства аттестации руководящих кадров, их подбор и расстановка. Ряду руководителей школ были даны рекомендации по повышению педагогической и управленческой квалификации

посредством направления на обучение в педагогические учебные заведения республики, курсы, организации самообразовательной работы.

Во всех районных (городских) отделах образования проведены августовские конференции, а общереспубликанское августовское совещание успешно прошло в подвальном помещении полуразрушенного здания грозненской средней школы-гимназии №41, где наряду с устными выступлениями участников была представлена наглядная информация из районных отделов образования.

Согласно реестру ремонтно-восстановительных работ, представленному 11.08.2000 г. отделом капитального строительства Представительства Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике, из 337 общеобразовательных учебных заведений, включённых в план, 247 планировалось отремонтировать к началу учебного года, сданы по акту и готовы к работе на 1 сентября 2000 года — 87.

Из 452 школ действующими на 1 сентября 2000 года являются 389, в которых обучается около 190 тысяч учащихся. В республике приступили к работе 12,6 тысяч учителей. Всем работающим сотрудникам школ выплачивается заработная плата.

В рамках выполнения программы мер Минобразования России по восстановлению системы образования Чеченской Республики за счёт средств Минобразования России около 160 педагогических работников из Чечни прошли курсовую подготовку в Российской Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования в Москве, а группа педагогов прошла курсовую переподготовку по психологическим дисциплинам в Московском психолого-социальном институте. Это уже четвертая группа слушателей курсов по психологическим дисциплинам, прошедших переподготовку в этом институте при поддержке Минобразования России,

Правительства Москвы и Фонда Сороса в России. Работа по повышению квалификации педагогических кадров Чеченской Республики будет продолжена на базе Чеченского государственного педагогического института в г. Грозном и в ряде педагогических вузов Северного Кавказа.

Настоящим праздником для молодежи стало возобновление деятельности 3-х чеченских вузов: Чеченского госуниверситета, Чеченского госпединститута и Грозненского государственного нефтяного института.

В вузах России выделено 332 места для целевого приёма выпускников образовательных учреждений Чеченской Республики. Кроме того, для молодёжи Чеченской Республики выделено 775 мест на подготовительных отделениях, в том числе 575 мест в вузах г. Грозного. Конкурсный отбор выпускников проводился 12-17 августа т.г. в Чеченском государственном педагогическом институте в г. Грозном.

Объединенной приемной комиссией под председательством ректора ЧГПИ Б. Хасбулатова проведена большая работа по приему выпускников общеобразовательных школ в вузы России. В состав комиссии вошли от Минобразования России начальник Отдела по восстановлению системы образования Чеченской Республики В.А. Мижериков, от министерства образования ЧР — 1-й заместитель министра З.Р. Успаева. Итоги приема молодежи в 2000 году в вузы:

ЧГУ — 1055 (575 дневное отделение и 480 заочное отделение)

ЧГПИ — 272 (283 дневное отделение и 244 заочное отделение)

ГГНИ — 448 (330 дневное отделение и 118 заочное отделение)

Число желающих учиться на очных отделениях вузов гостий по целевому приему составило 251 человек на 348 мест. Из них поступило 126. Кроме того, на выделенные 200 мест подготовительных отделений вузов России направлено 80 человек.

Считаю необходимым отметить причины, которые повлияли на недоукомплектование выделенных мест:

1. Выделенные для поступления города не соответствовали пожеланиям абитуриентов, т. к. основная их масса изъявляла желание поступить в вузы г. Москвы и г. Петербурга и центральной полосы России.

2. Нестабильная обстановка в Чеченской Республике, обусловившая затруднения в передвижениях из центров размещения временно перемещенных лиц (лагерей беженцев) к месту проведения вступительных испытаний из-за частого перекрытия дорог при каждом обострении ситуации.

3. Сложное материальное состояние в семьях абитуриентов.

Все это не позволило всей желающей учиться молодежи вернуться в г. Грозный из лагерей беженцев в июле-августе и участвовать во вступительных испытаниях.

Осуществляется восстановление в г. Грозном материально-технической и учебно-научной базы Чеченского государственного университета, Чеченского государственного педагогического института и Грозненского государственного нефтяного института. Прием студентов в 6 учреждений среднего профессионального образования составил 967 человек по очной и заочной формам обучения, а прием обучающихся на дневное отделение в 13 учреждений начального профессионального образования составил 2934 человека.

Следует отметить работу по оказанию гуманитарной помощи детям и общеобразовательным учреждениям Чеченской Республики, которую уже в настоящее время оказывают около 50 регионов Российской Федерации. Среди них: Вологодская, Костромская, Нижегородская, Ростовская, Тюменская, Ярославская области, Краснодарский и Ставропольский края. Республики: Дагестан, Калмыкия, Коми, Марий Эл, город Москва. Каждый из этих регионов направил в Чеченскую Республику в качестве гуманитарной помощи в среднем по 10 тонн груза.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 18.03.2000 №238 «Об обеспечении отдыха, оздоровления, и занятости детей в 2000 году» организация летнего отдыха детей из Чеченской Республики осуществлялась за счёт средств федерального бюджета (через Минтруд России) и Фонда социального страхования Российской Федерации.

По оперативным данным для детей из Чеченской Республики выделено 15,7 тысяч путёвок в детские оздоровительные и санаторные лагеря, а также 4,6 тысячи путёвок для детей вынужденных переселенцев, временно проживающих в 25 регионах России. В Республике Ингушетия был организован отдых детей в пунктах временного размещения, в детские здравницы Республики Адыгея вывезено на отдых свыше 2300 чеченских детей, вместо предполагавшихся 1800.

Все детские здравницы были обеспечены педагогическими кадрами, соответствующими программно-методическими материалами. По необходимости региональные органы управления образованием направляли дополнительно кадры педагогов-психологов для проведения реабилитационной работы с отдыхающими детьми.

С удовлетворением могу заметить, что вышеупомянутая Программа мер выполнена более, чем на 80%, однако существует еще много нерешенных проблем.

Затянувшиеся переходные процессы по передаче власти не дают возможности в полной мере выполнять наши задачи: задержка в финансировании нужд образования, в первую очередь, зарплаты, средств на строительство и ремонт объектов образования и пр. Вся трудность ситуации состоит в том, что деньги из Москвы приходят в Гудермес, но сложившиеся обстоятельства не дают возможности своевременно выплатить зарплату учителям, что побуждает их идти на забастовки, сорвана подготовка школ к зиме, оснащение их всем необходимым для проведения учебно-воспитательного процесса.

Еще одна важнейшая, как мне представляется, проблема. Нужна организация в учебных заведениях Чеченской Республики не только учебной, но и воспитательной работы, причем именно эта часть приобретает приоритетное значение.

В связи с этим хотелось бы задаться несколькими, как мне представляется, важными вопросами.

Кто сформулирует концепцию воспитания чеченского школьника?

Кто разработает научно обоснованную программу восстановления и быстрого развития системы образования ЧР? Именно быстрого, так как изрядно отставшему чеченскому образованию надо бежать, чтобы догнать идущих более или менее плотным строем региональные образовательные системы.

Мы призываем всех внести свой посильный вклад в святое дело возрождения образования, которое, по сути своей, должно сеять Разумное, Доброе, Вечное.

Примеров таких плодотворных связей немало. Мне кажется, у нас с Институтом этнологии и антропологии РАН и фондом гуманитарного содействия ЧР имеются большие перспективы для расширения сотрудничества: почему бы не подвести под процесс возрождения системы образования ЧР глубоко продуманную научную основу; почему бы не продолжить практику организации повышения квалификации педагогических работников, почему бы не изучить вопрос об издании новых и переиздании уже существующих школьных учебников регионального компонента и т.д.

Мы уже обратились к субъектам РФ и получили определенную помощь учебниками, стройматериалами, компьютерами, одеждой. И работа эта будет продолжена.

Мы обращаемся к международному сообществу, располагающему большими возможностями для скорейшей ликвидации последствий гуманитарной катастрофы, разразившейся над чеченской землей.

Мы призываем деловой мир чеченской общественности придти на помощь медленно и трудно восстанавливаемому образованию во имя будущего детей Чечни как неотъемлемой части возрождающейся России.

Как хорошо сказал наш замечательный и мудрый поэт Булат Окуджава: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке!»

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Сегодня вновь, уже в который раз встает вопрос о необходимости налаживания мирной жизни в Чеченской Республике. Эта задача в 2000-м году, обозначилась гораздо сложнее, чем 5 лет назад. Это обусловлено тем, что за это время в Чечне практически отсутствовало созидание, но множилось разрушение как материальных ценностей, так и в умах и настроениях людей. Необходимы гигантские усилия, чтобы повернуть вспять этот разрушительный процесс. Возможно ли это? Со всей ответственностью заявляю: да, не только возможно, но и необходимо. Другого пути у нас просто нет. Уже не единожды разные народы мира возрождались из пепла и активным созидательным трудом добивались, казалось бы, невозможного. В этом лично я и мои коллеги убедились по работе во Временной Администрации ЧР и Представительстве правительства России за 8 месяцев активной созидательной деятельности на территории Чечни.

Позволю себе остановиться лишь на части глобальной проблемы, имя которой —возрождение Чечни — и рассказать о социальной сфере, поскольку именно она отражает реальное положение человека в окружающей действительности, в значительной степени формирует его настроения и отношение доверия или недоверия к власти.

Начиная большую работу, необходимо отчетливо представлять себе настоящее положение дел, чтобы целенаправленно и эффективно воздействовать на сложившуюся ситуацию.

Начну со здравоохранения — одного из наиболее пострадавших направлений в жизни чеченского общества.

Вот лишь несколько цифр.

До начала 90-х годов в республике насчитывалось около 400 лечебно-профилактических учреждений на 11 тысяч койко-мест. После первой чеченской кампании и в результате усилий по восстановлению разрушенных объектов здравоохранения в 1995 году населению

республики оказывалась помощь только в 71 больнице и 125 амбулаторно-поликлинических учреждениях. В 1996 году был восстановлен всего 1 объект здравоохранения. Следующие 3 года стали временем варварского уничтожения всего, что связано с медицинским обеспечением населения. Абсолютное большинство лечебно-профилактических учреждений было разоборудовано и приведено в состояние практически полной непригодности. Медицинский инструментарий, оборудование, мебель, постельные принадлежности расхищены, значительная часть медикаментов попала к боевикам, многие сотрудники медперсонала выехали за пределы республики. Только из грозненской службы скорой помощи были похищены 18 автомобилей. А в Гудермесе на станции машин скорой помощи не осталось вовсе. Опустевшие помещения лечебных учреждений стали использоваться не по назначению. Так в больнице ст. Ищерская было размещено Министерство шариатской безопасности. И это не единственный пример.

За указанное время полностью разрушены:

— республиканская клиническая больница на 1100 коек и поликлиника на 700 посещений;

— больница скорой медицинской помощи на 510 коек;

— республиканский госпиталь для ветеранов войны на 200 коек;

— республиканский противотуберкулезный диспансер на 400 коек с поликлиникой на 250 посещений;

— роддом № 2 в г. Грозный на 160 коек;

— больница № 4 в г. Грозный на 510 коек и поликлиникой на 350 посещений;

— детская больница № 2 в г. Грозный на 345 коек;

— поликлиника № 8 в г. Грозный на 540 посещений;

— дома ребенка № 1 и № 2 на 120 мест каждый;

— детская поликлиника на 950 посещений;

— инфекционная больница в г. Грозный на 180 коек;

— республиканский кожвендиспансер на 120 коек и 150 посещений;

республиканский кардиологический диспансер на 150 коек и 200 посещений;

И это далеко не полный список. Из 29 участковых больниц 6 разрушены полностью, 23 частично. Из 14 ЦРБ полностью уничтожено 4, частично разрушены 3. Таким образом, даже по сравнению с 1995 годом здравоохранение республики лишилось более 3700 коек и 3900 посещений.

В связи с прекращением выдачи зарплаты, оставшиеся медучреждения повсеместно перешли на платное медицинское обслуживание, при этом за услуги брали не только деньгами, но и продуктами и даже одеждой. Только одно это свидетельствует о том, до какой нищеты было доведено население Чечни.

Критическая ситуация сложилась в госсанэпиднадзоре республики. Из 14 СЭС действующих осталось только 9. Остальные разрушены. Еще хуже ситуация с обеспечением населения лекарствами — по 182 аптек в Чечне сохранилось только 40. С 1991 по 1999 годы в республике не проводилась прививочная работа. Результатом этого явились вспышка полиомиелита — 152 случая. Катастрофически возросли показатели наиболее опасных болезней. Рост количества больных туберкулезом по сравнению с 1996 годом увеличился на 300, а в местах большого скопления людей на 400 процентов. Детская смертность увеличилась в 3,5-4 раза, а общая смертность в 5-6 раз. Таким образом, впервые за всю историю нашего народа сложилась ситуация, когда смертность

превысила рождаемость. Такого не было даже в годы сталинской депортации чечено-ингушского народа.

Начиная в октябре прошлого года работу по восстановлению социальной сферы; мы столкнулись с тем, что в республике полностью отсутствовали данные по диспансеризации, не проводившейся по некоторым нозологическим формам уже 10 лет. Тяжелые условия жизни, отсутствие коммунальных удобств, в пострадавших от войны городах и населенных пунктах, скудное питание и сильнейшие стрессы послужили причиной бурного роста не только туберкулеза, но и других инфекционных заболеваний: чесотки, кишечных инфекции, сердечно-сосудистых, респираторно-вирусных и детских заболеваний. Значительный рост травм, в том числе огнестрельных ранений среди мирного населения был вызван боевыми действиями. Местные органы здравоохранения оказались совершенно не готовы к значительному (в 10,4 раза) увеличению числа нуждающихся в оказании медицинской помощи. Учитывая ситуацию, мы прежде всего взяли за восстановление системы здравоохранения. В первые, самые критические дни, неоценимую помощь нам оказали военные и сотрудники МЧС. Именно военные медики и врачи ЦМК помогали больным местным жителям. За смену они принимали по 300-400 человек. И то, что беременных чеченских женщин на броне доставляли в армейские палатки с красным крестом на крыше, а после удачных родов они называли своих младенцев русскими именами в честь армейских докторов — это тоже события из нашей общей истории, которые забывать нельзя.

Принятыми мерами был создан Минздрав Чеченской Республики, осуществлена поставка оборудования и лекарственных препаратов на сумму более 46 млн. рублей. К июню месяцу были восстановлены и уже работали 40 больниц, 11 поликлиник, 38 фельдшерско-акушерских пунктов, 4 СЭС, 3 аптеки, 2 госпиталя и 2 станции переливания крови, 1 родильный дом. В работе находился еще 151 объект здравоохранения. За полгода только на восстановление объектов здравоохранения было затрачено 33 млн. 247 тыс. рублей. В каждом районе республики возобновили работу центральные районные больницы. Во всех функционирующих медучреждениях были сформированы коллективы, способные обеспечить лечебно-профилактическую работу. В частности, к работе приступили 980 дипломированных врачей разных специальностей, около 6 тыс. сотрудников среднего медперсонала и

более 3 тыс. санитаров. Все они стали получать зарплату. Принятыми усилиями была реанимирована республиканская служба скорой помощи. Были восстановлены станции в Грозном и Гудермесе, а также в некоторых других райцентрах. Для их нужд было закуплено 20 специализированных машин.

Особое внимание мы уделяли вопросам иммунизации населения. За непродолжительный период было привито 78,5 тыс. детей с выполнением двух туров на 98,7 и 98,2 процента. Было выявлено 327 инвалидов, нуждающихся в протезировании и более 800 человек, которым необходимы инвалидные коляски, костыли, слуховые аппараты. В Чечне, как ни в одной точке России, требуется проведение активных мероприятий по социальной адаптации и психологической реабилитации широких слоев населения. Это диктует необходимость продолжения процесса восстановления местного здравоохранения еще более высокими темпами, чем в первом полугодии текущего года. К сожалению, в ближайшей перспективе этого не предвидится.

Проблема медицинских кадров в республике стоит крайне остро. За один год ее не решить. Необходимо сформировать протекционистскую политику государства в отношении медицинского образования коренных жителей Чечни: обучение их в институтах других городов с последующим целевым распределением в республику. А пока целесообразно приглашать специалистов для работы в медицинских учреждениях Чеченской Республики на конкретной основе, законодательно предусмотрев для них достаточную материальную заинтересованность и гарантии безопасности.

Необходимо разработать специальную программу помощи материнству, адаптированную к местным условиям. Очевидно, что традиционные пути (сеть женских консультаций, строительство детских садов, яслей, организация детского питания и медицинского обслуживания) не могут быть в полной мере реализованы в республике да еще и в кратчайшие сроки. Поэтому помощь должна быть адресной, доведенной до каждой матери и каждого ребенка.

Крайне отрицательное влияние на здоровье населения республики имеет экологическая ситуация в Чечне. Загрязнения отходами несанкционированной нефтедобычи кустарного производства бензина

подверглись полторы тысячи га. Серьезную опасность для жителей столицы представляют грозненские техногенные залежи. Особую тревогу вызывает обеспечение радиационной безопасности на пункте захоронения радиоактивных отходов на комбинате «Родон», где захоронено 906 кубометров радиоактивных отходов с активностью 1505 юри. Все эти нарушения в комплексе с деградацией окружающей природной среды самым неблагоприятным образом сказывается на здоровье человека.

Для решения всего комплекса вопросов, связанных с охраной здоровья населения Чеченской Республики, предлагаю осуществить следующие мероприятия:

— через Минздрав России наладить целевое финансирование работ по восстановлению системы здравоохранения Чеченской Республики;

— на плановой основе обеспечить комплектацию медицинским и технологическим оборудованием, мягким и твердым инвентарем, медпрепаратами и автотранспортом;

— сохранить за Минздравом ЧР территории, где располагались разрешенные учреждения и поставить перед правительством РФ вопрос о строительстве объектов здравоохранения взамен уничтоженных ЛПУ;

— обеспечить подготовку квалифицированных медицинских кадров как внутри республики, так и в специализированных учебных заведениях России.

Теперь несколько слов о системе образования Чеченской Республики, где также сложилась критическая ситуация. Ранее на территории Чечни насчитывалось 450 школ. Однако абсолютное большинство из них не работало, поскольку получили значительные разрушения. Была разворована большая часть школьной мебели и учебного оборудования, библиотек. Руководящие органы Ичкерии со всей ответственностью выполняли завет Джохара Дудаева по поводу того, что мальчикам вполне хватит 4-х классного обучения, а девочки могут обойтись даже без начального образования. Мы столкнулись с

ситуацией, когда 10-15-летние ребята ни дня не сидели за школьной партой.

Сразу после возникновения представительства Правительства России и Временной Администрации были приняты меры по восстановлению школ и ликвидации безграмотности. На реализацию этой программы были направлены 142 млн. рублей. В кратчайшие сроки были восстановлены 232 школы 2 школы–интерната, 6 детских садов и 2 музыкальные школы. К весне текущего года проводились в 389 школах, где обучались 173,5 тыс. детей и работали 13,8 тыс. учителей. Было приобретено 904 тысячи школьных учебников, что составляет примерно 60 процентов укомплектованности по всей республике (в Министерство образования РФ была направлена заявка на 1 300 000 учебников более 100 наименований для 1-11 классов на общую стоимость 25 млн. руб.), поставлено 6743 комплекта школьной мебели, на 2,4 млн. рублей приобретены школьно-письменные принадлежности. Впервые за три года (с 1 октября 1999 г. по май 2000 г.) учителя получали зарплату, а школьники — бесплатное питание в группах продленного дня. Весной 2000 года среднюю школу окончили 14,9 тыс. ребятшек. Это был значительный успех в нашей работе.

Но, как это ни грустно отмечать, с ликвидацией представительства Правительства РФ в ЧР программа восстановления средней школы была заморожена в прямом и переносном смысле. Почти повсеместно прекратился ремонт школьных зданий, учителя перестали получать зарплату. Достаточно сказать, что в столице — городе Грозном, полностью готовы к зиме только 3 школы. Еще 17 отремонтированы наполовину, остальные требуют не только косметического, но и капитального ремонта. Общие итоги нынешнего состояния дел таковы: около 60 процентов школ не смогли начать учебный процесс в сентябре нынешнего года, а 40 процентов не работают и по сей день. Сегодня для ремонта школ крайне необходимы оконное стекло, шифер, пиломатериалы, цемент, известь, краска, оконные и дверные блоки. Что касается финансовых средств, то могу сказать, что только на текущий ремонт одной из наиболее благополучных школ на 390 учащихся требуется полтора млн. рублей.

Обоснованную тревогу вызывает и состояние высшей школы Чеченской Республики. Безусловно, радует факт открытия в Чечне всех трех действовавших ранее высших учебных заведений (ЧИГУ им.

Л. Толстого, Нефтяного института им. Миллионщикова и Государственного педагогического института — все они находились в Грозном). Еще весной нами было сформировано руководящее научно-административное звено (ректорский и проректорский уровень), велись переговоры с профессорско-преподавательским составом. Сложность комплектования заключается в том, что основная часть вузовских преподавателей покинула пределы ЧР и вопрос своего возвращения увязывает с проблемой жилья, материального обеспечения и личной безопасности.

Еще более сложная проблема связана с восстановлением объектов культуры. В прежние годы на территории Чечни работало около 300 библиотек. Сейчас книжный фонд утрачен полностью, разворована или разбита мебель — книжные стеллажи и полки, столы и стулья. Из более чем двухсот клубов и дворцов (домов) культуры, сейчас работают единицы, да и они пребывают также не в лучшем состоянии — оборудование сломано или разворовано, помещения требуют косметического, а во многих случаях и капитального ремонта. На ремонт зданий составлена проектно-сметная документация, параллельно составляются списки работников персонала библиотек, ДК и клубов, ведется их регистрация. По имеющимся сведениям профессиональные кадры работников культуры сохранились примерно на 70-80 процентов, но никто не знает, когда они смогут приступить к работе.

В годы дудаевско-масхадовского режима не был сохранен ни один из трех театров Республики, расположенных в гор. Грозный. Значительные повреждения получило здание русского драматического театра им. Лермонтова, требуют значительных затрат на капитальный ремонт здания детского кукольного театра и драматического театра им. Нурадилова, также разрушены филармония и цирк. Перестал существовать государственный ансамбль «Вайнах» и ансамбль фольклорного танца «Нохчо».

Крайне важно, на мой взгляд, ввести в действие на территории республики социальные программы по работе с молодежью. Как ни в одном другом регионе страны, мы имеем здесь благодатную почву для развития у молодежи социального и правового нигилизма. Велика опасность противоправных действий и употребления наркотиков. Важно дать молодежи возможность самореализации в различных

сферах человеческой деятельности: получить образование, помочь с трудоустройством, организовать досуг. Это крайне важный раздел социальной работы ни в коем случае нельзя отдать на откуп некомпетентным чиновникам. Ситуация с молодежью крайне сложная и требует участия высококвалифицированных профессионалов, разработки специальных программ, рассчитанных на несколько лет.

В центре внимания находится вопрос о выплате социальных пособий. В регионе, где безработица составляет около 85 процентов, значение этих социальных выплат весьма велико не только в материальном, но и в морально-психологическом плане. Здесь важно обеспечить своевременность, полноту и адресность этих выплат.

Герман Хасханов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТРУКТУР ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ПЕРИОД АКТИВНОЙ ФАЗЫ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

(октябрь 1999 г. — июнь 2000 г.)

18 октября прошлого года, как только от вооруженных бандформирований были освобождены три северных района Чечни, встал вопрос о формировании правомочных органов власти. Нам был нужен полномочный орган исполнительной власти, немногочисленный по своему составу, но который бы мог самым активным образом взаимодействовать с армией и эффективно решать задачи восстановления экономики и социальной сферы республики. Естественно, это должна быть временная структура, ограниченная периодом активной фазы боевых действий с элементами чрезвычайных полномочий.

И такая структура была создана. Ею стало представительство Правительство Российской Федерации в Чеченской Республике. В рамках представительства была сформирована Временная Администрация ЧР. Нам приходилось учитывать негативный опыт ичкерийской власти, где обосновались многие преступники. Поэтому 24 октября 1999 года была сформирована республиканская аттестационная комиссия, в состав которой вошли заместители Главы и начальники отделов Временной Администрации, представители МВД, ФСБ, военные коменданты и руководители представительства Правительства России. Это было сделано для обоснованного назначения кандидатов на руководящие должности в органы исполнительной власти всех уровней, глубокого и объективного изучения специальной и профессиональной подготовки этих лиц, их деловых, политических и моральных качеств.

Всего за 8 месяцев работы было проведено 23 заседания, в том числе 12 выездных в Наурском, Надтеречном, Шелковском, Шалинском, Ачхой-Мартановском и других районах республики по мере их освобождения от бандформирований. В ходе заседаний были утверждены на должности глав администраций районов и их заместителей 39 человек, руководителей предприятий республиканского значения 35 человек, сотрудников Временной Администрации Чеченской Республики 113 человек, глав администраций сел 84 человека, сотрудников органов местного самоуправления и предприятий районов 260 человек. В общей сложности был утвержден 531 руководитель. При подборе кадров большое внимание уделялось рекомендациям, которые давали кандидатам на руководящие должности их сослуживцы, старейшины и авторитетные люди республики. Самое пристальное внимание уделялось наличию и проверке сведений о возможном участии кандидатов в отрядах сепаратистов. Таким образом, были укомплектованы все подразделения представительства Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике и Временной Администрации ЧР, администраций районов, населенных пунктов, предприятий и организаций республики компетентными, политически грамотными и профессионально подготовленными кадрами.

По мере освобождения территорий и населенных пунктов от бандитов, администрациями районов, главами органов местного самоуправления и военными комендантами подбирались и утверждались на должность районными аттестационными комиссиями руководители и сотрудники местного уровня, которые обеспечивали выполнение стоящих перед ними задач в масштабах своего района или села. В дальнейшем их кандидатуры утверждались на выездных заседаниях республиканской аттестационной комиссии. Большую помощь оказывали военные коменданты районов республики в организации здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства, проведении сельскохозяйственных работ. Много они сделали и для поддержания общественного

порядка, взаимодействия с федеральными силовыми структурами.

К маю 2000 года была практически полностью сформирована вертикаль системы исполнительной власти, начиная от конкретного села, кончая руководством республики. Перед всеми ветвями исполнительной власти стояли огромные задачи по восстановлению в кратчайшие сроки объектов водо- газо- и электроснабжения, возрождения системы образования и медицинского обеспечения и они пытались решить часть первоочередных задач. Был выполнен огромный объем работ по выплатам зарплаты сотрудникам бюджетной сферы, пенсий и пособий, что в значительной степени способствовало восстановлению доверия населения к федеральному центру. На плечи сотрудников представительства Правительства России и Временной Администрации Чечни легло руководство такими важными мероприятиями как проведение осенней вспашки и сева озимых культур, организация весенне-полевой кампании, подготовка к выборам Президента России и юбилея Победы советского народа в Великой отечественной войне.

При представительстве Правительства России в Чеченской Республике был создан Совет глав администраций Чечни. Это был совещательно-рекомендательный орган, который напрямую участвовал в выработке решений и претворению в жизнь программы восстановления Чечни. Совет, как правило, собирался раз в месяц, а при необходимости и чаще. На этих собраниях рассматривались первоочередные задачи и главные направления восстановительных работ, подводились итоги трудовой деятельности районов, вносились предложения о распределении заработанных и поступающих в республику средств.

Практика подтвердила правильность выбора и дееспособность данной структуры исполнительной власти. За 8 месяцев работы в условиях активной фазы боевых действий были достигнуты

весомые результаты по нормализации жизни в Чеченской Республике, восстановлению ее экономики и социальной сферы.

Впрочем, не могу умолчать и о некоторых упущениях в нашей работе. В частности, серьезному анализу и суровой оценке был подвергнут факт, когда спецслужбы выявили среди сотрудников Временной Администрации человека, который изменил свои установочные данные и уже более трех лет находился во всероссийском розыске. За попытку хищения гуманитарной помощи пришлось нам снимать с должности и главу администрации Надтеречного района. Если бы не работа аттестационных комиссий, подобных фактов было бы неизмеримо больше.

Эффективным инструментом в деле восстановления экономики Чечни была шефская работа российских регионов и ведущих промышленных гигантов над районами ЧР. Это сотрудничество организовали руководители представительства Правительства России, главы министерств, ведомств и предприятий. Так Саратовская область и ее руководитель Дмитрий Аяцков взяли шефство над Грозненским сельским районом. Волгоградская область — над Надтеречным районом. Челябинская — над городом Аргун и так далее. Большое личное участие в восстановлении экономики и социальной сферы Чечни проявили глава Газпрома Рэм Вяхирев, мэр Москвы Юрий Лужков, руководитель РАО «ЕС России» Анатолий Чубайс, губернатор Кузбасса Аман Тулеев и другие руководители.

Естественно, что деятельность представительства Правительства России в ЧР и Временной Администрации республики не могла быть эффективной без активного содействия территориальных органов федеральных структур. Прежде всего, это касается силовых ведомств, органов правопорядка и юстиции, ведущих министерств. Командируя в Чечню своих представителей, они на месте организовывали

работу по своим направлениям, поскольку в Чечне полностью отсутствовала аналогичная система.

Своеобразным показателем и оценкой нашей деятельности стало участие чеченского народа в выборах Президента России. Впервые за последние 10 лет жители нашей республики воспользовались своим неотъемлемым правом участвовать в политической и общественной жизни страны. В выборах приняли участие 476508 человек или 79,41 процента от общего количества потенциальных избирателей республики, причем, более 50 процентов избирателей проголосовали за В. Путина.

Большая организаторская и политическая работа проведена в период подготовки и проведения празднования 55-ой годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Были восстановлены и реставрированы памятники и обелиски, места захоронений советских солдат, по всей республике прошли торжественные мероприятия и праздники с участием ветеранов войны и труда. В Москве 19 воинов-фронтовиков из Чечни участвовали в параде Победы и акции в помощь чеченским детям-инвалидам «Чужого горя не бывает».

Указ Президента РФ «Об администрации Чеченской республики» от 8.6.2000 г. № 1071 был воспринят как новый этап усиления позитивных изменений в жизни Чечни. Уже подходила к концу активная фаза контртеррористической операции, в республике была проведена большая работа по восстановлению объектов жизнедеятельности. Эти позитивные изменения диктовали необходимость корректив в структуре властных органов Чеченской Республики. В общественном мнении сформировалось убеждение, что вместо представительства Правительства будет введено прямое президентское правление. Иными словами, начнет действовать более значимая структура с большим объемом полномочий — представительство Президента РФ.

К великому сожалению, этого не произошло. Была сформирована Временная администрация Чеченской Республики, которая допустила, на мой взгляд, стратегическую ошибку. Вместо того, чтобы развивать и дальше достигнутый нами успех в формировании органов исполнительной и законодательной власти, опытных работников Временной Администрации начали шельмовать и просто разгонять. Это привело к тому, что были уничтожены учетные и отчетные документы, ушли многие специалисты, которые стояли у истоков становления новых структур власти. После этого со стороны нынешней Администрации ЧР начались заявления о всевозможных хищениях, отсутствии машин и механизмов. Только благодаря тому, что в представительстве Правительства России все документы были сохранены, мы отчитались за каждую копейку. Также была дезавуирована работа аттестационной комиссии. К чему это привело, мы видим сегодня. Если за 8 месяцев мы не допустили хищения денег, то теперь, как сообщили средства массовой информации, только в Грозненском сельском районе было разворовано 750 тысяч рублей, предназначенных для выплаты пенсий.

Сегодня из-за большой занятости и недостатка времени, представитель президента в Южном федеральном округе не может уделять проблемам Чечни должного внимания. В результате остановился тот поступательный процесс, который был начат представительством Правительства России. При ослаблении экономики усилилась террористическая деятельность — это закономерный и объективный результат. Была разорвана жесткая связь тесного взаимодействия и ответственности военных комендантов и глав местных администраций. Ряд руководителей районного и городского уровней подвергаются не только угрозам, оно и попыткам физической расправы. Неоднократно были покушения на Малику Гезимиеву, Иситу Гайрибекову, Супьяна Махчаева и других руководителей. Известно, что бандиты убили несколько глав местных администраций и имамов сельских мечетей. Таким образом, была подорвана вера населения республики в новую власть. В

общественном сознании все больше и больше укрепляется мнение, что Россия уже во второй раз, после хасавюртовских соглашений, предала интересы чеченского народа. Уверен, что эту ситуацию нужно менять в корне и чем быстрее, тем лучше как для Чечни, так и для России.

В связи с этим я поддерживаю предложение Малика Сайдуллаева о введении в Чеченской Республике прямого президентского правления сроком на 2-3 года с руководителем в ранге не ниже вице-премьера. (Кстати, об этом главы районных администраций просили президента в своем письме еще в апреле месяце.) А уже потом, когда с терроризмом будет покончено не на бумаге, а в действительности, когда в Чечне будут созданы нормальные социально-бытовые и политические условия, когда начнет работать экономика, вот тогда и придет время для проведения действительно свободных выборов органов власти Чеченской Республики в полном соответствии с законодательством Российской Федерации.

Шамиль Бено

**ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА
В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ**

**(По итогам социологического опроса населения чеченской
республики в сентябре-октябре 2000 г.)**

Методологические разделы опроса :

Ф о р м у л и р о в к а изучаемых проблем:

1. приблизительный уровень месячного дохода семьи; материальная зависимость;
2. безработица, ее причины;
3. основные материальные нужды людей;
4. учеба детей;
5. уровень роста наркомании и алкоголизма;
6. состояние здоровья людей, выявление роста заболеваний;
7. материальное положение за год; оценка себя в системе социальной стратификации.

Методом сбора информации стало индивидуальное добровольное анкетирование, проведенное по серийной выборке с 20 сентября по 10 октября на территории Чеченской Республики.

Объектами стали 300 респондентов, опрошенных в г.Грозном, Аргуне, Шали и Гудермесе, а также в 6 районах республики.

Общий объем выборки — 400 чел. Анкетирование анонимное. Возраст и характер занятости указывался при желании. Национальность не отмечалась респондентами, но фиксировалась оперативной группой.

Вопросы открытые и закрытые.

Процедура сбора данных — случайный метод добровольного анкетирования в местах скопления людей (базары, стоянки, школы, больницы и учреждения).

Возрастная вариативность колеблется от 18 до 80 лет.

до 30 лет — 28,3%

от 30 до 50 лет — 50%

от 50 до 70 лет — 15%

от 70 и старше — 0,6%

не указали — 6%

Социально активная, т.е. «продвинутая» средняя возрастная группа.

по уровню образования зафиксированы следующие группы:

среднее — 37,3%

незаконченное среднее — 6,3%

с/техническое — 4,2%

с/специальное — 14%

высшее — 33%

незаконченное высшее — 3,3%

не указали — 1,6%

Национальная дистрибуция:

чеченцы — 92%

ингуши — 1,3%

чеченцы-акинцы — 1,6%

русские — 4%

украинцы — 0,3%

кумыки — 0,6%

Выделим опрошенных по характеру занятости

или профессиональной принадлежности:

работники образования — 17,5%

работники здравоохранения — 15%

Безработные — 13%

служащие — 19%

группа «сервис» — 6%

коммерсанты — 8,2% (торговля
продуктами, одеждой, ювелирными
изделиями, недвижимостью,
стройматериалами и т.д.)

ИТР — 1,6%

студенты — 1,9%

Пенсионеры — 3,3%

Домохозяйки — 4%

Работники с/х — 4%

рабочие — 6% (строители,
работники ж/д транспорта)

Содержательная структура опроса:

вопрос → вариативность ответов в % соотношении

→ сравнительные данные ответов по х/з

В о п р о с 1 . Из скольких человек состоит Ваша семья? Назовите приблизительный месячный доход Вашей семьи. Состав семьи:

- до 3-х человек — 5,5%
- от 3 до 6 человек — 45,5%
- от 6 до 10 человек — 35,5%
- от 10 до 15 человек — 6,5%
- от 15 и более человек — 0,7%
- не указали — 5,6%

Семьи, состоящие из 9-10 и более человек составляют в общине 2-3 живущих поколения: родители → дети → внуки. Приблизительный месячный доход

на семью:

- до 300 рублей — 1,5 %
- до 500 рублей — 4,2%
- от 500 до 1000 рублей — 20%
- от 1000 до 2000 рублей — 15%
- от 3000 рублей — 4,8%
- до 4000 рублей — 2,1%
- до 5000 рублей — 1,8%
- до 6000 рублей — 0,6%
- от 6000 до 10 000 рублей — 0,6%
- затруднялись ответить — 9%
- нет вообще дохода — 8% (указывает на то, что живут на иждивении родных или пенсии стариков)

- нет систематического дохода — 6% (не фиксируют, так как он мизерный)
- не указали — 25% (большая часть из них просто не знает регулярного дохода, так как он несистематичен, другая часть не указала из-за ложной скромности)

Семьи из трех человек имеют в основном доход от 500 рублей до 1,2-2 тыс.руб. Следовательно, в целом на одного человека приходится от 10 до \$18 и это считается сносным уровнем жизни.

Семьи до 6 человек имеют основной месячный доход от 1 тыс. до 2,5-3 тыс.руб. На одного человека приходится в лучшем случае по \$18 на человека, в худшем до \$6. Семьи до 10 человек собирают за месяц до 3-4 тыс.руб. Ориентировка — \$100. Гарантированно приходится на человека по \$10.

Семьи до 15 человек собирают в месяц от 2 до 4 тыс. руб. На одного человека в целом приходится до \$5.

Один респондент указал: «корова — вот наш доход». На отсутствие какого-либо или систематического дохода указали:

- медики — 26,5%
- работники образования — 45%
- служащие — 44%

В о п р о с 2 . На какие средства в основном живете Вы и Ваша семья?

Получен следующий расклад(в %):

- торговля чем-либо — 15,3%
- зарплата — 42% (редкие случаи выдачи)
- пенсия и зарплата — 9,3%
- выручка от домашнего и подсобного хозяйства — 8,4%

- пенсия и домашнее хозяйство — 7,8%
- пенсия и торговля — 6%
- пенсия — 6%
- выручка от домашнего хозяйства и «шабашка» — 4,8%
- зарплата и торговля — 4%
- «шабашка» — 3%
- пенсия, пособия, гуманитарная помощь — 3%
- торговля и домашнее хозяйство — 2,4%
- пенсия и «шабашка» — 1,2%
- пенсия, пособия, торговля — 2,1 %
- зарплата и «шабашка» — 1,5%
- зарплата и домашнее хозяйство — 0,6%
- зарплата и пособия — 0,6%
- зарплата, пенсия и пособия — 0,3%
- зарплата, пенсия и торговля — 0,3%
- полностью находятся на иждивении родных — 1,2%
- затруднились ответить — 3%
- не указали — 0,3%

Что спасает сегодня чеченцев? Это:

1. Торговля.
2. «Шабашка» и домашнее хозяйство.
3. Пенсии стариков.

Это наиболее систематический и предсказуемый доход.

В о п р о с 3 . Являетесь ли Вы сейчас материально независимым человеком?

- да — 2,7%
- нет — 67,5%
- затруднились ответить — 8,2%
- не указали — 2,4%

Материально зависимы:

- рабочие — 85%
- работники с/х — 83%
- безработные — 84%
- медики — 72,6%

- пенсионеры — 70%
- служащие — 68%
- учителя — 67%
- группа «Сервис» и коммерсанты — 50%
- студенты — 100%

В о п р о с 4 . Работаете ли Вы лично? Если нет, то объясните почему?

- да, работаю(без комментариев) — 31% (сюда относятся самонанятые люди, т.е. таксисты-частники, торговцы продуктами, одеждой и т.д.)

- да, работаю, но мизер — 1,3%

да, работаю, но либо не получаю, либо выплачивают изредка — 25,5% (как указала одна из респонденток : «собаке кость для того, чтобы не кусалась»)

- работаю от случая к случаю или временно — 8,3%

- нет, не работаю — 30,3% (так как: 1. не выплачивают зарплату; 2. по семейным обстоятельствам; 3. по состоянию здоровья; 4. нет желания работать, 5. учусь)

- не указали — 3,6%

В о п р о с 5 . На что чаще всего Вам не хватает денег? Варианты ответов:

- на все не хватает — 1,5%
- на питание — 10,3%
- на одежду — 7%
- на питание и одежду — 7,3%
- на одежду, медицину и образование — 7%
- не жилье — 6,6%
- на одежду, медицину, образование и предметы быта — 5,5%
- на питание, медицину и образование — 4,3%
- на всего по-немногу, кроме жилья — 4,6%
- на питание, одежду и медицину — 2%
- на жилье, медицину и образование — 2%

- на одежду и предметы домашнего быта — 2,3%
- на питание, одежду, жилье, предметы быта, личный а/транспорт — 1%
- на медицину — 0,7%
- другое(личный а/транспорт, сигареты) — 0,3 5%
- не указали — 0,7%
- на все хватает — 0,35%

Денег «не хватает на все»указали:

- безработные — 46%
- служащие — 39%
- медики — 33%
- рабочие — 33%
- домохозяйки — 50%
- работники образования — 21 %

В о п р о с 6 . Даете ли Вы своим детям или родным возможность учиться? Если нет, то объясните почему? Варианты ответов:

- да, наши дети учатся — 24%
- да, учатся, но не в полную меру — 14,5%
- нет, не учатся — 26,4% (так как нет средств на одежду, школьные принадлежности, возможность доставки детей в школу и домой)
 - нет, не учатся из-за войны — 13,8% (нестабильная обстановка, диверсии на дорогах, обстрелы, проблема добираться до школы, комендатуры рядом со школой, дети боятся ходить в школу)
 - нет детей, которые должны учиться, либо уже в семье отучились — 6,6%
 - не указали — 14%

В о п р о с 7 . Столкнулись ли Вы или Ваша семья непосредственно с растущей в республике проблемой наркомании и алкоголизма?

- да — 23,5%
- нет — 61 %
- отчасти — 12%
- затрудняюсь ответить — 3,3%

Объясняют сами же люди рост данных негативных явлений следующими причинами:

- безработица и незанятость мужского населения Чечни
- растущая бедность и безысходность
- давление внешней среды, тяжелая социально-политическая обстановка (аномия)
 - ослабление защитного потенциала личности, диффузия внешнего и внутреннего мира индивида.

Две войны за столь короткий срок, практически 10-летний период безвластия и анархии, экономического спада и роста бедности сильным бременем легли на плечи человека, резко ослабив его здоровье, внутренние и внешние резервы организма; ослабла «иммунная система» нации в целом. Мы включили в опрос общественного мнения вопросы, касающиеся здоровья людей.

В о п р о с 8 . Появились ли у Вас и Вашей семьи с начала войны новые болезни? (Укажите их при желании).

Получены следующие ответы:

- да, появились — 49%
- нет, не появились — 7,6%
- обострились хронические — 19,2%
- затрудняюсь ответить — 5,6%
- не указали — 0,7%.

Вариант, предложенный респондентами:

- появились и обострились хронические болезни — 18,2%

Итак, из 100% опрошенных около 86,5% находятся в состоянии болезни (либо новой, либо хронической).

Наиболее часто называемые заболевания: неврозы, истерия, ИБС, нарушения работы сердца, инсульты, рост гипертонии, туберкулез, бронхиальная и сердечная астмы, рост онкозаболеваний, психические отклонения, мигрень и головные боли, забывчивость.

Учителя отмечают, что у 50% мальчиков и 35% девочек наблюдаются отклонения в психике и проблемы с сердцем.

Медики отмечают рост заболеваний органов дыхания, онкозаболеваний, ИБС, щитовидной железы, гипертонии и инсультов, сердечных инфарктов, неврозов, стрессовых язв (с кровотечением), малокровия, сахарного диабета, туберкулеза, общего истощения организма, авитаминоза, кожных заболеваний.

В о п р о с 9 . Имеете ли Вы возможность лечиться? Если нет, объясните почему? Респонденты ответили:

9.1. да, имею возможность — 1,3%

9.2. да, частично — 1%

9.3. нет, не имею возможности из-за отсутствия финансовых средств — 70%

9.4. нет, из-за отсутствия квалифицированных врачей и мед.помощи, возможности выехать за пределы республики — 15,5%

9.5. не указали — 10,5%.

Таким образом не имеют возможности лечиться около 86% населения Чечни.

Не имеют возможности лечиться:

- пенсионеры — 90%
- группа «сервис» — 93%
- работники с/х — 91 %
- медики!! ! — 92%
- служащие — 80%
- безработные — 91 %
- рабочие — 72%
- работники образования — 79%.

В о п р о с 1 0 . Изменилось ли Ваше материальное положение со времени начала войны?

10.1. да, изменилось: в худшую сторону — 79,5%,
в лучшую сторону — 1,3%, оценивают свое положение как
«критическое» — 3,3%

10.2. нет, осталось прежним — 8,2%

10.3. затрудняюсь ответить — 2,3%

10.4. не указали — 4,9%.

В о п р о с 1 1 . Каким Вы себя в материальном плане считаете человеком (согласно чеченским стандартам)?

11.1. обеспеченным — 0,6%

11.2. хорошо обеспеченным — 0,6%

11.3. средне-обеспеченным — 13%

11.4. обеспеченным ниже среднего уровня — 20%

11.5. плохо обеспеченным — 33,3%

11.6. бедным — 17,6%

11.7. нищим — 11%

11.8. затруднились ответить — 3,3%

11.9. не указали — 0,3%.

«Бедными» и «нищими» признали себя:

- пенсионеры — 50%

- домохозяйки — 50%
- студенты — 42,6%
- медики — 33%
- безработные — 30%
- служащие — 23,8%
- группа «сервис» — 22,8%
- работники образования — 21,6%.

О своем бедственном положении указали даже коммерсанты, группа «сервис», врачи.

Какие выводы можно сделать на основании этих данных:

За последние десять лет социальных потрясений, шоу сепаратистов, 2-х войн, разрушения социальной инфраструктуры, жилищ, колоссального психологического стресса, голода, болезней, изменился традиционный многолетний характер семьи, численность детей резко снизилась и это неминуемо приведет в ближайшее время к резкому сокращению чеченцев и понадобится 10-15 лет, прежде чем он достигнет своей довоенной численности. Как показывают результаты опроса в Чечне самый высокий процент безработицы — почти 70 % трудоспособного населения не имеет постоянного заработка. Не может не вызвать удивления, что чеченцы, которые всегда предпочитают умереть, чем просить подаяния 67,5% всех опрошенных не считают себя материально независимыми людьми. В советское время, в условиях, когда безработица составляла 67,2% материально независимыми считали себя 99% опрошенных.

По итогам наших опросов в республике не училось детей в школьном возрасте или училось не в полную меру 39%. На самом же деле, если судить по количеству разрушенных и отремонтированных школ в республике регулярно обучалось только 2% детей. Расхождения с итогами опроса и наличием педагогов и школьных мест объясняется не только непостоянством обстановки, но желанием опрошиваемых скорее перейти к мирной жизни.

Эту же особенность чеченского менталитета необходимо учитывать в ответах на последний вопрос анкеты.

Цифры полученные нами, т.е. количество утвердительных ответов необходимо удвоить и утроить, так как т.н. «гордость» не позволяла чеченцам откровенно признавать свое бедственное положение. Спустя полгода после нашего опроса ситуация стала еще более удручающей. Все это является косвенным подтверждением действительной гуманитарной катастрофы, наступившей в Чеченской республике.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЧЕЧНЕ

Физические раны, нанесенные прошедшими военными действиями в Чеченской Республике, конечно, будут заживать не один год. Разрушенные города, села, заводы, больницы, школы, библиотеки можно восстановить в течение 3–5 лет. Однако душевные раны придется залечивать десятилетиями.

В чеченской пословице очень метко сказано: «Рана из огнестрельного оружия излечивается быстро, а от слова — никогда». А мы с вами являемся свидетелями как во многих средствах массовой информации Российской Федерации, а также устами некоторых руководителей правительства в отношении чеченского народа, выходцев из Чечни столько наворочено несправедливости, откровенной лжи, наветов и клеветы, что все это отмывать придется долго. Поэтому в восстановлении Чеченской Республики, во многом после двух войн лежащей в руинах, первоочередным является духовное возрождение.

Учитывая, что слово не только ранит, но и лечит, духовность — стержень человеческой личности, считал бы необходимым предложить участникам конференции ряд неотложных мер по возрождению духовной жизни жителей послевоенной Чечни и России.

В целях решения наиболее острых проблем, культурного возрождения Чеченской Республики, защиты прав человека и гражданина, создания положительного образа чеченцев и других выходцев из республики, возобновления их добрососедских, дружественных отношений с народами, проживающими в соседних республиках, краях и областях России, следовало бы решить следующие первоочередные задачи:

– выделить на государственных каналах ОРТ, РТР и «Радио России» еженедельно по одному часу для специальных телепередач;

- организовать на базе государственных телестудий, киностудий создание художественных и документальных кинофильмов;
- выпускать плакаты, буклеты и другую печатную продукцию;
- поручить редакторам государственных журналов, альманахов и других периодических изданий систематически публиковать или даже отвести определенное количество страниц для публикации материалов по вышеуказанной тематике;
- включить в тематические планы государственных издательств Российской Федерации художественные, документальные, политические, историко-литературные, научно-популярные произведения писателей, журналистов, ученых из Чеченской Республики.

Предлагаю свой личный вклад в это очень важное дело. В 70–80е годы в г. Грозном была издана моя документальная повесть «Чародей танца» о всемирно известном, гениальном танцовщике, Народном артисте СССР, всех республик, Герое Социалистического Труда Махмуде Алисултановиче Эсамбаеве. Успех книги был таким, что ее четыре раза массовым тиражом издавали в России, а также в Иордании, Монголии, Польше и ряде других стран. Сейчас я подготовил переработанное и расширенное издание повести. Герой моей книги — чеченец М. Эсамбаев в своих неповторимых танцах-новеллах народов мира призывал людей планеты к миру, дружбе, братству, борьбе против войны, эксплуатации, несправедливости и стал символом единства народов России. Эсамбаев в начале этого года ушел из жизни. Но уверен, что о нем, его уникальном творчестве должны знать сегодняшние и будущие поколения.

Великий русский писатель Лев Толстой предания и поэзию горцев называл сокровищами поэтическими необычайными. Думаю, что переиздание в расширенном виде чеченских историко-героических песен «Илли» обогатило бы российского читателя. Формирование жанра «Илли» относится к XVI–XIX векам. В них с большим уважением нарисованы образы представителей российского офицерства, солдат, всех

народов Кавказа. Этими песнями восхищались А. Пушкин, М. Лермонтов, Л. Толстой, А. Фет и другие классики и ученые России, находя в них высокие гуманные устремления чеченского народа.

Переводы песен осуществлены в середине 70-х годов известными русскими поэтами-переводчиками Риммой Казаковой, Яковом Козловским, Семеном Липкиным, Наумом Гребневым, Юлией Нейман и др. Из-за идеологических соображений Чечено-Ингушский обком КПСС из 51 переведенных песен позволил включить в издание 1979 года только 13. Сейчас доктором филологических наук, профессором Х. Туркаевым подготовлены к печати изданные и неизданные в свое время песни. Известный художник Т. Ахиедов проиллюстрировал будущую книгу.

Издание чеченских песен показало бы читателям России, ближнего и дальнего зарубежья величайший духовно-нравственный потенциал Чеченского народа. Большую пользу читателям, научной общественности принесли бы подготовленные к печати труды доктора философских наук, профессора А. Яндарова: «Просвещение в Чечне и Ингушетии в XIX — начале XX века», «Суфизм и идеология национально-освободительных движений» (переиздание).

Известный писатель, ученый-историк С.-Х. Нунуев закончил работу над эпическим произведением «Дух и золото», повествующем о новейшей истории Чеченского народа, показывающем причины и характер трагедии. Глубоки по содержанию и открывают новые страницы истории научные исследования журналиста, ученого М. Магомадова. В настоящее время готовы к изданию его оригинальные работы: «Чеченские просветители начала XX века», «Первые печатные издания досоветской Чечни (1900–1905 гг.)», «Особенности развития социальной и философской мысли Чечни в начале XX века».

Для полноценной духовной жизни в Чеченской Республике необходимо восстановить разрушенную военными действиями материально-техническую базу средств массовой информации, как и в целом базу культуры. Следует в полном объеме возобновить работу газет, журналов, телевидения, радио.

В этих целях надо восстановить:

- Дом печати и полиграфический Комбинат «Грозненский рабочий» для выпуска периодических изданий;
- Книжное издательство и книжную типографию.

Следует выделить средства для возобновления выпуска следующих республиканских газет:

- периодичностью 5 раз в неделю на русском языке;
- периодичностью 3 раза в неделю на чеченском языке;
- периодичностью 5 раз в неделю для молодежи на русском и чеченском языках.

Надо выделить средства для издания общественно-политических, художественных журналов:

- периодичностью 1 раз в месяц на чеченском языке;
- периодичностью 1 раз в месяц на русском языке;
- периодичностью 1 раз в месяц для детей на чеченском языке.

В Чеченской Республике необходимо восстановить:

- Дом радио;
- студию телевидения;
- телецентр

Следует выделить средства также для приобретения техники и аппаратуры для восстановления в полном объеме телерадиовещания, а также районного и городского радиовещания.

В этом комплексе надо решать и вопросы подготовки кадров. Для этого следует возобновить работу отделения журналистики в Чеченском госуниверситете, подготовку национальных кадров на факультетах журналистики в Московском и Ленинградском госуниверситетах.

Баудин Умалатов

НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧЕЧЕНСКОГО КОНФЛИКТА

В течение многих лет сложности во взаимоотношениях руководства России с Чеченской Республикой (а вернее, с чеченским народом) складывались, в большинстве случаев из-за того, что проблемам социально-экономического, политического развития ЧР не уделялось должного внимание. Не было ни научно обоснованного подхода, ни программы действий по их разрешению.

В течение многих лет после каждого очередного «мероприятия» в отношении чеченского народа проблемы только усложнялись, а вернее, усугублялись.

Руководством Советского Союза, а впоследствии и России, на фоне решения глобальных экономических, политических и военных проблем, затрагивающих интересы человечества, проблемы малых народов считались ничтожными, их просто не замечали.

Историей отдельных государств, да и всего человечества подтверждено, что наибольших успехов общество достигало тогда, когда достигалось согласие между народами, населяющими эти страны. У каждого многочисленного или малого народа, как известно, есть свои национальные особенности, присущие только этому народу.

По моему глубокому убеждению, а в отдельных случаях, к большому сожалению, у чеченского народа этих особенностей больше, чем у народов, населяющих Северный Кавказ, да и Кавказ в целом. Поэтому попытки разрешить конфликт без учета этого обстоятельства навряд ли приведут к его разрешению. В течение многих лет умалчивалось все положительное, связанное с Чечней и чеченцами. Достаточно привести ряд примеров, свидетельствующих об этом.

Только в последние годы было обнародовано, что Брестскую крепость в Великую Отечественную войну защищали более трехсот чеченцев. Никто из них не был награжден за подвиг. Тысяча чеченцев погибло защищая Сталинград, а Ханпаща

Нурадилов, уничтоживший 920 фашистов покоится под мраморной плитой на Мамаевом кургане.

Мовлад Висаитов, герой войны, награжденный многими орденами разных стран Европы и высшим орденом США, дважды представленный к званию героя Советского Союза, получил это звание только в девяностых годах, посмертно.

Ни один чеченец не предал Родину, не остался за границей проходя службу в армии, включая и Афганистан.

Замечательные истории, связанные с пребыванием Л. Толстого и М. Лермонтова в Чечне в начале XIX века умалчивались.

В Советском Союзе, а затем и в России, признавалась только одна религия — христианство. Официальные органы игнорировали ислам, как будто в стране не проживало 30 миллионов мусульман. Положительные уроки прошлого, а именно внимательное отношение в царской России к малым народам и к их религии, игнорировались. Достаточно отметить, что в царской России ордена для мусульман изготавливались без христианской символики. Поэтому самобичевание или бичевание произвола чинимого военными в Чечне тоже малопродуктивно.

С учетом конкретно сложившейся обстановки на сегодняшний день хотелось бы обратить внимание на одну из главных проблем:

Это проблема лидерства и вопросы кадров — как лестно для слуха указано в программе конференции — «политическая элита». К 90-м годам действительно наметилась тенденция к образованию в Чечне национальной политической элиты. В этом плане обозначились отдельные личности. Достаточно высокий уровень представителей научной и творческой элиты из числа чеченцев, давало повод полагать, что есть личности, способные возглавить республику.

Однако известные события, начавшиеся в 1991 году и продолжающиеся по настоящее время, прервали этот процесс.

Кому в 1991 году было 55 лет, к настоящему времени уже 65. Кто был в возрасте 30-40 лет — процесс созревания, в политическом плане, в нормальных условиях прерван на долгие 10 лет. Аналогично был прерван процесс подготовки национальных кадров с 1944-1957 год, т.е. на целые 13 лет.

Поэтому, сегодня, наряду с не менее важными социальными проблемами, вопрос о лидере республики и национальных кадрах является актуальным, его надо решать и решать не затягивая. При этом полагаю, надо помнить, что за последние 80 лет, не говоря о более раннем периоде, в Чечне не было ни одного первого руководителя коренной национальности.

Знающие обстановку в Чеченской республике не понаслышке, а изнутри, сознают и понимают, что без истребованного самим чеченским народом лидера, стало невозможным стабилизировать драматический процесс, происходящий в Чечне. Очевидно и то, что любые попытки создания на данном этапе авторитета из числа чеченцев в коридорах власти России не может привести к ожидаемому результату. Чеченское общество на данном этапе расколото, разорвано на части. Отношение различных слоев населения к тем или иным лицам, претендующим на лидерство в Чечне неоднозначно, в связи с чем не представляется возможным легко мобилизовать мнение большинства народа в пользу того или иного общественного деятеля. Задача эта, как поговаривал «великий вождь и учитель», архисложная, но решаемая. Для этого необходимо добиться согласия между основными претендентами на эту должность, если оно вообще возможно среди чеченцев. Выдвинуть одного из числа равных, который может быть положительно воспринят большей частью чеченского народа. Всем остальным сплотится вокруг общепризнанного лидера, и принять меры к укреплению его авторитета, мобилизации мнения большинства людей в его пользу. Это самое значимое, что мы можем сделать для своего многострадального народа.

После согласованного принятия решения, если кто-то ранее претендовавший на место лидера, устранился от его выполнения, станет ясно какими интересами он руководствовался до этого. Представляется крайне необходимым объединение и направление в одно русло усилий как явных претендентов, так и их окружения. Делать это надо не откладывая, не усугубляя раскол чеченской политической элиты.

Наряду с определением кандидата на лидера республики, немаловажное значение имеет вопрос о национальных кадрах. На сегодняшний день есть кадры молодых и образованных людей,

способных на первом этапе возрождения Чеченской республики оказать необходимую помощь человеку, взвалившему на себя тяжелую ношу главы республики. Но только приход на политическую арену молодых, образованных и не причастных к событиям в Чечне в 1991-2000 годах людей, способных объективно оценивать ситуацию, решит кадровую проблему. Именно они смогут руководствоваться интересами чеченского народа, консолидировать его. Эти лица будут востребованы и приняты чеченским народом.

Такие люди имеются, они обучаются в высших учебных заведениях как в России, так и за рубежом, многие из них к настоящему времени получили соответствующее образование, набираются профессионального и жизненного опыта и, по существу, в ближайшие 5-6 лет будут способны занять самые ответственные должности вплоть до руководителя Чеченской Республики.

К большому удовлетворению я встречал этих молодых людей во многих странах Европы, Азии, Африки и на американском континенте. Убежден, что они принесут в Чечню не только умение хозяйствовать, но и способность выдвигать из своей среды лидеров, как это принято в цивилизованных обществах.

Возвращаясь к личности лидера Чеченской республики, хотелось бы отметить, что необходимо подойти к выдвижению кандидатуры с максимальным вниманием. Это должно быть лицо, которое не будет обраться представителями одного тейпа, способное подбирать и расставлять кадры по деловым признакам, а не по клановым, личным интересам, лицо, способное предотвратить возрождение механизма взяточничества, хорошо знакомого по прошлому. Хотя это не легкая задача в условиях Чечни. Специалисты-правоведы готовы представить соображения по формированию небольшого по численности представительного органа республики, способного на первоначальном этапе справиться с проблемами законодательного характера, в соответствии с конституцией Российской Федерации, до подготовки и принятия основного закона Чеченской республики.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ, ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН — ОСНОВА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Во все времена, в какой бы форме государственная власть не существовала, одним из основных условий развития общества было и остается обеспечение безопасности личности и общества. Поэтому не случайно проблема прав и свобод граждан рассматривалась на всем протяжении общественного развития как средство достижения всеобщего блага. В наши дни абсолютное большинство ученых и политиков твердо убеждены в том, что защита прав и свобод граждан является не столько общественным, сколько общегосударственным делом. Задачи защиты прав и свобод граждан достигаются выработанной государством политикой, отражающей интересы всех слоев населения.

В то же время практика показывает, что государственная политика не всегда совпадает с интересами общества, а тем более отдельных общностей. Такое несоответствие вызывает социальную напряженность в обществе, а в последующем и конфликтную ситуацию, сопровождаемую вооруженным противостоянием. В результате этого возникает положение, когда риску подвергаются не только непосредственно участвующие в конфликте стороны, но и мирные жители.

Об этом свидетельствуют сравнительные статистические показатели количества участвующих и погибших во второй мировой войне и в локальных войнах после ее окончания. Так, во Второй мировой войне погибло 50 млн. человек, в том числе 48% мирных жителей; а в послевоенный период с 1945 по 1995 годы в локальных войнах погибло около 35 млн. человек, но доля мирных жителей составила уже 90%.

Масштабность вооруженных конфликтов говорит о том, что война при ее длительном проведении становится

определенной сферой человеческой деятельности, образом мышления, и более того — образом жизни, когда права и свободы граждан нельзя рассматривать как основное требование обеспечения безопасности.

Это обязывает политические партии, общественные движения, ученых все активнее включаться не только в деятельность по обеспечению безопасности личности, общества, но и глубже изучать причины и условия, способствующие возникновению конфликтных ситуаций.

Сложившуюся обстановку в Чеченской республике с позиций обеспечения безопасности личности, ее прав и свобод можно рассматривать с различных позиций. Однако наиболее опасным в условиях вооруженного конфликта представляется то, что в ходе его разрушаются основы жизнедеятельности человека, среди людей распространяется ощущение своей незащищенностью, и в первую очередь — со стороны государства. Подтверждение этому — наличие нескольких сотен тысяч граждан республики, выехавших за ее пределы; а более 100 тысяч человек проживают ныне в палатках и вагончиках, испытывая невзгоды и неустраивенность.

Не отражая в своем сообщении количественную сторону имевших место потерь за период продолжающегося конфликта, не могу не обратить внимание на то, что ее важнейшим составляющим элементом является здоровье граждан. Исследования лиц, побывавших в зоне экстремальных ситуаций, проведенные на базе Военно-медицинской академии, привели к выводу, что переживаемый в этих условиях стресс влечет за собой тяжелое, часто хроническое повреждение структур головного мозга, ведущее к поражению функций центральной нервной системы с определенными последствиями. А нахождение человека, особенно длительное время, под постоянной угрозой ранения или смерти влечет за собой практически такое же повреждение мозга, как и реальное ранение. Отсюда можно сделать вывод, какое большое количество населения республики, военнослужащих, сотрудников МВД, ФСБ подвергаются

опасности глубокого негативного воздействия на состояние здоровья.

Вместе с тем, на уровень безопасности личности, а также обеспечение прав и свободы граждан в период конфликтной ситуации и, особенно при разрешении вооруженного конфликта, оказывает большое влияние уровень подготовленности военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и других ведомств, направленных в эти регионы. С их стороны слабый уровень владения обстановкой, недостаток практических навыков ведут, как правило, к тому, что гибнет мирное население, происходит задержание лиц без достаточной правовой основы или в не установленном законом порядке, в том числе по спискам или иным актам.

Конфликт создал условия для формирования и развития деятельности незаконных вооруженных группировок, банд, пополнение которых постоянно происходит из безработной молодежи. Это привело к тому, что на территории республики значительно повысился уровень уголовной преступности и, особенно, в том, что непосредственно связано с безопасностью граждан, их правами, свободой. Речь идет о захвате заложников. Только по имевшимся официальным сведениям, численность захваченных заложников составляла: в 1971 году — 792 человека, в 1998 году — 800 человек, в 1999 — свыше 600 человек. Однако в действительности эти показатели значительно выше.

Разгул преступности вызывает у населения не только беспокойство за свою жизнь, здоровье, но и создает распространенное мнение о неспособности официальной власти управлять на данной территории.

О важности соблюдения прав, свобод граждан отмечается и в «Концепции национальной безопасности Российской Федерации», в которой говорится следующее: «На современном этапе интересы личности состоят в реальном обеспечении конституционных прав и свобод личности, личной безопасности, повышения качества и уровня жизни, физического, духовного и интеллектуального

развития». Поэтому вполне закономерно, что при оценке уровня демократизации общества, безопасности личности, доминирующим принципом является соблюдение прав, свобод граждан. Соблюдение и защита прав граждан государством, как и несоблюдение их становится источником конфликтов.

Отсюда возникает вопрос: при каких обстоятельствах будут соблюдаться права и свободы граждан?

Ответ прост: такого положения можно добиться в том случае, когда проживающие на ее территории граждане, независимо от их социального, имущественного положения, религиозных убеждений и национальной принадлежности будут равны перед законом, гарантирующим права и свободы, предусмотренные прежде всего, нормами международного права. И это главное правило не было соблюдено ни одной из воюющих сторон.

Сегодня остро стоит проблема консолидации чеченского общества. Началом к этому может быть формирование корпоративного органа власти в республике, в котором могли бы быть представлены все слои населения. Какое у него будет название — Государственный Совет, Совет представителей или другое, значения не имеет.

На мой взгляд, серьезной проблемой на сегодняшний день является организация взаимодействия и, прежде всего, координация деятельности всех структур, занимающихся оперативно-розыскной деятельностью на территории республики.

Создание квалифицированного координационного органа или центра позволит исключить параллелизм в работе. Кроме того, оно поможет не только обеспечить своевременную проверку поступающих материалов о преступной деятельности, но и снизить возможность предательства внутри федеральных органов.

Помимо этого, сосредоточение информации о задержанных лицах в таком центре позволит реализовать право граждан на получение информации, соблюдая их интересы.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Международная
Научно–практическая конференция
«Чечня от конфликта к стабильности:
проблемы постконфликтной реконструкции»

Москва
27-28 ноября 2000 г.

Состоявшаяся 27-28 ноября 2000 г. конференция была проведена Институтом этнологии и антропологии РАН совместно с Фондом гуманитарного содействия Чеченской Республики и при поддержке «Концерта Милан». В ней приняли участие около ста ученых, политиков, представителей различных ведомств, средств массовой информации. Более половины участников и выступающих составили представители чеченской общественности, что придает конференции особую значимость. На конференции были высказаны следующие основные положения и рекомендации.

1. Масштаб проблем восстановления Чеченской республики как хозяйственной, социально-культурной и политически самоуправляемой общности-территории в федеративном российском государстве огромен. Необходимы настойчивые усилия, в том числе и ученых, по окончательному разрешению конфликта и осуществлению восстановления. Для выработки квалифицированной экспертизы необходимы: а) постоянный мониторинг ситуации в ЧР и связанных с этим других проблем, б) увеличение ресурсов на научное изучение проблем конфликта и послевоенного восстановления, в) координация экспертных усилий и вырабатываемых рекомендаций, их своевременное представление государственным органам и общественности. Заслуживает поддержки предложение о создании научно-экспертного совета по проблемам разрешения конфликта и восстановления в ЧР, который может действовать при Российской академии наук. В разработку проблем должны

включиться академические институты гуманитарного профиля, создаваемый комплексный научно-исследовательский институт в г. Грозном и действующая временная научно-исследовательская группа при Институте этнологии и антропологии РАН. Рекомендовать создать Северокавказское отделение Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов при содействии Полномочного Представителя Президента РФ в Южном федеральном округе для анализа ситуации в области межэтнических отношений и конфликтов.

2. Требуется координация усилий органов государственной власти и управления: президентских структур, Правительства и законодательных органов РФ, а также Временной администрации ЧР, органов власти других субъектов федерации и Представителя Президента РФ в Южном федеральном округе. Следует использовать усилия министра правительства РФ, ответственного за проблемы Чеченской республики, для налаживания данной координации, а также для более активного взаимодействия с общественными организациями, заинтересованными в мире и стабильности в ЧР.

3. Необходимо больше общественного контроля за мерами по восстановлению народного хозяйства и социальной жизни и за оказанием другой помощи ЧР. Рекомендуется создать ежемесячный информационный вестник Правительства РФ, освещающий ход финансирования и выполнения восстановительных работ, положение в республике и другие вопросы. В рамках государственного теле- и радио вещания необходимы специальные информационные передачи, в том числе рассчитанные и на население ЧР. Данные передачи должны готовиться при участии парламентских структур и общественных организаций, в том числе представляющих чеченскую общественность за пределами ЧР. Необходимо создать эффективное профессиональное телевидение в Чеченской республике.

4. В условиях большой роли средств массовой информации в обществе и широкого международного резонанса происходящих

в Чечне событий необходимо обратить особое внимание на: а) идеологические аспекты борьбы против вооруженного сепаратизма; б) обеспечение миротворческих и лояльных установок среди чеченского населения; в) демонтаж античеченских настроений в российском обществе; г) нейтрализацию враждебной России внешней пропаганды; д) объективное информирование международного общественного мнения о положении в ЧР.

5. От политики, экономики, экологии до медицины и психологии — восстановление Чеченской республики может быть только делом общих усилий российского общества. Ключевой вопрос — готовность и мобилизация самих чеченцев на восстановление мирной жизни. Необходимо обращение Президента РФ к народу страны, включая население Чечни, по вопросам урегулирования конфликта и ликвидации его последствий. Нужно заявить о намерении высшего руководства страны и российского общества сделать все для преодоления последствий конфликта и восстановления нормальной жизни в Чечне. Федеральные власти должны гарантировать жителям Чечни, что возврата к бандитскому правлению республикой не будет, а процесс установления контроля федерального центра над ЧР является необратимым.

6. Необходимо довести до конца процесс формирования властных структур в ЧР, сделав основной упор на налаживание доверия и взаимодействия военных и гражданских структур в период существования особого режима правления в республике. С целью вовлечения максимального числа жителей в процесс восстановления необходимо воссоздать, укрепить и взять под защиту органы местного самоуправления. Для этого провести выборы в органы местного самоуправления на основе федерального законодательства. Выбранная местная власть сумеет противостоять боевикам и будет важным партнером силовых и гражданских органов власти федерального и республиканского уровней.

7. Органам местной (поселковой) власти следует передать право на регулирование вопросов пастбищ и сенокосов, непосредственно осуществлять бюджетные и социальные выплаты, напрямую подчиняясь республиканским органам власти, минуя районные администрации. Избранная, защищенная и обеспеченная ресурсами местная власть – основа процесса восстановления гражданского правления в республике.

8. На данном этапе руководители районного звена должны назначаться по согласованию с руководителями местного самоуправления и обладать функцией и полномочиями для обеспечения работы районных подразделений правоохранительных структур, здравоохранения и инфраструктуры.

9. Задача должна быть сформулирована как задача восстановления социальной и экономической инфраструктуры. Для этого усилия и ресурсы должны быть направлены не только на государственную экономику, но и на поддержку и развитие частной хозяйственной инициативы. На территории ЧР в период восстановления следует освободить негосударственные хозяйствующие субъекты от выплат бюджетных налогов и сборов.

10. Особый вопрос — меры по изменению общественного климата после тяжелой войны. Позитивный мир, а не просто окончание войны возможен. Стране нужно позаботиться о здоровье и о жизненной судьбе не только участвовавших в военных действиях федеральных военнослужащих и их семьях, но и в первую очередь о мирных жителях ЧР, лишившихся родных и крова, о раненых или больных. Замирившимся участникам гражданской войны можно найти общие дела и интересы — от учебы и работы до спортивно-культурных мероприятий и совместной ассоциации, которая бы заботилась о нуждах переживших травму войны.

11. Население России должно показать пример замирения состраданием и конкретной помощью. Во многих российских

семьях есть добротные вещи, лишние книги и учебники, а также денежные средства, в которых нуждаются пострадавшие от войны в Чечне. Нужна срочная общероссийская кампания помощи беженцам из Чечни. Нельзя оставаться непричастным и продолжать взаимные обвинения или искать виновников войны. Чеченцы желают замирения, как и вся остальная Россия.

12. Необходима активная работа с детьми. Чеченские дети и подростки нуждаются в добром отношении и в равном обращении, если речь идет о школах в Москве, Нальчике или других российских городах. Необходимы материальная и психологическая помощь чеченским детям и подросткам, как в Чечне, так и за ее пределами. Речь идет об оборудовании школ, медико-психологической помощи, предоставлении одежды и питания, наборе в суворовские училища и прочее.

13. Нужны совместные гражданские инициативы чеченских, северокавказских, общероссийских общественных сил и институтов, в которые включались бы люди разных профессий и возрастов (врачей, социальных и культурных работников, агрономов, инженеров, ученых). Без этого только одним военным и милиционерам вместе с травмированными и социально дезориентированными местными жителями проблемы реконструкции республики не решить.

14. Необходима социальная терапия по возврату к мирному труду и к мирной жизни разных категорий населения. Самый тяжелый итог войны и периода правления Дудаева и Масхадова, помимо утраченных жизней и разрушений, — это демодернизация чеченского общества вместе с разрушением институтов социального контроля. Такого не было в Чечне до 1991 г., когда взрослое население честно трудилось и жило по тем же законам и правилам, что и вся страна. В Чечне сохранялись обычаи, своя собственная культура и язык, как и у других российских народов, но в своем базовом поведении чеченцы не отличались от других граждан. Образ “других” (враждебный или романтизированный) был создан уже в годы

конфликта. Этот образ — уродливое порождение войны и он должен быть разрушен.

15. Необходимо восстановление не только систем жизнеобеспечения, но и основ социальной жизни. Главная опора должна быть на мужчин и женщин среднего возраста. Не следует идеализировать роль тейповых структур (во многом полумифических) и священнослужителей (во многом самозванных) в восстановлении социального порядка.

16. Помимо восстановления власти и порядка, главная трудность состоит в том, чтобы преодолеть послевоенную апатию населения восстанавливать казалось бы невосстанавливаемые руины. Постконфликтная апатия — общераспространенный синдром. Он преодолевается с первыми вознаграждающимися успехами. Именно поэтому Грозный должен быть восстановлен, как и вообще городская жизнь Чечни — основа жизнедеятельности современного общества.

17. Необходимо возвращение гражданам Чечни уверенности, что именно они, а не внешние силы должны и способны решать их собственные проблемы. Для этого следует оградить ослабленное общество от внешних манипуляторов. Зарубежные идеологи, в том числе и чеченские эмигранты, будут продолжать войну против “империи” и за “свободу Чечни”. Найдутся и московские подстрекатели, в том числе из числа живущих в комфорте чеченцев или радикальных правозащитников. Авторитетные чеченские лидеры (политики, ученые, бизнесмены, деятели культуры и другие) обязаны объединиться в работе по налаживанию мирной жизни в ЧР. Такое объединение должно выступать как представитель чеченской общественности и на международной арене. В этом плане наиболее приемлемой формой, отвечающей менталитету чеченского народа, является Государственный совет Чеченской республики, активно участвующий в восстановлении и налаживании экономической и социальной сферы ЧР.

18. В восстановлении системы образования основной упор делать на дошкольное и школьное образование. В ВУЗах в первую очередь нужно восстанавливать факультеты, специалисты которых жизненно необходимы для скорейшего восстановления и функционирования экономической и социальной сферы республики. Ввести в массовом порядке курсы для тех, кто в последние годы был лишен возможности получать нормальное образование и конкретную профессию. Основную массу молодежи после подготовительных курсов направлять для получения среднего и высшего образования в другие регионы страны. Это позволит снять напряжение в занятости и уменьшить базу потенциальных боевиков. Образование имеет такое же значение для формирования общества ненасилия, как и наличие среднего класса собственников.

19. Необходимо утверждение в армии и других федеральных силовых и гражданских структурах, действующих в Чечне, строгих правил отношения к населению. Необходим “сухой закон” для военнослужащих на период службы в Чечне (в Боснии российские миротворцы способны соблюдать запрет на потребление алкоголя). Необходимо соблюдение гуманного отношения и международно-правовых норм в отношении всех категорий невоюющего населения.

20. Необходимо убедительно и энергично провести судебные расследования в отношении виновных в тяжких преступлениях. Нужна информация о ходе расследования террористических актов, преступлений против гражданского населения, о возбужденных делах против террористов или же о начале процесса, трибунала.

21. Необходимы меры морального воздействия на российских политиков, журналистов и общественных активистов, которые открыто призывают к предоставлению Чечне независимости. Эти призывы означают призывы к продолжению кровопролития, они носят аморальный характер в отношении большинства населения Чечни, оказывают разрушительное воздействие на армию.

Необходимо перенацелить дебаты в СМИ на обсуждение проблем послевоенной реконструкции и послевоенной травмы.

22. Необходимы масштабные меры на международной арене по защите действий российского правительства и разъяснению ситуации в Чечне. Пока не высока роль российских дипломатов и ученых, которые отсутствуют во многих международных структурах или занимают пассивную позицию. Необходимо готовить информацию на иностранных языках для внешнего мира и отслеживать деятельность зарубежных СМИ по данному вопросу.

23. Требуется больше освещать жизнь и деятельность чеченцев в Чечне и за ее пределами как часть российского согражданства, прекратить представлять их в образе “гордых дикарей”, показывать, как чеченцы обустривают свою жизнь и борются против бандитов. Особого внимания заслуживает освещение успешной и полезной для страны предпринимательской деятельности чеченцев-россиян, а также поддержка такого бизнеса со стороны властей разного уровня.

Чечня — фундаментальная проблема общенационального значения, это испытание новой России на способность исправлять собственные трагические ошибки и отвечать на внешние угрозы. Выдержим это испытание — мир придет в Чеченскую Республику, а это означает — и во всю Россию.

**ЧЕЧНЯ ОТ КОНФЛИКТА
К СТАБИЛЬНОСТИ:**

Подписано в печать.	Формат 60x84	Объем	п.л.
Тираж экз.	Цена договорная	Заказ №	

Участок оперативной полиграфии
Института этнологии и антропологии РАН
117334 Москва, Ленинский проспект, 32а

-
- ⁱ Я использую те же определения и критерии, что и в своем атласе «The State of War and Peace», 1997, но привожу обновленные данные. Эти данные аналогичны по общему характеру данным Отделения исследований мира и конфликтов Университета Уппсалы, которые ежегодно публикуются в «Journal of Peace Research» (Wallenstein and Sollenberg 1996, 1997, 1998, 1999, 2000), но существенно отличаются от них в деталях. И те, и другие данные основаны на критерии в 25 погибших на войне в год, но я включаю в свой список те конфликты, в которых погибает нескольких сотен человек, и отказываюсь от более точных цифр, для использования которых существующие данные не адекватны. В отличие от исследователей из Уппсалы, я не включаю в определение конфликта участие официального государства в конфликте по крайней мере на одной стороне.
- ⁱⁱ Таким образом, 118 войн 1990-1999 гг. складываются из ста «в значительной мере» гражданских войн, двух «в основном» гражданских войн, пяти войн за независимость, десяти межгосударственных войн и одной транс-национальной.
- ⁱⁱⁱ NB: Во избежание недоразумения следует заметить, что Комиссия не объясняла насилие «горячей кровью», она всего лишь изложила эту точку зрения и свое критическое отношение к ней.

ЛИТЕРАТУРА:

- Adelman, Howard, and Astri Suhrke. 1996. Early Warning and Conflict Management (The International response to Conflict and Genocide: Lessons from the Rwanda Experience: Study 2): Steering Committee of the Joint Evaluation of Emergency Assistance to Rwanda.
- Anderson, Benedict. 1991. *Imagined Communities*. Revised Edition ed. London: Verso.
- Auvinen, Juha. 1997. Political Conflict in Less Developed Countries 1981-89. *Journal of Peace Research* 34 (2):177-195.
- Avery, William P, and David P. Rapkin. 1986. World Markets and Political Instability within Less Developed Countries. *Cooperation and Conflict* 21 (2):99-117.

-
- Calhoun, Craig. 1997. *Nationalism*. Buckingham: Open University Press.
- Chan, Steve. 1997. In Search of Democratic Peace: Problems and Promise. *Mershon International Studies Review* 41 (Supplement 1):59-91.
- Clausewitz, Carl von. 1832/1976. *On War*. Translated by Howard, Michael Paret, Peter. 1976 edition ed. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Collier, Paul. 1999. Doing Well out of War. In *Paper prepared for Conference on Economic Agendas in Civil Wars, London, April 26-27, 1999*: The World Bank.
- Collier, Paul, and Anke Hoeffler. 1999. Justice-Seeking and Loot-Seeking in Civil War: The World Bank, CSAE, Oxford.
- Copson, Raymond W. 1994. *Africa's Wars and Prospects for Peace*. New York: M.E. Sharpe.
- Dessler, David. 1994. How to Sort Causes in the Study of Environmental Change and Violent Conflict. In *Environment, Poverty, Conflict*, edited by N. Græger and D. Smith. Oslo: International Peace Research Institute.
- Gellner, Ernest. 1983. *Nations and Nationalism*. Oxford: Blackwell.
- Gleditsch, Nils Petter. 1998. Armed Conflict and the Environment: A Critique of the Literature. *Journal of Peace Research* 35 (3):381-400.
- Gurr, Ted Robert. 1970. *Why Men Rebel*. Princeton University Press: Princeton University Press.
- Gurr, Ted Robert. 1995. *Minorities at risk: a global view of ethnopolitical conflicts*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press.
- Hauge, Wenche, and Tanja Ellingsen. 1998. Beyond Environmental Scarcity: Causal Pathways to Conflict. *Journal of Peace Research* 35 (3):299-317.
- Hegre, Håvard, Scott Gates, and Nils Petter Gleditsch. 1999. Estimating the Relative Risk of Civil War.
- Homer-Dixon, Thomas. 1994. Environmental Scarcities and Violent Conflict: Evidence from Cases. *International Security* 19 (1):5-40.
- Homer-Dixon, Thomas. 1999. *Environment, scarcity and violence*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Horowitz, David. 1985. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, Ca: University of California Press.
- International Commission on the Balkans. 1996. *Unfinished Peace*. Washington, DC: Carnegie Endowment.
- Jagers, Keith, and Ted Robert Gurr. 1995. Tracking Democracy's Third Wave with the Polity III Data. *Journal of Peace Research* 32 (4):469-482.
- Judah, Tim. 1997. *The Serbs: History, Myth and the Destruction of Yugoslavia*. New Haven: Yale University Press.
- Judah, Tim. 1999. Kosovo's Road to War. *Survival* 41 (2):5-18.

-
- Kaufman, Chaim. 1996. Possible and Impossible Solutions to Ethnic Civil Wars. *International Security* 20 (4):136-175.
- Keegan, John. 1994. *A History of Warfare*. New York: Random House / Vintage.
- Lieven, Anatol. 1998. *Chechnya, Tombstone of Russian Power*. London, New Haven: Yale University Press.
- Lipschutz, Ronnie D. 1997. Environmental Conflict and Environmental Determinism: The Relative Importance of Social and Natural Factors. In *Conflict and the Environment*, edited by N. P. Gleditsch. Dordrecht: Kluwer Academic.
- Little, Alan , and Laura Silber. 1995. *Yugoslavia: Death of a Nation*. New York: Penguin Books.
- MacMillan, John. 1996. Democracies don't fight: a case of the wrong research agenda? *Review of International Studies* 22 (3):275-299.
- Plamenatz, John. 1976. Two Types of Nationalism. In *Nationalism: The Nature and Evolution of an Idea*, edited by E. Kamenka. London: Edward Arnold.
- Rapoport, Anatol. 1989. *The Origins of Violence: Approaches to the Study of Conflict*. New York: Paragon House.
- Risse-Kappen, Thomas. 1995. Democratic Peace — Warlike Democracies? A Social Constructivist Interpretation of the Liberal Argument. *European Journal of International Relations* 1 (4):491-517.
- Rummel, R.J. 1995. Democracies ARE Less Warlike Than Other Regimes. *European Journal of International Relations* 1 (4):457-479.
- Russett, Bruce. 1993. *Grasping the Democratic Peace*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Seton-Watson, Hugh. 1977. *Nations and States. An inquiry into the origins of nations and the politics of nationalism*. London: Methuen.
- Shapiro, Margaret. 1995. Return of the Apparatchiks. *International Herald Tribune*, 16 January.
- Singer, David. 1996. Armed Conflict in the Former Colonial Regions: From Classification to Explanation. In *Between Development and Destruction: An Enquiry into the Causes of Conflict in Post-Colonial States*, edited by L. v. d. Goor, K.Rupesinghe and P.Sciarone. The Hague: Netherlands Ministry of Foreign Affairs
- The Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'.
- Smith, Anthony D. 1983. *Theories of Nationalism*. 2nd ed. London: Duckworth.

-
- Smith, Dan. 1997. *The State of War and Peace*. London & New York: Penguin Books.
- Smith, Dan , and Øyvind Østerud. 1995. Nation-State, Nationalism and Political Identity. Oslo: Advanced Research on the Europeanisation of the Nation-State, University of Oslo.
- Starr, Harvey. 1997. Democracy and Integration: Why Democracies Don't Fight Each Other. *Journal of Peace Research* 34 (2):153-162.
- Taber, Robert. 1970. *The War of the Flea: A Study of Guerrilla Warfare Theory and Practice*. St. Albans: Paladin.
- Tishkov, Valery. 1997. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union*. London: Sage.
- Uyangoda, Jayadeva. 1996. Militarization, Violent State, Violent Society: Sri Lanka. In *Internal Conflicts in South Asia*, edited by K. Rupesinghe and K. Mumtaz. London: Sage.
- Vasquez, John A. 1987. The Steps to War: Toward a Scientific Explanation of Correlates of War Findings. *World Politics* XL (October):108-145.
- Vetlesen, Arne Johan. 2000. Genocide: A Case for the Responsibility of the Bystander. *Journal of Peace Research* 37 (4):519-532.
- Wallensteen, Peter, and Margareta Sollenberg. 1996. The End of International War? Armed Conflict 1989-95. *Journal of Peace Research* 33 (3):353-370.
- Wallensteen, Peter, and Margareta Sollenberg. 1997. Armed Conflicts, Conflict termination and Peace Agreements, 1989-96. *Journal of Peace Research* 34 (3):339-358.
- Wallensteen, Peter, and Margareta Sollenberg. 1998. Armed Conflict and Regional Conflict Complexes, 1989-97. *Journal of Peace Research* 35 (5):621-634.
- Wallensteen, Peter, and Margareta Sollenberg. 1999. Armed Conflict, 1989-98. *Journal of Peace Research* 36 (5):593-606.
- Wallensteen, Peter, and Margareta Sollenberg. 2000. Armed Conflict, 1989-1999. *Journal of Peace Research* 37 (5):635-649.
- Welch, David. 1993. *Justice and the Genesis of War*. Cambridge: Cambridge University Press.

^{iv} Ina-Maria Greverus. Speak up or be silent? On an ethno-anthropological approach to war. *Anthropological Journal on European Cultures*, 1995. Vol. 4. No. 2. P.92.

-
- ^v Anatol Lieven. Chechnya. Tombstone of Russian Power. New Haven, L., 1998. P.353.
- ^{vi} Michael Ignatieff. The Warrior's Honor. Ethnic war and the modern conscience. London: Vintage, 1999. P.175.
- ^{vii} Ibidem.
- ^{viii} Ibid. P.176.
- ^{ix} "Independence of Kosovo is not a dangerous precedent" // International Herald Tribune. 02.07.2000.
- ^x Michael Ignatieff. P.125.
- ^{xi} См.: Социальная идентификация личности. Отв. ред. В.А. Ядов. М., 1993 (особенно таблица на стр. 132-133).
- ^{xii} Anatol Lieven. Op. cit. P.335-339.
- ^{xiii} Ibid. P.354.
- ^{xiv} Ibid. P.335-339.
- ^{xv} Enver Kisriev and Robert Ware. Chechnya. Paper given at the ASN convention. New-York, April 2000. Pp.6-7.
- ^{xvi} Ibid. P.36.
- ^{xvii} Ibidem.
- ^{xviii} См. Тишков В.А. Сепаратизм и самоопределение. Ж. Российская федерация. №4. 1999 г.
- ^{xix} Там же.
- ^{xx} Цит. по кн.: Гречко П.К. Концептуальные модели истории. М., 1995. С. 4.
- ^{xxi} Свердлов М.Л. С.Л. Франк и диалектика любви // Русская философская мысль конца XIX — начала XX вв. Саратов, 1993. С. 10.
- ^{xxii} Общественная и философская мысль в Татарии начала XX века. М., 1990. С. 40.
- ^{xxiii} В Исполнительном комитете // «Терский край». 1917. № 3. 14 июня.
- ^{xxiv} Приказ № 1 по Грозненскому району // «Терский край». 1917. № 4. 20 июня.
- ^{xxv} Грозный, 20 июня // «Терский край». 1917. № 4. 20 июня.
- ^{xxvi} См.: Съезды народов Терека. 1918 год. (Сборник докладов и материалов). В 2-х томах. Т. 2. Орджоникидзе, 1978. С. 163.
- ^{xxvii} См.: «Революционный горец». 1918. № 1.
- ^{xxviii} См.: Кашкаев Б.О. Указанное соч. С. 296.
- ^{xxix} Там же. С. 301.
- ^{xxx} Там же. С. 315.
- ^{xxxi} «Революционный горец». 1918. № 1.

- ^{xxxii} Философская и общественно-политическая мысль Белоруссии и Литвы. Дооктябрьский период: закономерности развития, проблемы исследования. Минск, 1987. С. 308.
- ^{xxxiii} Здесь и в последующем, термин «ваххабизм» употребляется не в его классическом значении. Духовные деятели и исламоведы на Северном Кавказе под ваххабизмом понимают религиозно-политическое течение, рассматривающее местный ислам, как засоренным народными верованиями, суфийскими ценностями, а потому подлежащим очищению. И только через освобождение от заблуждений, нововведений ему можно придать вид, который он имел во времена пророка Мухаммада и праведных халифов.
- ^{xxxiv} Под термином «традиционный ислам» мы имеем ввиду, ислам сложившийся в течение многих веков, путем приспособления, адаптации к социокультурным особенностям того или этноса.
- ^{xxxv} В книге автора «Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение» (Грозный, 1994.) изложены основные этапы жизни и деятельности, а также главные положения религиозно-философского учения чеченского суфия Кунта-Хаджи Кишиева.
- ^{xxxvi} Шейх Баммат-Гирей-Хаджи, ученик шейх Кунта-Хаджи, создавший собственное вирдовое братство, в 1911 году царской властью был сослан в Калугу, обвиненный за поддержку народного мстителя абрека Зелимхан, где он умер в 1913 году.
- ^{xxxvii} Али Митаев — известный религиозный и политический деятель, сторонник независимости Чечни, член Ревкома Чеченской Автономной Области (1923-25 гг.). Ложно обвиненный в подготовке на Северном Кавказе антисоветского, контрреволюционного восстания, он в 1924 году был арестован чекистами Грозненского ОГПУ, а в 1925 году расстрелян в центральной тюрьме г. Ростова-на-Дону. С этого момента в Чечне начался процесс уничтожения советской властью религиозных и политических деятелей чеченского народа.
- ^{xxxviii} Более подробная информация об антиваххабитской деятельности Кадырова можно найти в наших публикациях: «Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: миф или реальность» // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 3; «Муфтий А.-Х. Кадыров: человек, религиозный деятель и политик» // Центральная Азия и Кавказ. — № 5(11). — 2000. — С. 158-164.
- ^{xxxix} Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института

этнологии и антропологии РАН. Документ № 127. — М., 1999. — С. 16.

- ^{xi} Определенный интерес представляет монография «Исламский радикализм в международной политике» И.П. Добаева (Ростов-на-Дону, 2000.). Некоторые соображения на этот счет можно найти и в таких наших публикациях, как «Исламский радикализм на Северном Кавказе: миф или реальность» (Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 3.), «Северокавказский ваххабизм — разновидность исламского радикализма» (Научная мысль Кавказа. — 2000. — №3.), а также в работе «Проблемы ваххабизма на Северном Кавказе» А.А. Ярлыкапова (М., 2000.) и др.
- ^{xlii} Фатхи также, как и Хаттаб, прибыл на первую российско-чеченскую войну из зарубежа. Он — потомок чеченцев насильно переселенных царизмом в Турцию. Материально помогая воюющим чеченцам, он распространял среди них идеи «чистого ислама», то есть ваххабизма. Фатхи вынашивал план устранения традиционного ислама, препятствующего реализации стратегии ваххабитов. Летом 1997 года Фатхи умер в возрасте 50-ти лет, но планы ваххабитов на Северном Кавказе приобрели реальные очертания.
- ^{xliii} Маршо (зональная газета Урус-Мартановского района ЧР). — 2000. — 29 июня.
- ^{xliiii} Абдуллахи Ахмед ан-Наими. На пути к исламской реформации. — М., 1999. — С. 164.
- ^{xliv} Там же.
- ^{xlv} Там же.
- ^{xlvi} Хайдар Баш. Макалат. Ислам: секрет становления. — Ярославль, 2000. — С. 246.
- ^{xlvii} Там же. — С. 248.
- ^{xlviii} Независимая газета. — 2000. — 23 декабря.
- ^{xlix} Северный Кавказ. — 2000. — № 37 (495). — С. 4.
- ¹ См.: www.ntv.ru. 30 октября 2000 года.